

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

47 2021
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (389) / 2021

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD) (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Алексей Николаевич Леонтьев* (1903–1979), советский психолог, философ, педагог и организатор науки.

Родился Алексей Николаевич в Москве, в семье мещан Леонтьевых. Окончив Первое реальное училище (точнее, «единую трудовую школу»), он поступил на факультет общественных наук МГУ. Университет Леонтьев не окончил, так как был исключен, и он сдавал экзамены экстерном. По одной из версий, будучи студентом, он заполнял какую-то анкету и на вопрос «Как Вы относитесь к советской власти?» якобы ответил: «Считаю исторически необходимой». Впоследствии Леонтьев был оставлен при Психологическом институте для подготовки к профессорской деятельности, на это время пришлось смещение с поста директора-основателя Института Г. И. Челпанова. Среди коллег Леонтьева в институте в этот период работали: Н. А. Бернштейн, А. Р. Лурия, в соавторстве с которым было выполнено несколько ранних исследований, П. П. Блонский, а позднее — Л. С. Выготский.

Экспериментальные и теоретические работы Леонтьева посвящены главным образом проблемам развития психики (ее генезису, биологической эволюции и общественно-историческому развитию; развитию психики ребенка), проблемам инженерной психологии, а также психологии восприятия, мышления и т. д. Главное научное достижение ученого связано с разработкой общепсихологической теории деятельности. Он выдвинул также гипотезу о возникновении в филогенезе чувствительности; положение о прижизненном формировании функциональных мозговых систем, составляющих физиологическую основу специфически человеческих способностей.

В области детской психологии Леонтьев разрабатывал положение о развитии индивидуального сознания как о процессе, основанном на усвоении («присвоении») ребенком знаний, умений и норм, выработанных человечеством в ходе исторического развития и закрепленных в продуктах культуры и языке. Профессор

исследовал различные формы активности ребенка в процессе усвоения, роль в нем предметной деятельности, оптимальные способы организации этой деятельности взрослым в ходе обучения, а также разрабатывал вопросы психологии детской игры, психологические проблемы сознательности учения, формирования у человека нравственных качеств. Сформулировал положение об определяющем влиянии ведущей деятельности ребенка на развитие его психики.

Многие люди, работавшие с Алексеем Николаевичем, говорят о том, что он был в определенном смысле выдающимся администратором в плане умения играть в «административные игры»: полностью брал на себя регулирование отношений с властью, идеологией и т. п., а весь факультет спокойно работал. Он говорил: «С порядочными, умными и талантливыми людьми любой дурак работать сможет, а вы поработайте с теми, какие есть», — и брал на себя эту неблагодарную работу. Леонтьев мог быть и был жестким и непримиримым, когда ситуация того требовала. Но чаще он был мягким, внимательным и человечным. Он не делал различий в общении между академиком и студентом, секретарем ЦК и факультетской буфетчицей. Он всегда здоровался первым.

Леонтьев прожил длинную и очень насыщенную жизнь, но, вероятно, не реализовался до конца. И поэтому в конце жизни не чувствовал себя счастливым и часто уходил в работу. Друзей у него было мало, главным образом — коллеги, которых он знал и любил с молодых лет.

Алексей Николаевич был доктором педагогических наук, действительным членом АПН РСФСР, а также лауреатом медали К. Д. Ушинского, Ленинской премии, Ломоносовской премии I степени, почетным доктором Парижского и Будапештского университетов и почетным членом Венгерской АН.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Аббасходжаева К. В.

Деятельное раскаяние и его уголовно-правовое значение..... 147

Адамова О. Ф.

Способы обеспечения исполнения обязательств и их система 151

Адякова К. Б.

К вопросу об отказе несовершеннолетнего от защитника при производстве уголовного дела..... 153

Баранова С. С.

Особенности мотивов несовершеннолетних при совершении преступлений против жизни и здоровья 154

Барсукова К. Ю.

Цели и задачи апелляционного производства в гражданском процессе 156

Баширова А. Ю., Прокошева И. И.

Проблемы обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Кировской области 158

Битюков Д. С.

Принцип эстоппель в процессуальном праве 160

Блинов А. Е.

Современное состояние и специфика международного терроризма..... 162

Блинов А. Е.

Перспективы развития международного сотрудничества в области противодействия международному терроризму 163

Боярских Н. Н.

Примирение потерпевшего и лица, совершившего преступление: понятие и правовые последствия для потерпевшего 165

Вдовиченко В. И.

Понятие и элементы административно-правового статуса вынужденных переселенцев и беженцев 166

Гаврилова А. В.

Правовое регулирование и особенности консенсуального договора займа 168

Гаврилова А. В.

Правовая природа расписки при заключении договора займа..... 171

Горскова Т. Н.

Перспективы совершенствования методики определения признаков преднамеренного и фиктивного банкротства..... 173

Дмитрук А. С.

Формы недобросовестного поведения в делах несостоятельности (банкротства)..... 176

Дорофеева Д. Е.

Особенности правового статуса прокурорских работников как субъектов юридической ответственности..... 177

Дьяков И. А.

Значение объективной стороны для отграничения преступлений от иных правонарушений 180

Ельченкова В. А.

Взаимосвязанные сделки в рамках института крупной сделки 181

Жестков И. А., Даева М. А.

Основной способ уклонения от уплаты налогов: незаконное использование налогового режима 183

Жидкова Д. Б.

Уголовно-правовое противодействие преступному монополизму: генезис и современное состояние..... 184

Захарова А. Э., Каменева О. В.

Правовое регулирование консалтинговой деятельности..... 186

Захарова В. В.

Правовое регулирование сроков исковой давности по законодательству Российской Федерации 187

Иванченко А. О. Источники нормативно-правового государственного регулирования экономической безопасности предприятия в Приднестровской Молдавской Республике.....	189
Ивков Д. П. Некоторые проблемы обеспечения установленного порядка деятельности судов.....	191
Ивков Д. П. Правовая защита судебных приставов при обеспечении осуществления правосудия по гражданским делам и исполнении судебных решений	193
Ильина А. С. Конституционно-правовое развитие института частной собственности в России первой половины XX века.....	196
Ильина А. С. Роль права частной собственности в правовом статусе человека	198
Ильясов А. И. Формы взаимодействия следователя с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность	200
Ильясов А. И. Некоторые проблемы взаимодействия следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, при производстве по уголовным делам	202
Казеева В. С. Правовой статус саморегулируемых организаций в РФ	203
Киселев В. В. Обеспечительные меры в делах о защите интеллектуальных прав	205
Киселев В. В. Особенности доказывания и проведения экспертизы в спорах по защите интеллектуальных прав	207
Киселев В. В. Подсудность дел, связанных с защитой интеллектуальных прав	209
Киселева А. К. Правовые аспекты клонирования человека ...	211
Классина А. В. Врачебная ошибка: подход к определению понятия и меры правовой превенции.....	212

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Деятельное раскаяние и его уголовно-правовое значение

Аббасходжаева Ксения Васильевна, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Рассматриваемая статья посвящена теоретическим нормам определения критериев истинности раскаяния виновного при принятии правоприменителем правильного решения на стадии производства по уголовному делу. В данной статье освещаются гипотезы и критерии, обозначаются общие вопросы в данной сфере. Верное понимание и выявление обозначенных критериев позволит правоприменителю адекватно оценивать личность преступника и принимать решение на стадии производства по уголовному делу.

Ключевые слова: деятельное раскаяние, уголовная ответственность, уголовное законодательство, смягчающее обстоятельство, уголовное освобождение.

На протяжении многих лет отечественный и зарубежный опыт уголовной юстиции постоянно убеждал, что одними мерами ужесточения наказания не добиться снижения числа совершаемых преступлений и не обеспечить их раскрываемость. Научная новизна с позиции уголовно-правового стимулирования состоит в положительном посткриминальном поведении лица в действующем уголовном законодательстве. Следует отметить следующие тенденции в развитии уголовного законодательства о деятельном раскаянии в советский период: в самом начале формирования советского государства и права не существовало единого уголовного закона, а уголовно-правовые отношения регулировались постановлениями, распоряжениями и другими нормативными актами советских органов власти. Так было и с нормами о деятельном раскаянии, которые появлялись в некоторых правовых документах в зависимости от потребностей.

Если рассматривать исторический аспект, то деятельное раскаяние имело важное значение в период войны и первые послевоенные годы, роль военно-политического и экономического инструмента, необходимость его законодательного надления и реализации определялась вершинами политической власти, но не интересами членов общества, пострадавших в результате преступления. Конкретная направленность рассматриваемых норм: особое внимание уделялось нормам деятельного раскаяния, реализуемым в отношении лиц, совершивших преступления, связанные с уклонением от дезертирства и взыточничества. Развитие норм деятельного раскаяния как основания освобождения от ответственности или прощения вины было направлено на реабилитацию и восстановление в правах отдельных категорий советских граждан (в послевоенные годы (1946–1952)). Именно в этот исторический период стало чаще появляться выражение «освобождение от ответственности»,

а не «освобождение от наказания», как раньше, что положило начало формированию самостоятельного уголовно-правового института освобождения от ответственности в целом и послужило толчком для развития деятельного раскаяния как предпосылки освобождения от уголовной ответственности, в частности. На протяжении всего советского периода до 1958 года не существовало общей нормы о деятельном раскаянии как обстоятельстве, смягчающем наказание. С момента законодательного закрепления деятельного раскаяния как обстоятельства, смягчающего наказания, оно реализовано законодателем с учетом двух аспектов: во-первых, оно рассматривается как уголовно-правовая категория, во-вторых, закрепляется морально-психологический признак — искренность раскаяния. Деятельное раскаяние как обстоятельство, смягчающее ответственность, получило возможность дальнейшего развития как самостоятельный институт, поскольку его содержательная часть была конкретизирована, а на законодательном уровне были прописаны предпосылки, наступление которых должно быть обязательным при учете его в качестве данного обстоятельства. Общая норма, содержащая положение о деятельном раскаянии, не появилась в уголовном праве советского периода. Однако, начиная с ноября 1917 года, успешно применялась практика законодательного закрепления специальных оснований освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием за различные виды преступлений. В то же время активно росло количество статей, содержащих упоминание о деятельном раскаянии.

Активное противодействие в постсоветском уголовном законодательстве России (1 января 1991 года — настоящее время), системная дезинтеграция в социально-экономической, социокультурной, политической и правовой сферах, приведшая к распаду СССР, вызвала приостановку функционирования пра-

вовых институтов, что в свою очередь потребовало разработки нового законодательства и новой политики в новообразованном государстве, в том числе и уголовного права. Это привело к началу интенсивной работы над проектом Уголовного кодекса Российской Федерации, который должен был учитывать положения и принципы Конституции Российской Федерации, принятой в декабре 1993 года. Президент России 19 октября 1992 года внес первый проект Уголовного кодекса РФ в Верховный Совет Российской Федерации. В нем был широко закреплён институт деятельного раскаяния. Так, статья 57 проекта содержала перечень смягчающих обстоятельств в виде «признания вины, чистосердечного раскаяния, активного содействия раскрытию преступления», а основание для деятельного раскаяния в виде «предотвращения вредных последствий совершенного подсудимым преступления» отсутствовало. Кроме того, впервые в истории российского уголовного права появилась формулировка названия статьи, придающая деятельному раскаянию как основанию освобождения от уголовной ответственности самостоятельное значение, а затем принятая за основу в действующем УК РФ (ст. 70 Проекта — «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием лица»). Часть 1 данной статьи предусматривала, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, если деяние совершено им впервые, преступление не представляет большой общественной опасности (уголовный проступок) или является менее тяжким, после совершения преступления лицо призналось в содеянном и возместило причиненный ущерб. Вторая часть статьи 70, в отличие от первой части, предусматривала, помимо общего освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, особое условие, изложенное в примечаниях к статьям особенной части. Однако, несмотря на представление такого проекта Президентом, шла активная работа над альтернативными вариантами Уголовного кодекса. Так, в октябре 1994 года в Государственную Думу Российской Федерации были внесены два проекта: президентский и парламентский. Первый из них был разработан на основе проекта 1992 года, второй — на основе альтернативных проектов. Это вызвало необходимость согласования представленных предложений с целью получения единого проекта, отвечающего интересам обеих сторон. Результатом этой работы стали: Во-первых, создание единого Уголовного кодекса Российской Федерации, состоящего из двух частей: общей и особенной. Во-вторых, в качестве оснований деятельного раскаяния как обстоятельства, смягчающего наказание, были закреплены: «явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, изобличению других участников преступления и розыску имущества, приобретенного в результате преступления; оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после преступления; добровольное возмещение или устранение материального и морального вреда, причиненного преступлением, иные действия направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему». Из этого видно, что законодателем детализировано содействие раскрытию преступления путем перечисления его форм (изобличение соучастников, розыск имущества, добытого преступным путем), а также из заглаживания вреда выделено в самостоятельный элемент. По срав-

нению с Проектом 1992 года существенно изменилось содержание статьи Общей части «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием». Увеличилось число статей Особенной части, содержащих примечания со специальным видом освобождения от уголовной ответственности на основании деятельного раскаяния. После длительного обсуждения и согласования, 13 июня 1996 года был принят Уголовный кодекс Российской Федерации. Его ст. 61 содержала перечень обстоятельств, смягчающих наказание, среди которых к деятельному раскаянию можно отнести такие, как явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, изобличению других участников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления (п. «и»); оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненного преступлением, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (п. «к») По сравнению с Проектом 1992 г. в данный перечень был внесён ряд изменений: способствовало не только раскрытию преступления, но и его расследованию, а также содействие не только изобличению других соучастников, но и их уголовному преследованию (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ). В статье 75 УК РФ деятельное раскаяние было закреплено как самостоятельное основание освобождения от уголовной ответственности. В ч. 1 ст. 75 УК РФ сформулированы основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: преступление совершено впервые, категория преступления относится к небольшой тяжести. Выполнение ряда действий после совершения преступления: явка с повинной, содействие раскрытию преступления, возмещение причиненного ущерба или иное заглаживание вреда, ч. 2 ст. 75 УК РФ выводила действие института деятельного раскаяния за пределы его Общей части, закрепляя возможность освобождения от уголовной ответственности и за преступления иной категории «при наличии условий, предусмотренных ч. 1 настоящей статьи, и только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса». С момента вступления УК РФ в законную силу и по настоящее время редакции п. «и» ст. 61 и ст. 75 претерпевали изменения и дополнения. Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ расширена сфера действия части 1 статьи 75 на преступления средней тяжести, а также закреплено новое основание деятельного раскаяния. Позднее, Федеральным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ такое основание деятельного раскаяния, предусмотренного ч. 1 ст. 75 УК РФ как «содействие раскрытию преступления» было заменено на «содействие раскрытию и расследованию преступления». До настоящего времени количество и содержание оснований деятельного раскаяния, предусмотренного ч. 1 ст. 75 УК РФ, более не изменялись. Были внесены лишь стилистико-лингвистические поправки в виде изменения формулировки такого основания деятельного раскаяния как «возмещение ущерба и заглаживание вреда». В действующей редакции ч. 1 ст. 75 УК РФ указанное основание изложено следующим образом: «возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением». Изменения коснулись лишь ч. 2 ст. 75 УК РФ

единожды. Федеральным законом от 27.07.2006 № 53-ФЗ из нее была исключена формулировка «при наличии условий, предусмотренных ч. 1 настоящей статьи» (что, на наш взгляд, расширило сферу действия данной статьи), а также диспозитивная норма была заменена императивной, так как законодатель предусмотрел обязательный характер освобождения от уголовной ответственности в соответствии с ч. 2 ст. 75 УК РФ, заменив словосочетание «может быть освобождено» на «освобождается». Проанализировав содержание примечаний об освобождении от уголовной ответственности к статьям Особенной части УК РФ, мы пришли к выводу, что в настоящее время более 30 из них содержат специальное основание освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. При этом важно отметить, что большое количество составов с подобными примечаниями было введено законодателем за последние несколько лет. В настоящем Уголовном кодексе закреплена норма (ст. 75), предусматривающая освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления: 1) добровольно явилось с повинной, 2) способствовало раскрытию преступления, 3) загладило причиненный в результате преступления вред.

Некоторые составы преступлений предусматривают смягчение ответственности и освобождение от нее для лиц, являющихся с повинной, возмещающих причиненный ущерб, способствуют выявлению и изобличению других участников преступления, и розыску имущества, добытого преступным путем. В данном случае, деятельное раскаяние относится к одному из видов положительного, поощряемого законом поведения лица, совершившего преступление. Из этого следует, что одним из условий результативного применения новых для нашего уголовного закона норм является исследование персонального поведения лиц, совершивших преступление. Рассматриваемое поведение лица может быть либо преступным, либо правомерным как до его, так и после совершения.

Вместе с этим значение деятельного раскаяния и сущность его, причины его возникновения и механизмы, особенности методики доказывания и оценки юридически значимого обстоятельства по уголовным делам изучены не в полной мере и недостаточно детально освещены в профессиональной литературе.

Не имея научно обоснованных рекомендаций, следователи и прокуроры в большинстве случаев испытывают затруднения в доказывании и правовой оценке деятельного раскаяния, допускают тактические ошибки при выявлении психологических и нравственных мотивов деятельного раскаяния, а оперативные сотрудники и следователи периодически нарушают требование закона в связи с применением запрещенных средств и способов получения «чистосердечного признания».

Деятельное раскаяние включает смягчающие обстоятельства, предусмотренные ст. 61 УК РФ, каждое из которых, в соответствии со ст. 68 УК РСФСР, подлежит обязательному доказыванию.

Однако изучение практики показало, что в ходе досудебного расследования и в суде не всегда уделяется должное внимание установлению этих обстоятельств. В уголовных делах доказа-

тельства собираются в основном для обвинения, а доказательства, оправдывающие обвиняемого, смягчающие его ответственность и свидетельствующие о его деятельном раскаянии, игнорируются.

Как правило, в уголовных делах не хватало информации о проявлении раскаяния подозреваемыми, обвиняемыми. В материалах обвинительного заключения отсутствует анализ фактических данных об их деятельном раскаянии, не дана правовая оценка этому обстоятельству. Такие тенденции, ошибки, заблуждения во многом обусловлены слабым научно-методическим обеспечением следственной и судебной практики.

Очень важное место среди обстоятельств, смягчающих наказание, отводится раскаянию лица, совершившего преступление. Вариант деятельного раскаяния, предполагающий определенные физические усилия по активному содействию возмещению причиненного ущерба, прямо закреплен в уголовном законе как обстоятельство, смягчающее наказание (п. «и, к» ч. 1 ст. 61 УК РФ), а также как одно из оснований освобождения от уголовной ответственности (ст. 75 УК РФ). Важным элементом структуры досудебного соглашения о сотрудничестве является также деятельное раскаяние, которое подразумевает активные усилия виновного, направленные на раскрытие и преследование преступления, возмещение ущерба, привлечение к ответственности виновных. С его помощью реализуются такие принципы, как гуманизм, справедливость, индивидуализация в уголовном праве.

Помимо деятельного раскаяния, суд на практике учитывает в качестве смягчающего обстоятельства и раскаяния акт самоосуждения, когда человек, осознавая противоправность собственного поведения, открыто заявляет об этом в ходе судебного разбирательства. Наличие такого раскаяния учитывается по ч. 2 ст. 61 УК РФ как «иное», т.е. не предусмотренное законом, смягчающее обстоятельство.

Учет раскаяния как смягчающего обстоятельства часто приводит к смягчению наказания, условному приговору, освобождению от наказания.

Такие юридически значимые последствия налагают на суд необходимость тщательного анализа аргументов относительно правдивости раскаяния, как активного, так и акта самообвинения. Для оценки подлинности раскаяния, безусловно, важны критерии, по которым можно делать выводы.

Следовательно, представляется важным различать в структуре покаяния его внутреннюю и внешнюю составляющие. При этом под внутренним компонентом, на мой взгляд, следует понимать реальное состояние осуждения собственного проступка, осознание неправомерного, прошлого противоправного поведения, а под внешним — заявление о самооговоре, высказанное потерпевшему, органам предварительного следствия и суду.

Простое внешнее заявление о раскаянии, лишенное сути, не имеет абсолютно никакого значения для справедливого судебного разбирательства. Это диктуется только желанием человека смягчить ответственность или вообще избежать ее. В то же время оно не представляет ценности для общества и государства, поскольку ложное раскаяние не способствует достижению целей, поставленных перед уголовным законом.

В судебной практике нередки случаи, когда лица, ведущие преступный образ жизни, при привлечении к ответственности выражают «искреннее раскаяние», признают свою вину и открыто заявляют о намерении не повторять подобных действий в будущем. В этих обстоятельствах включение раскаяния в качестве смягчающего обстоятельства маловероятно, так как это лишь внешнее раскаяние, не имеющее существенной внутренней основы.

Как правило, наличие внешней стороны раскаяния не вызывает сомнений. Устное или письменное заявление лица о выражении раскаяния, зафиксированное в показаниях, в протоколе следственных действий или в судебном заседании, очевидно и не требует отдельного обсуждения. Внутреннее раскаяние, которое действительно отражает состояние человека, осознанного противоправности собственного поведения, — это совсем другое дело.

В связи с этим возникает сложный вопрос о критериях, по которым суд мог бы сделать выводы о подлинности раскаяния, о наличии важной внутренней стороны самооправдания, ведущей к цели исправления лица и предупреждения повторного преступного поведения.

Оценка внутренних убеждений человека представляется очень сложным процессом. К сожалению, ложь, так прописавшаяся в человеческой природе, часто бывает завуалированной, прикрытой множеством внешних атрибутов, и ее довольно трудно обнаружить. По мнению Т. Б. Гусева, «оправдание лжи» часто направлено на «обеление с целью смягчения наказаний». Однако эти трудности не должны оттолкнуть исследователя от поставленного вопроса, поскольку выявление правдивости покаяния, как отмечалось выше, очень важно. Рассмотрим данный вопрос и возможные пути его решения.

Представим в качестве гипотезы обстоятельства, по которым, на мой взгляд, следует оценивать истинность раскаяния человека.

Во-первых, необходимо обратить внимание на отсутствие рецидивов, особенно так называемых особых рецидивов, когда человек совершает те же общественно опасные деяния, то есть ведет преступный образ жизни. Здесь важно обратить внимание на предыдущие судебные приговоры. Если кто-то постоянно совершает подобные преступления, а когда принимается решение привлечь его к ответственности, он «искренне» раскаивается, то очевидно лишь его желание смягчить свою ответственность.

Литература:

1. Артамонов А. Н. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в связи с отсутствием события преступления, отсутствием в деянии состава преступления, непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления // Законодательство и практика. 2015. N1.
2. Благов Е. В. Освобождение от уголовной ответственности (размышления о проблемах и их преодолении) / Е. В. Благов. Москва: Юрлитинформ, 2018.
3. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: Учебник для юридических вузов и факультетов. М.: ВолтерсКлувер, 2010.
4. Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права / Под общей редакцией М. Б. Костровой. Москва: Проспект, 2014.
5. Воскобитова Л. А. Возбуждение и прекращение уголовного дела, анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство. 2010. N2.

Во-вторых, истинному раскаянию всегда предшествует признание вины и желание помочь раскрыть преступление и расследовать уголовное дело, дать правдивые показания, раскрыть истинную мотивацию преступного поведения. Скорее, неоднократное изменение показаний или пассивное поведение человека свидетельствует о вынужденном раскаянии, выраженном только для того, чтобы предотвратить возможность отягчающего наказания.

В-третьих, очень важно чистосердечное признание. Подлинным и искренним раскаянием вряд ли можно назвать такой самооговор, который выражается под воздействием внешних факторов, к которым могут относиться, в частности, показания других соучастников, предъявление доказательств, избобличающих виновного, и более сурового наказания.

В-четвертых, это извинение перед пострадавшей стороной, стремление изменить ситуацию к лучшему, исправление совершенных ошибок, также свидетельствуют о чистосердечном признании и раскаянии.

Исходя из изложенного, можно утверждать, что истинным раскаянием лица, совершившего преступление, следует считать такое, которое основано на полном признании вины, сделанном добровольно без внешнего принуждения и состоящем из сочетания внутреннего искреннего сожаления о совершенном деянии и внешнего заявления о нем, сопровождаемого желанием исправить допущенные ошибки и помочь государственным органам как можно быстрее и объективнее разрешить уголовное дело.

Резюмируя все вышесказанное мною можно сделать следующие выводы. Впервые в истории всего уголовного законодательства России в УК РФ 1996 года получил закрепление термин «деятельное раскаяние», а его институт приобрел статус самостоятельного и юридическое значение как комплексный, с учетом многолетнего исторического опыта его развития, а также с учетом общепризнанных принципов и норм международного права. Исчезли типичные для советского государства формы участия общественности в реализации уголовной политики освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд или с передачей лица на поруки. По сравнению с законодательством прошлых лет в УК РФ 1996 г. увеличен и конкретизирован перечень оснований, составляющих деятельное раскаяние, наличие которых обуславливает возможность его применения, а также увеличено число статей, содержащих специальные нормы о деятельном раскаянии.

6. Заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ от 16.02.2016 N2.2-1/710 «По проекту Федерального закона N953369-6 »О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (первое чтение) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1997.
8. Макеева И. В. Прекращение уголовных дел по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Украины // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. N6.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. N8.
10. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона »О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // <http://asozd.duma.gov.ru>.
11. Рыжаков А. П. Прекращение уголовного дела: новое основание // СПС «КонсультантПлюс», 2016.
12. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 01.07.2021).

Способы обеспечения исполнения обязательств и их система

Адамова Оксана Фёдоровна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье выделяются и рассматриваются существующие в гражданском законодательстве способы обеспечения исполнения обязательств, их характерные признаки, ключевые функции, а также разновидности их системы.

Ключевые слова: способ обеспечения исполнения обязательств, основное обязательство, имущественный характер, гражданское законодательство.

Основное правило обязательственных правоотношений заключается в том, что исполнено должно быть любое обязательство. Гражданское законодательство предусматривает специальные меры, стимулирующие должника к исполнению обязательств, которые получили название способов обеспечения исполнения обязательства.

В качестве базовой фундаментальной задачи выступает необходимость выработки и внедрения в правовую систему институтов, направленных на обеспечение ряда гарантий защиты прав сторон при заключении различного рода договоров. Ключевую роль среди подобного инструментария играет институт обеспечения исполнения обязательств [8].

Сама формулировка словосочетания «способы обеспечения исполнения обязательств» подчеркивает основной вектор направленности указанного инструментария, который связывается с формированием условий надлежащего исполнения обязательств, выступая в качестве правовых гарантий материального интереса одной стороны [6].

Обеспечение исполнения обязательств охватывается использованием обеспечительных мер имущественного характера, закрепленных в договорной или законной форме, призванных сформировать правовую мотивацию должника к соблюдению обязательства и (или) формирующим иную правовую гарантию охраны имущественного интереса кредитора на случай неисполнения должником обязательства.

Ключевое значение указанного инструментария заключается в наделении должника механизмом для погашения задолженности тем или иным способом, и в формировании у должника мотивации к соблюдению принципа «Pacta sunt servanda».

В настоящее время правовое регулирование способов обеспечения исполнения обязательств регулируется главой 23 ГК РФ, в которой содержатся специальные правила, регламентирующие особенности применения способов обеспечения исполнения обязательств.

В качестве ключевых функций обеспечения исполнения обязательств могут быть названы стимулирующая и защитная, также именуемые в правовой доктрине как гарантийные или компенсаторные. Стимулирующий функционал заключается в побуждении должника к исполнению в натуре. Что касается защитного свойства, то оно состоит в формировании инструмента компенсации потенциально возможных негативных последствий на случай несоблюдения должником условий обязательства [4]. Однако существует и мнение, что все функции института обеспечения исполнения обязательств пересекаются, в связи с чем сам правовой институт имеет комплексное значение, обладая как стимулирующими, так и защитными свойствами [3].

По мнению авторитетного российского цивилиста Б. М. Гонгало, в отношении некоторых разновидностей указанных способов, такого пересечения функций не наблюдается, поскольку они обладают либо стимулирующим, либо защитным функционалом. Так, если рассматривать поручительство и независимую гарантию, то свойства стимулирующего порядка в отношении них не усматриваются, однако имеется защитная функция [2].

Полагаем, основной функцией способов обеспечения исполнения обязательств является именно компенсаторная, в то время как стимулирующая может как наличествовать, так и отсутствовать. Применение иных гражданско-правовых инсти-

тугов в качестве способов обеспечения исполнения обязательств также основано в большей степени на компенсаторной функции данных механизмов.

Отсутствует и единство мнений по поводу акцессорности исследуемого правового института. По мнению Б. М. Гонгало, акцессорность — это неотъемлемое свойство всех способов обеспечения исполнения обязательств, который встречается даже у гарантии, даже невзирая на то, что законодатель таких указаний не приводит [2].

По мнению Е. Г. Комиссарова, сама по себе акцессорность не является неотъемлемым необходимым свойством в рамках указанного правового института. Более того, акцессорность не всегда учитывает запрос гражданского оборота, поскольку в ряде случаев лишь ослабляет обеспечительное обязательство, в то время как ключевая задача средств обеспечения должна, напротив, связываться с их укреплением [5].

Полагаем, акцессорность является существенным признаком неустойки. Соглашение о неустойке следует судьбе основного обязательства. Однако если обратиться к судебной практике по исследуемому вопросу, то можно прийти к выводу о появлении тенденции ослабления акцессорности в отношении неустойки.

Кроме того, в числе признаков, характерных способам обеспечения исполнения обязательств, могут быть названы:

- 1) обязательственный характер,
- 2) имущественный характер [4].

Первый находит свое отражение в особенностях характера возникновения и содержания обеспечительного обязательства. Следует, однако, подчеркнуть, что применительно к некоторым разновидностям таких способов, обязательственная природа либо не усматривается, либо наличествует в сочетании с иной правовой природой.

8 марта 2015 г. подписан Федеральный закон № 42-ФЗ, в котором законодатель изложил в новой редакции ст. 329 ГК РФ, посвященную способам обеспечения исполнения обязательств. Так, законодатель предусмотрел, что с 1 июня 2015 г. могут применяться новые способы обеспечения исполнения обязательств, а именно независимая гарантия и обеспечительный платеж. Кроме того, действующий ранее способ обеспечения исполнения обязательств — удержание имущества должника — теперь сформулирован по-иному, а именно как удержание вещи должника.

В силу ст. 329 ГК РФ в редакции после изменений ФЗ № 42-ФЗ было закреплено, что недействительность соглашения об обеспечении исполнения обязательства не влечет недействительности соглашения, из которого возникло основное обязательство. Однако недействительность соглашения, из которого возникло основное обязательство, обеспеченными считаются связанные с последствиями такой недействительности обязанности по возврату имущества, полученного по основному обязательству.

Изменения и дополнения, которые внесены в гл. 23 ГК РФ, были приняты в рамках реформы гражданского законодательства, проводимой в России. В качестве одного из наиболее значимых направлений реформы выступает обеспечение стабильности гражданско-правового оборота.

В Концепции развития гражданского законодательства РФ [1] было отмечено, что необходимыми являются изменения, а также дополнения в различные способы обеспечения исполнения обязательств, а именно в залог, поручительство, банковскую гарантию, неустойку.

Традиционные способы обеспечения исполнения обязательств установлены п. 1 ст. 329 ГК РФ. Если ранее к ним относились неустойка, залог, удержание имущества должника, поручительство, банковская гарантия и задаток, то сейчас это неустойка, залог, удержание вещи должника, поручительство, независимая гарантия, задаток, обеспечительный платеж.

Вышеприведенный список не является исчерпывающим, поскольку гражданское законодательство не исключает и применение прочих разновидностей указанных способов, если они закреплены на уровне договоров или законов. На практике встречаются также непоименованные способы обеспечения обязательств, то есть не предусмотренные п. 1 ст. 329 ГК РФ. К таким относятся, например, фидуциарный залог, уступка права требования, обеспечительное отступное.

Способам обеспечения исполнения обязательств уделено довольно много внимания в российской юридической литературе, это обусловлено применением разнообразных критериев в их классификации.

Здесь следует привести мнение О. В. Сысоевой, отметившей, что несмотря на открытый характер перечня способов обеспечения исполнения обязательств, прочие способы, кроме закрепленных на уровне ст. 329 ГК РФ, используются довольно редко, а отсутствие легального определения термина «способ обеспечения» затрудняет дифференциацию условия об обеспечении от прочих условий, по которым сторонами достигнуто соглашение [7].

Рассматривая существующие разновидности способов обеспечения исполнения обязательств, можно обнаружить существование определенной системы последних.

С точки зрения Б. М. Гонгало [2] они могут быть дифференцированы по критерию функций, которые они выполняют, на:

- 1) стимулирующие способы (к таковым он относит неустойку, задаток): под страхом имущественных потерь такие способы побуждают должника к тому, чтобы тот исполнил обязательство надлежащим образом;
- 2) универсальные способы (к таковым он относит залог, обеспечительный платеж, удержание): они побуждают должника к тому, чтобы тот исполнил обязательство надлежащим образом, и в случае нарушения обязательства — гарантируют защиту интересов кредитора;
- 3) гарантийные способы (к таковым он относит поручительство, независимая гарантия): они призваны при нарушении обязательства со стороны должника защитить соответствующие интересы кредитора.

Представляется что, процесс развития непоименованных способов обеспечения обязательств может быть существенно скорректирован для участников оборота за счет четких ориентиров относительно общих признаков. Включение в гражданское законодательство (в гл. 23 ГК РФ) самостоятельной дефиниции способа обеспечения обязательства в этом случае является не обязательным.

Таким образом, формулировка понятия «способы обеспечения исполнения обязательств» подчеркивает основную направленность данного инструментария — формирование условий надлежащего исполнения обязательств, а также выступление в качестве правовых гарантий материального интереса одной стороны. Основной функцией способов обеспечения исполнения обязательств является компенсаторная. Общие признаки, характеризующие способы обеспечения исполнения обязательств — это функциональность, акцессорность, обязательственный и имущественный характер. Тра-

диционные способы обеспечения исполнения обязательств установлены п. 1 ст. 329 ГК РФ, но существуют и непоименованные способы обеспечения обязательств. Необходимость обеспечения стабильности гражданско-правового регулирования и устойчивости гражданского оборота не только продекларирована в Концепции развития гражданского законодательства РФ, но и определена конкретными способами решения указанных задач, в том числе, путем совершенствования правового регулирования института обеспечения исполнения обязательств.

Литература:

1. Концепция развития гражданского законодательства РФ (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. — Москва: Статут, 2017. — 789 с.
3. Григорьева В. А. К вопросу о непоименованных способах обеспечения обязательств // Актуальные проблемы обязательственного права и арбитражного процесса: сб. науч. ст. 2017. С. 42–46.
4. Жиленкова, Т. В. Признаки способов обеспечения исполнения обязательств // Глагол правосудия. 2020. № 2. — С. 4–9.
5. Комиссарова Е. Г., Торкин Д. А. Непоименованные способы обеспечения обязательств в гражданском праве / Е. Г. Комиссарова, Д. А. Торкин, Москва: Аспект Пресс, 2008. — 142 с.
6. Солдатова, В. И. Новеллы ГК России о способах обеспечения исполнения обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. — С. 9–13.
7. Сысоева, О. В. Обеспечение исполнения обязательств должника как признак предпочтительности в удовлетворении требований кредитора // Юрист. 2013. № 4. — С. 33–39.
8. Топольской, А. А. Институт неустойки как способ обеспечения исполнения обязательств и защиты прав // Ростовский научный журнал. 2019. № 1. — С. 168–172.

К вопросу об отказе несовершеннолетнего от защитника при производстве уголовного дела

Адякова Кристина Борисовна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Погодин Сергей Борисович, кандидат юридических наук, доцент
 Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор раскрывает проблему отказа несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) от защитника при достижении им совершеннолетнего возраста в момент производства по уголовному делу. Также автор предлагает способ решения данной проблемы.

Ключевые слова: уголовный процесс, отказ от защитника, несовершеннолетний, защитник, подозреваемый, обвиняемый.

Право подозреваемого (обвиняемого) на защиту компенсирует фактическое неравенство участников со стороны обвинения и со стороны защиты. Право на защиту закреплено в международных актах и в ст. 48 Конституции РФ [1]. Оно распространяется на всех лиц вне зависимости от возраста. Проблема реализации права на защиту подростком имеет специфику, вызванную необходимостью компенсации его возрастной незащищенности. Особого внимания заслуживает вопрос отказа от защитника.

Согласно ч. 1 ст. 52 УПК РФ подозреваемый (обвиняемый) вправе отказаться от защитника в любой момент производства по делу [2]. Вместе с этим, ст. 51 УПК РФ закрепляет обязательное участие защитника при производстве уголовного дела в отношении несовершеннолетнего. Часть 2 ст. 52 УПК РФ уста-

навливает, что отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда.

Н. И. Гуковская по этому поводу отмечает, что ч. 2 ст. 52 УПК РФ нейтрализует негативные последствия решения, принятого несовершеннолетним по легкомыслию либо исходя из эмоциональных переживаний [5].

Согласно п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 года № 1 участие защитника при уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних — обязательно. Приглашение, назначение и замена защитника осуществляются с учетом дополнительных гарантий, действие которых заканчивается при достижении ими восемнадцатилетнего возраста [3].

Анализ вышеизложенных положений позволяет сделать вывод о том, что подросток может отказаться только от конкретного защитника, а не от защиты в целом.

В большинстве случаев несовершеннолетние и законные представители не выступают против участия конкретного адвоката. Но иногда его работа может быть малоэффективна. Из-за нехватки у подростка и его законного представителя юридических знаний они не всегда пользуются правом отказа от конкретного защитника. А. Н. Попов отмечает, что таким правом пользуются лишь в 3% случаев [7].

Одной из причин неиспользования права на отказ от конкретного защитника является то, что на практике должностные лица разъясняют его не всегда.

Н. В. Машинская указывает, что изученная практика свидетельствует о том, что право на отказ от защитника при разъяснении прав в процессуальных документах отсутствует. Право на замену защитника является необходимым условием эффективного осуществления права на защиту [6].

На наш взгляд, для решения этой проблемы должностным лицам следует разъяснять несовершеннолетним право на отказ от конкретного защитника и его замену, а также порядок, в котором должно быть реализовано такое право.

Заслуживает внимания вопрос относительно возможности отказа от защитника в случае достижения лицом восемнадцатилетнего возраста во время производства по делу.

Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 (утратило силу) по этому поводу давал разъяснения, согласно которым обязательно участие защитника с момента фактического задержания, предъявления обвинения, а также при судебном разбирательстве независимо от того, достиг ли обвиняемый к этому времени совершеннолетия [4].

Действующие разъяснения Верховного Суда РФ однозначного ответа на указанный вопрос не содержат. Вместе с этим, Верховный Суд РФ разъясняет, что действие дополнительных гарантий реализации права на защиту в отношении несовершеннолетних заканчивается при достижении ими восемнадцатилетнего возраста.

Из указанного можно сделать вывод, что при достижении лицом совершеннолетия во время производства по делу суд принимает отказ от защитника и продолжает производство по делу.

По нашему мнению, такое толкование может допустить уменьшение предусмотренных дополнительных гарантий, в связи с тем, что от достижения совершеннолетия в момент производства по делу обвиняемый не становится умнее, уравновешеннее и его эмоциональное состояние не может измениться за один день.

Реализация указанных идей способствовала бы выработке четкой правоприменительной практики и сделала бы уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних более совершенным, что позволило бы приблизиться к достижению цели — благополучие несовершеннолетнего.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета.— 1993.— № 237.; СЗ РФ.— 2020.— № 11.— Ст. 1416.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ.— 2001.— № 52 (ч. I).— Ст. 4921; СЗ РФ.— 2021.— № 27 (часть I).— Ст. 5122.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета.— 2011.— № 29.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Российская газета.— 2000.— № 50.
5. Гуковская Н. И., Долгова А. И., Миньковский Г. М. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних. М.: Юрид. лит., 1974. 208 с.
6. Машинская Н. В. Проблемы реализации права несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на защиту в стадии предварительного расследования // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 4 (41). С. 206–209.
7. Попов А. Н. Особенности приглашения защитника и отказа от него на предварительном расследовании по делам несовершеннолетних // Вестник КРАСГАУ. 2002. № 1. С. 139–142.

Особенности мотивов несовершеннолетних при совершении преступлений против жизни и здоровья

Баранова Светлана Сергеевна, студент магистратуры
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В настоящей статье раскрыты особенности мотивов несовершеннолетних при совершении преступлений против жизни и здоровья. Приведены результаты эмпирического исследования. Рассмотрены виды мотивации преступных деяний несовершеннолетних.

Ключевые слова: мотив, преступление, несовершеннолетний, преступление против жизни и здоровья, противоправное поведение, закон.

Features of motives of minors when committing crimes against life and health

Baranova Svetlana Sergeevna, student master's degree
North-West Branch of the Russian State University of Justice (St. Petersburg)

This article discusses issues related to the specifics of the motives of minors when committing crimes against life and health. The results of empirical research. Examines types of motivation criminal acts of juveniles.

Keywords: motive, crime, juvenile, crime against life and health, unlawful behavior, law.

По данным проведенного Университетом прокуратуры Российской Федерации исследования преступности за 2020 год ежегодно несовершеннолетними или при их участии совершается более 40 тысяч преступлений, среди которых 7,6% преступлений совершается против жизни и здоровья. Проведенное исследование указало на серьезные недостатки в борьбе с преступностью и показало необходимость совершенствования методов профилактики преступности среди несовершеннолетних.

С целью проведения эффективной профилактики преступлений против жизни и здоровья, совершаемых несовершеннолетними, в дальнейшем необходимо основательное исследование мотивов их преступного поведения. Рассмотрим ряд характерных черт, присущих мотивам совершения преступлений несовершеннолетними.

Мотив, как детерминанта преступления, опредмечивающая потребности личности и стимулирующая ее криминальное поведение, является актуальной темой для исследований криминологов на протяжении многих десятилетий. Выделяют мотивы двух уровней: предметный, выполняющий функции непосредственного удовлетворения лежащих на поверхности потребностей, а также смысловой, характеризующийся бессознательностью, где повышенное значение приобретает постоянное утверждение собственной значимости, защита своего биологического и социального существования.

Одной из характерных особенностей ювенальных преступлений является высокая доля преступлений группового характера. Данная особенность проявляется в желании сплотиться в маленькие группы по интересам, по «статусу» и влиянию, а также по иным основаниям. Группирование позволяет несовершеннолетним чувствовать себя более защищенными, менее уязвимыми, что добавляет им смелости и напора. Группирование на основании низменных мотивов влечет за собой совершение групповых преступлений. Следует отметить, что группа несовершеннолетних зачастую не имеет четко выраженной структуры и не характеризуется распределением ролей при совершении преступления.

Следующими характерными чертами следует назвать недостаток жизненного опыта, повышенную внушаемость, оппозиционное отношение к запретам и предписаниям. Несовершеннолетним характерен максимализм, стремление к самостоятельности и самоутверждению, неустойчивость самооценки. Указанные особенности влекут за собой стихийность совершаемых преступлений, яркость проявляемых эмоций и следование им, желание, чтобы их преступление заметили, «оценили», почувствовали.

Огромное значение при формировании мотивов совершения преступлений имеет материальное положение несовершеннолетних преступников. Изучение их мотивов показало, что в основе большинства преступлений лежит стремление раздобыть средства для удовлетворения своих возрастных или групповых интересов, к которым относятся не только базовые нужды, но и стремление к более обеспеченному уровню жизни. Из чего следует, что причинение вреда жизни и здоровью потерпевшим выступают в данном случае побочным действием основной цели совершения преступления.

Нередко мотивация несовершеннолетних образуется во взаимосвязи с их повышенной эмоциональностью, впечатлительностью. Как отмечает И. П. Башкатов, значительная часть противоправных деяний совершается из озорства, неправильной оценки ситуации, стремления показать «мужские» черты характера, из следования чужому влиянию. В контексте совершения преступлений против жизни и здоровья особое значение приобретает желание проявить превосходство над слабыми, показать свою значимость и силу.

Интересна позиция, согласно которой противоправные деяния против жизни и здоровья, совершаемые несовершеннолетними, совершаются без четко осознаваемых мотивов. Нередко осужденные школьного возраста отмечали, что не испытывают чувства вины за причиненный вред здоровью, обвиняя во всем лишь неудачные обстоятельства. Исследования показывают, что неосознаваемые мотивы нередко проявляются у подростков с различными патологическими, но не исключаящими вменяемости, особенностями личности. В этих случаях, по мнению С. А. Беличевой, у субъекта возникает сильнейшее стремление совершить поступок, который сам он расценивает как недопустимый. Однако в данной ситуации следует учитывать, что некоторые психологи не признают отсутствие мотива или отсутствие их четкого осознания. Невозможность определить мотив совершенного преступления заключается в недостаточной работе подростка над собой и своим поведением, уходом от действительных проблем и желанием спрятаться от внутреннего конфликта с самим собой. Именно поэтому в контексте превентивности преступлений несовершеннолетних особое значение имеет работа с психологом.

При совершении ювенальных преступлений особое значение приобретают, так называемые, «неприязненные личные отношения», в связи с которыми связывают возникновение драк между подростками и учащимися разных школ, хулиганство и, как следствие, нанесение вреда здоровью. В данной причине проявляются уже упомянутые ранее вспыльчивость, яркость характера, нетерпимость и желание показать собственное

превосходство. Безусловно, формирование маленьких групп, либо выявление лидеров и аутсайдеров являются первопричиной многих стычек между несовершеннолетними. Многие подростки уверены, что словами решить конфликт или определить сильнейшего невозможно, не говоря уже о мирном урегулировании возникающих разногласий. Именно поэтому для разрешения возникших конфликтов используется сила, следствием чего является причинение вреда здоровью. К сожалению, данный способ решения конфликта является неким психологическим этапом определенного возраста, в силу чего полностью пресечь решение проблем силой невозможно. Однако, полагаю, возможным сведение подобного рода ситуаций до минимума

путем проведения ряд превентивных мероприятий, а также с помощью повышенного контроля со стороны взрослых.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод о том, что выявление и изучение мотивации и мотивов противоправного поведения несовершеннолетних приобретает повышенное значение в условиях необходимости выбора методов воспитательного воздействия на отдельных несовершеннолетних преступников, а также для решения общих задач профилактики подростковой преступности. Круг мотивов противоправного поведения подростков более ограничен, чем у взрослых правонарушителей, поскольку мотивация в ряде случаев носит печать инфантилизма.

Литература:

1. Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации: [сайт].— URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 01.09.2021)
2. Антонян, Ю. М. Социальная среда и формирование личности преступника (неблагоприятные влияния на личность в микросреде) / Ю. М. Антонян.— Москва: Владос, 2005.
3. Баженов, В. К. Профилактическая работа с несовершеннолетними правонарушителями / В. К. Баженов.— Москва: Просвещение, 1994.
4. Башкатов, И. П. Социально-психологические особенности развития криминогенных групп подростков / И. П. Башкатов // Психология и профилактика асоциального поведения несовершеннолетних / под ред. С. А. Беличевой.— Тюмень: ТГУ, 1995.— С. 15–26. 5.
5. Ветров, Н. И. Профилактика правонарушений среди молодежи / Н. И. Ветров.— Москва, 1996.

Цели и задачи апелляционного производства в гражданском процессе

Барсукова Ксения Юрьевна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье автор проводит исследование целей и задач апелляционного производства в гражданском процессе, анализирует различные подходы авторов-процессуалистов к их определению. Также сравнивает цели и задачи гражданского судопроизводства с целями и задачами административного судопроизводства и по окончании исследования для решения проблемы единообразного определения целей и задач апелляционного производства в гражданском процессе предлагает внести дополнение в норму Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: цели апелляционного производства, задачи апелляционного производства, гражданский процесс, апелляционная инстанция.

Актуальность исследования целей и задач апелляционного производства связана с тем, что именно апелляционное производство выступает одним из действенных способов гарантированной реализации конституционных прав на судебную защиту и исправления судебных ошибок. Доктор юридических наук, профессор О. В. Исаенкова, придерживаясь данной позиции, отмечала, что, действительно, «апелляционное производство по гражданским делам является одной из предусмотренных процессуальным законом гарантий исправления судебных ошибок, наличием (сохранением) законной силы (в особенности, таких ее последствий как исполнимость, преюдициальность, исключительность судебных актов) только у законных и обоснованных решений и определений по гражданским делам» [3, с. 57].

Производство в суде апелляционной инстанции является составной частью гражданского судопроизводства. Это означает, что цели и задачи апелляционного производства вытекают из общих целей и задач гражданского судопроизводства, закрепленных в статье 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а именно: «Задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности

и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду, мирному урегулированию споров» [1, ст. 2]. Деятельность суда должна соответствовать закрепленным в законе целям судопроизводства, которые выступают критерием эффективности правосудия.

Следует отметить, что в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации цель и задачи гражданского судопроизводства смешиваются, тогда как в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации они различаются. Неслучайно авторы Концепции Единого гражданского процессуального кодекса Российской Федерации усматривают, что статья 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации более правильно отражает беспристрастно существующую связь между целями и задачами гражданского судопроизводства и соответствует статье 18 Конституции Российской Федерации [5]. Также стоит отметить, что в статье 3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации цели административного судопроизводства в данном нормативно-правовом акте не предусмотрены, а лишь указываются только задачи [6]. В данной норме некоторые задачи являются одновременно и целью правосудия, например, защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений, которая достигается с помощью правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дел судами.

Вместе с тем производство в суде апелляционной инстанции является самостоятельной стадией гражданского судопроизводства, имеющей и свои специфические цели и задачи, к сожалению законодательно не закрепленные.

Автор Караваева Е. В. в своей диссертационной работе указывает на то, что «в определенной мере цели и задачи апелляционного производства предопределяют особенности рассмотрения дел, полномочия апелляционной инстанции, основания к отмене судебных решений нижестоящей инстанции и содержание данных выносимых решений. Они должны быть сформулированы в специальных нормах, регулирующих апелляционное производство» [4, с. 65].

Исходя из позиции Караваевой Е. В., можно заметить, что в настоящее время сущность апелляционного производства раскрывается в статье 327 Гражданского процессуального Кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой рассмотрение дела судом апелляционной инстанции проводится по правилам производства в суде первой инстанции. Апелляционный суд вправе устанавливать новые факты и исследовать новые доказательства по делу, которые не могли быть предоставлены в суд нижестоящей инстанции по причинам, независящим от лица, участвующего в деле.

Таким образом, можно утверждать, что в указанной норме закреплены задачи апелляционного производства — повторное рассмотрение дела по существу судом апелляционной инстанции, но не сформулированы цели апелляционной инстанции (в отличие от кассационного производства пункт 1 статьи 379.6 ГПК РФ) — кассационный суд общей юрисдикции проверяет законность судебных постановлений, принятых судами первой и апелляционной инстанций, устанавливая правильность применения

и толкования норм материального права и норм процессуального права при рассмотрении дела и принятии обжалуемого судебного постановления, в пределах доводов, содержащихся в кассационных жалобе, представлении [1].

В юридической литературе нет единства определения целей и задач апелляционного производства, поэтому по данному вопросу существуют различные позиции авторов.

Так, по мнению автора С. А. Лазарева «целью суда апелляционной инстанции состоит в рассмотрении жалоб лиц, участвующих в деле, на принятые судебные акты» [7, с. 59–63]. В. В. Ярков усматривает цель в проверке правильности рассмотрения дела судом первой инстанции [11, с. 511], В. В. Грязева обобщает названные походы и указывает, что цель апелляционного производства заключается в проверке правильности решения на предмет его законности и обоснованности [2, с. 51]. Е. С. Смагина полагает, что цель производства по апелляционной жалобе — исправление ошибок в деятельности и постановлениях судов нижестоящей инстанции [9, с. 55].

В данных точках зрения не прослеживается различие между целями апелляции и апелляционного производства.

Следует отметить, что из цели апелляционного производства возникает отличительная только для производства в суде апелляционной инстанции задача, точки зрения на содержание которой в юридической литературе также разнятся.

Так, В. В. Грязева считает, что задачей апелляционного производства является проверка правильности разрешения дела судом нижестоящей инстанции, а также повторное рассмотрение дела по существу [2, с. 43]. Автор, Н. Чекмачева отмечает, что задачей апелляционного производства выступает реализация апелляционным судом контроля за законностью отправления правосудия судом первой инстанции [10, с. 4]. По мнению М. Н. Разинковой, задача апелляционного производства — повторное рассмотрение дела по существу [8, с. 34].

В приведенных мнениях трех авторов касательно задач апелляционного производства не наблюдается различие задачи от цели производства в суде второй инстанции.

Автор Караваева Е. В. считает, что задачей апелляционной инстанции является повторное рассмотрение и разрешение гражданского дела по существу, на основании имеющихся и вновь представленных доказательств в целях проверки обоснованности и законности решений суда первой инстанции. Также Караваева Е. В. в своей диссертационной работе среди целей апелляционной инстанции на первое место предлагает правильным поставить проверку обоснованности решения суда первой инстанции. Такое мнение автор основывает на выводе о рассмотрении апелляционным судом дела в полном объеме и на предоставленном ему Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации праве исследовать новые доказательства и устанавливать новые факты. Таким образом, апелляционный суд, заново пересматривая дело по правилам суда первой инстанции, призван установить факты, имеющие значение для дела, сделать по ним выводы. Обосновывая свои выводы обстоятельствами дела, подтвержденными доказательствами, исследованными в судебном заседании, суд апелляционной инстанции в первую очередь проверяет обоснованность решения суда нижестоящей инстанции [4, с. 68–69].

Проанализировав статью 2 и главу 39 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, следует согласиться с мнением автора Караваевой Е. В.

Таким образом, для единообразного и полного понимания целей и задач апелляционного производства предлагается внести в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации дополнения, более полно характеризующие цели и задачи апелля-

ционного производства. А именно дополнить часть 1 статьи 327 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации следующим содержанием: «Суд апелляционной инстанции повторно рассматривает и разрешает гражданское дело по правилам производства суда первой инстанции, на основании имеющихся и вновь представленных доказательств в целях проверки обоснованности и законности решений суда первой инстанции».

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 01.07.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Грязева В. В. Апелляция в арбитражном процессе: Дисс... канд. юрид. наук: спец.12.00.15.— М., 2005.—197 с.
3. Исаенкова О. В. Изменения апелляционного производства по частной жалобе (представлению) 2013 года: нерешенные вопросы // Вестник юридического факультета Южного Федерального университета. 2014. № 2(11). С. 57–61.
4. Караваева Е. В. Вопросы апелляционного производства в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.15.— Саратов, 2005.— 190 с.
5. Концепция Единого гражданского процессуального кодекса Российской Федерации одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)) / Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Лазарев С. В. Структура российского гражданского процесса // Российская юстиция. 2013. № 2. С. 59–63.
8. Разинкова М. Н. Функции арбитражного апелляционного суда // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 4. С. 34.
9. Смагина Е. С. Теоретические аспекты апелляционного производства по обжалованию решений и определений мировых судей в российском гражданском процессе: Дисс. ... канд. юрид. наук: спец.12.00.15— Ростов-на-Дону, 2005.—210 с.
10. Чекмачева Н. Ах, эта апелляция // ЭЖ-Юрист. 2014. № 3. С. 4.
11. Ярков В. В. Арбитражный процесс: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2010.—880 с.

Проблемы обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Кировской области

Баширова Анна Юрьевна, студент;

Прокошева Ирина Игоревна, студент

Научный руководитель: Верховуров Игорь Николаевич, старший преподаватель

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Данная работа посвящена изучению проблемы обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Кировской области. Рассмотрена практика применения законодательства в указанной сфере, делаются выводы о необходимости совершенствования нормативно-правовой базы федерального и регионального уровня.

Ключевые слова: жилищное право, жилье, жилое помещение, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения.

Проблема обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей является актуальной и имеет большое значение в области защиты прав данной категории людей. Согласно данным Единой государственной информационной системы социального обеспечения, по состоянию на 01.04.2021 в Российской Федерации общая численность детей-сирот, включенных в список детей-сирот, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями составляла 285 585 человек, из них 195 623 — это лица, у которых право на обеспечение жильем наступило, но не реализовано (18 лет и старше) [5].

Конституция РФ провозгласила нашу страну социальным правовым государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человек [1]. Как неоднократно указывал в своих решениях Конституционный Суд РФ, закрепленные в Основном законе цели социальной политики России предопределяют обязанность государства заботиться о благополучии своих граждан, их социальной защищенности и обеспечении нормальных условий существования [4].

В соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной под-

держке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» дети-сироты и дети, оставшимся без попечения родителей, имеют право в установленном законодательством порядке однократно получить благоустроенные жилые помещения специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений [2].

Стоит отметить, что нормативное регулирование рассматриваемого вопроса достаточно обширное. Вопрос предоставления жилья детям сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в частности в Кировской области, регулируется следующими нормативно-правовыми актами: Конституция РФ; Жилищный кодекс РФ, Семейный кодекс РФ; Федеральный закон от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ; Постановление Правительства РФ от 04.04.2019 № 397; Закон Кировской области от 04.12.2012 № 222-ЗО.

Как указывает Р.А. Алекберов, на первый взгляд, такое широкое нормативно-правовое регулирование, кажущиеся исчерпывающим, должно гарантировать защиту жилищных прав детей-сирот и регулировать вопросы предоставления жилья на должном уровне [7]. Однако на практике данная категория граждан сталкивается с разного рода проблемами, которые не позволяют им в полной мере реализовать предоставленное им право.

В соответствии со статистическими данными, размещенными на сайте Правительства Кировской области в 2019 году в Кировской области на приобретение жилья было выделено 326,7 млн рублей, в том числе федеральные средства — 35,1 млн рублей, областные — 291,6 млн рублей. 397 человек обеспечены жилыми помещениями (377 человек обеспечены за счет средств субвенции 2019 года, 20 человек обеспечены жилыми помещениями специализированного жилищного фонда прошлых лет). На 2020 год подлежат обеспечению 432 чел., детей-сирот и лиц из их числа, на 2021—441 чел., на 2022—397 чел. [9].

Как указано в специальном докладе Уполномоченного по правам человека в Кировской области, в течение запланированного года жилыми помещениями обеспечиваются все нуждающиеся в текущем году дети-сироты [6]. Однако существует много проблем. По данным прокуратуры Кировской области за период 2017–2019 годы прокурорами выявлено свыше 300 нарушений законодательства, регламентирующего обеспечение жильем детей-сирот, в суды направлено 41 исковое заявление, внесено 76 представлений, опротестовано 14 незаконных правовых актов [6].

Анализ приведенной статистики говорит о том, что для Кировской области проблема обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей является актуальной. Далее рассмотрим существующие проблемы, связанные обеспечения жильем в Кировской области.

Можно выделить проблему закрепленных жилых помещений. При наличии закрепленного жилья дети-сироты после окончания пребывания в государственных учреждениях, жилыми помещениями не обеспечиваются. Поэтому до принятия решения о закреплении жилого помещения необходимо тщательно проверять, является ли ребенок-сирота нанимателем (членом семьи нанимателя) либо собственником жилого помещения. Что не всегда делается. Например, администрация Оричевского района Кировской области вынесла постановление о закреплении за ребенком-сиротой жилого помещения, находящегося в собственности бабушки [6]. Таким образом ребенка-сироту, ко-

торый не имел своего жилья, фактически лишили права на получения жилья от государства. Однако нарушенное право в данном случае было восстановлено: по протесту прокурора Оричевского района незаконное постановление было отменено.

Помимо этого, существуют проблемы, связанные с контролем состояния жилых помещений, закрепленных за детьми-сиротами. Законом Кировской области от 04.12.2012 № 222-ЗО контроль за обеспечением надлежащего санитарного и технического состояния таких жилых помещений, мероприятия по подготовке их к заселению детей-сирот возложены на органы местного самоуправления [3]. К сожалению, в ряде случаев функции по контролю за сохранностью закрепленных за детьми-сиротами жилых помещений осуществляются уполномоченными органами формально. Например, было выявлено, что в Богородском и Унинском районах необходимые проверки сохранности жилых помещений детей-сирот не проводились более года, а в Верхнекамском районе должностные лица составили акт сохранности жилья без посещения жилых помещений [6].

Еще одной проблемой является коррупция. Были примеры, когда приобретение жилых помещений в целях предоставления данной категории лиц, осуществлялось органами муниципального образования по завышенным ценам. Так, Контрольно-счетная палата Кировской области в 2018 году выявила покупку 131 квартиры для детей-сирот по ценам выше рыночных на общую сумму 30 млн рублей, хотя из выданных квартир 22 были признаны аварийными. А с учетом рыночной стоимости могло быть приобретено на 47 квартир больше [8].

Еще одной проблемой является несвоевременность предоставления жилья. Согласно информации Контрольно-счетной палаты Кировской области, в ходе проверки использования бюджетных средств, направленных в 2016–2018 гг. на реализацию мероприятий подпрограммы «Социализация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», было установлено 76 случаев несвоевременного предоставления жилья детям-сиротам [8]. Во многом это является следствием того, что существует дефицит жилья в муниципалитетах. К тому же, застройщики не выражают заинтересованности в поставке жилых помещений, так как не имеют в собственности соответствующих по площади квартир, или строят квартиры более дорогого сегмента. Не представляют квартиры на аукцион и агентства недвижимости, по информации которых на рынке жилья в г. Кирове крайне мало жилых помещений общей площадью 26 кв. м.

Таким образом, видно, что существующих проблем много и они требуют решения. Рассмотренные проблемы имеют многосторонний характер и должны решаться комплексно. Так, необходимо увеличить финансирование из федерального бюджета как строительства жилых помещений для данной категории лиц, так и финансирование органов, занимающихся вопросами обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилым помещением, вносить изменения в законодательство как федерального, так регионально уровня. Главной задачей, на сегодняшний день, выступает регулирование механизма реализации нормативно-правовых актов, чтобы дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, на самом деле были защищены нашим государством.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации: текст с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года].— Москва, 2021.— Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс.— Текст: электронный.
2. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»: в ред. от 17.02.2021: [принят Государственной Думой 04 декабря 1996 года: одобрен Советом Федерации 10 декабря 1996 года].— Москва, 2021.— Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.— Текст: электронный.
3. Кировская область. Законы. Закон Кировской области от 04 декабря 2012 № 222-ЗО «О социальной поддержке детей — сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детей, попавших в сложную жизненную ситуацию»: с изм. от 04.12.12: [принят Законодательным Собранием Кировской области 29 ноября 2012 года].— Кировская область, 2021.— Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.— Текст: электронный.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 01.12.2009 № 1549-О-П «По жалобе гражданина Скороходова Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 6 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Проект Федерального закона N1181450-7 «О внесении изменений в статьи 1 и 8 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1181450-7> (дата обращения 13.11.2021).
6. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Кировской области «Проблемы, возникающие при реализации прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на предоставление жилого помещения в Кировской области» 2019 года. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1636797797&tld=ru&lang=ru&name=problemids.doc> (дата обращения 10.11.2021).
7. Алекберов, Р.А. Проблемы обеспечения благоустроенными жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / Р.А. Алекберов.— Текст: непосредственный // Молодой ученый.— 2019.— № 19 (257).— С. 186–189.— URL: <https://moluch.ru/archive/257/58758/> (дата обращения: 13.11.2021).
8. Контрольно-счётная палата Кировской области выявила серьезные нарушения при обеспечении сирот жильём // Вятский край. URL: <http://vk43.ru/news/kontrolno-scetnaa-palata-kirovskoj-oblasti-vyavila-sereznye-narusenia-pri-obespechenii-sirot-zhilem> (дата обращения 12.11.2021).
9. Социальная защита детей // Официальный сайт Правительства Кировской области. URL: <https://www.kirovreg.ru/social/education/protect/> (дата обращения).

Принцип эстоппель в процессуальном праве

Битюков Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Прокошкина Надежда Ивановна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Применение принципа эстоппель в гражданском судопроизводстве является одним из ведущих механизмов, связанных с защитой прав по гражданским делам. В настоящее время в нашей стране наблюдаются проблемы применения данного принципа, связанные с формулировкой условий его применения. Установление четких границ применения принципа эстоппель позволит избежать ряда проблем и замечаний, которые могут являться условным блоком для его нормального применения.

Ключевые слова: эстоппель, злоупотребление, процессуальное право.

The principle of estoppel in procedural law

Bitjukov Dmitry Sergeevich, student master's degree

Scientific adviser: Prokoshkina Nadezhda Ivanovna, candidate of legal sciences, associate professor

Saratov State Law Academy

The application of the estoppel principle in civil proceedings is one of the leading mechanisms related to the protection of rights in civil cases. Currently, there are problems in the application of this principle in our country, related to the formulation of the conditions for its application. The

establishment of clear boundaries for the application of the estoppel principle will avoid a number of problems and comments that may be a conditional block for its normal application.

Keywords: *estoppel, abuse, procedural law.*

В настоящее время в России наблюдается тенденция внедрения зарубежной практики во все нормы права, также используются различные заимствованные термины. Обоснованность их применения в реалиях современной России зачастую остается под вопросом, так как введение новых терминов и положений должно предполагать правильное и четкое их описание и применение. Законодатель на сегодняшний день не может дать четкого определения рассматриваемого в данной статье понятия, но суды активно используют его в своих постановлениях, ссылаясь при этом на разные статьи Гражданского кодекса и интерпретируя самостоятельное понимание термина.

Например, суды могут применять термин эстоппель в следующих статьях:

1. П. 1 ст. 10 ГК РФ [1]. В данной статье устанавливаются основные принципы и запреты недобросовестного поведения.

2. П. 3 ст. 307 ГК РФ [1]. Данная статья вносит конкретику для применения общего правила добросовестности для обязательного права.

Если же рассматривать конкретно эстоппель, то в большинстве случаев суды ссылаются на ст. 166 ГК РФ и ст. 432 ГК РФ, иногда при этом обращая внимание на ст. 1 ГК РФ и ст. 10 ГК РФ. В любом случае, если законодательство четко не описывает дефиницию рассматриваемого понятия, то логичным будет вывод о том, что суды, ссылаясь на части разных статей, будут интерпретировать свое понимание.

Стоит обратиться к разъяснению Арбитражного Суда Центрального округа в Постановлении от 17 апреля 2017 г. № Ф10–710/2016, в котором указано, что «В силу международного принципа «эстоппель», который признается Конституцией Российской Федерации (ст. 15), сторона лишается права ссылаться на возражения в отношении ранее совершенных действий и сделок, а также принятых решений, если поведение свидетельствовало о его действительности. Главная задача принципа эстоппель — не допустить, чтобы вследствие непоследовательности в своем поведении сторона получила выгоду в ущерб другой стороне, которая добросовестным образом положила на определенную юридическую ситуацию, созданную первой стороной. Кратко принцип «эстоппель» можно определить, как запрет ссылаться на обстоятельства, которые ранее признавались стороной бесспорными исходя из ее действий или заверений» [2].

Следующим шагом стоит дать краткую характеристику принципов применения эстоппеля.

Также можно охарактеризовать основные принципы применения принципа эстоппель. Например:

1. Применение данного принципа любым образом не должно нарушать право любого объекта гражданского судопроизводства на возражение.

2. Если по какой-либо причине объект гражданского судопроизводства лишается права на возражение, то необходимо доказать ситуацию, связанную с применением принципа эстоппель [3].

Исходя из полученных принципов, можно сделать вывод, что не всегда гражданские процессуальные права применяются по назначению. Ярким примером можно выделить недобросовестное поведение участников судебного процесса. В итоге получается ситуация, при которой субъект права теряет его, либо же происходит потеря права в рамках взаимоотношения сторон. Все это непосредственно связано с возникновением эстоппеля, после которых орган судебной власти в рамках АПК РФ может применить неблагоприятные последствия.

В качестве таких последствий можно рассматривать полную оплату всех расходов, связанных с гражданским судопроизводством, на лицо, которое злоупотребляло действиями, повлекшими возникновение принципа эстоппеля, а также срыва, переноса или затягиванию судебного заседания или же введения в заблуждение должностных лиц.

Таким образом, на основании вышеизложенного материала можно сделать вывод о том, что принцип эстоппель в нашей стране применяется не всегда правильно и не всегда обоснованно. Стоит полагать, что применение принципа эстоппель в рамках гражданского судопроизводства должно быть расширено.

Судебный орган должен иметь возможность для применения принципа эстоппель без каких-либо заявлений от сторон, принимающих участие в процессе, так как это наиболее полным образом будет соответствовать концепции дискреционных полномочий органа судебной власти.

Любой судебный процесс сегодня предполагает наличие сложностей, связанных с различием злоупотребления процессуальными правами от нормального и правомерного поведения его участников.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать заключение, что сегодня происходит процесс медленного развития законодательства РФ в рамках противодействия злоупотреблению процессуальными правами. Дополнительно хотелось бы отметить, что не разработаны наиболее ясные методы работы по принципу эстоппеля, поэтому данное направление стоит выделить в качестве наиболее приоритетного направления для проведения исследований.

С другой стороны, применение принципа эстоппель представляет собой наиболее мягкий механизм защиты от злоупотребления процессуальными правами.

Литература:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации Ф3 № 51 от 30 ноября 1994 (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301; Российская газета. — 08.12.1994. — № 238–239.

2. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17 апреля 2017 г. № Ф10-710/2016 по делу № А62-7186/2013. URL: <http://www.consultant.ru>
3. Городилова Ю. Л. Особенности применения принципа эстоппель в арбитражном процессе // Вестник арбитражной практики. — 2017. — № 6. — С. 50–54.
4. Калейкина Е. О. Применение правила эстоппель в российском гражданском праве // Молодежь третьего тысячелетия. — 2016. — № 5. — С. 76–79.
5. Комиссаров К. И. Некоторые аспекты соотношения гражданского и гражданско-процессуального права // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав. — 1973. — С. 79.
6. Сорокин А. И. Процессуальный эстоппель // Международный научно-исследовательский журнал. — 2015. — № 7-3. — С. 136–140.
7. Шамшурин Л. Л. Справедливость как принцип российского цивилистического процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. — 2016. — № 11. — С. 15–19.

Современное состояние и специфика международного терроризма

Блинов Антон Евгеньевич, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В статье автором рассматриваются актуальные аспекты террористической деятельности на международном уровне, анализируется современное состояние проблемы международного терроризма, определяются специфические особенности данного явления.

Ключевые слова: международный терроризм, террористическая деятельность, терроризм, противодействие терроризму.

В конце XX — начале XXI вв. международный терроризм стал одной из наиболее острых проблем для всего мирового сообщества, так как террористическая деятельность международного характера затрагивает не только интересы отдельных государств, наций, социальных групп, но и всего человеческого сообщества. Как отмечает И. Цзинь современный международный терроризм представляет собой совокупность военных действий с театральным эффектом, при сочетании которых демонстративно используются наиболее жестокие формы насилия, применяемые к жертвам перед мировой аудиторией для формирования ощущения опасности с целью политического или социального воздействия [5, с. 389].

Специфическая особенность и отличие международного терроризма на современном этапе выражается в том, что он посягает на безопасность и мирное существование всего человечества, при этом относительно данного явления не выработано единообразного подхода в нормах национального законодательства по определению сущности и квалификации действий, которые могут рассматриваться как акты международного терроризма.

В научной среде отмечается, что международный терроризм проявляется в следующих действиях [2, с. 44]:

1. Действия, направленные на создание террористической обстановки среди общественных масс.
2. Действия, обусловленные политическими целями.
3. Действия, основанные на экстремизме и нетерпимости.
4. Действия, которые создают угрозу для взаимодействия между нациями и странами.
5. Действия, угрожающие территориальной целостности государств и т.д.

Обращая внимание на сущность такого явления, как международный терроризм, необходимо рассмотреть причины его возникновения и развития — низкий уровень материального обеспечения граждан во многих странах, низкий уровень образования, что позволяет участникам террористических организаций влиять на восприятие ими террористической идеологии и вербовать новых участников террористических группировок. Также факторами являются высокий уровень безработицы и недостаточная организованность структур и органов, деятельность которых заключается в выявлении и предупреждении террористических действий, а также коррупция в данной сфере.

Также на развитие международного терроризма действуют такие факторы как возникновение и обострение различных противоречий между отдельными группами по социальным, правовым, экономическим и политическим вопросам, нежелание отдельных лиц жить в определенных условиях или их стремление к получению приоритетных прав и привилегий, стремление к достижению личных или групповых целей политического, экономического или социального характера, сформированность религиозной нетерпимости по отношению к иным конфессиям, распространенность и доступность оружия среди населения, распространение средствами массовой информации или определенными лицами идеологии терроризма или иной информации, которая способствует росту насилия, нетерпимости к другим людям и т. д. [1, с. 70].

Все данные факторы в определенной мере влияют не только на возникновение и развитие террористических движений, но и определяют мотивы террористической деятельности, ее цели, сущность и направленность террористических действий.

Очевидно, что одной из основных особенностей международного терроризма на современном этапе выступает его националистическая и религиозная направленность, выражающаяся в том, что участники террористических актов являются представителями отдельных национальностей или религиозных течений, а цель террористической деятельности сводится к достижению определенных задач с установлением определенных национальных или религиозных условий для представителей других народов или конфессий.

Что касается противодействия международному терроризму в настоящее время, то в первую очередь необходимо отметить формирование множества нормативно-правовых актов международного и национального уровня в данной области. Однако, следует отметить тот факт, что в настоящее время нет единой комплексной системы противодействия международному терроризму, а вся деятельность в данном направлении обладает в большей степени национальным и региональным характером, так как в актах международного уровня отсутствует конкретика и отдельные положения не соответствуют современным условиям существующей проблемы международного терроризма [3, с. 203].

Кроме того, только в ряде отдельных стран предусматривается более существенные меры уголовной ответственности за террори-

стическую деятельность на мировом уровне. Так, например, в уголовном законодательстве Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Узбекистан и других стран предусматривается ответственность за непосредственно совершение международного терроризма и терроризма, а в других национальных уголовно-правовых нормах предусматриваются меры ответственности только за терроризм, который охватывает все действия данного направления, независимо от масштабов совершенных преступлений. При этом понимание того, что международный терроризм обладает значительно более высокой общественной опасностью, вынуждает многие страны вводить специальные нормы об уголовной ответственности за совершение террористических действий в международных масштабах [4, с. 341].

Подводя итог, можно констатировать, что терроризм в современных условиях приобрел особую общественную опасность, и, несмотря на последовательное искоренение террористических группировок и иные действия, направленные на противодействие террористической деятельности, международный терроризм остается проблемой номер один для всего мирового сообщества. В настоящее время нет единой комплексной системы противодействия международному терроризму, а вся деятельность в данном направлении обладает в большей степени национальным и региональным характером.

Литература:

1. Негодяев К. Ю., Демьяненко К. Б. Терроризм, как явление // Вестник научных конференций. — 2020. — № 6–2(58). — С. 69–71.
2. Пахомова Н. А. Международный терроризм: понятие, причины, последствия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2019. — № 7–2. — С. 43–45.
3. Сабитов О. С. Понятие «терроризма» и зарубежный опыт борьбы с терроризмом // Наука и практика в решении стратегических и тактических задач устойчивого развития России. Сборник научных статей по итогам Национальной научно-практической конференции. — 2019. — С. 202–206.
4. Салахова Ж. В. Современные проблемы борьбы с международным терроризмом // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. — 2019. — Т. 11. — № 1. — С. 339–342.
5. Цзинь И. Международный терроризм. Основные пути борьбы против международного терроризма на современном этапе // Молодой ученый. — 2017. — № 20. — С. 389.

Перспективы развития международного сотрудничества в области противодействия международному терроризму

Блинов Антон Евгеньевич, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В статье автором рассматриваются актуальные вопросы, связанные с перспективой развития международного сотрудничества в области противодействия международному терроризму, анализируются существующие тенденции в области совершенствования международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом.

Ключевые слова: международный терроризм, террористическая деятельность, терроризм, противодействие терроризму.

В настоящее время международный терроризм выступает в качестве одной из самых опасных угроз мирового уровня, так как большинство трагических событий последних лет во многом были связаны с реализацией различных террористи-

ческих актов. В таких условиях все мировое сообщество незащищено, что приводит к социальной напряженности, международным и внутригосударственным конфликтам. Проблема международного терроризма усугубляется не только из-за рас-

пространения террористических группировок и подобных криминальных объединений, но и по причине несовершенства мер противодействия данному явлению как на мировом, так и национальном уровне.

В современных условиях формы и методы международно-правового сотрудничества в области противодействия террористической деятельности изменяются в соответствии с реалиями международной обстановки и спецификой отдельных регионов. После поражения Игил (террористическая организация, запрещена в России) активность международного терроризма существенно снизилась, так как было ликвидировано террористическое государство и его лидеры, в результате чего отдельные немногочисленные группировки утратили источник поддержки технического, финансового, организационного и иного характера [2, с. 156].

Но победа над Игил (террористическая организация, запрещена в России) не стала триумфальным завершением противодействия терроризму на мировом уровне, так как сформировалось достаточно большое количество мелких террористических групп разной направленности. После того, как на территории Сирии удалось победить «Исламское государство» или Игил (террористическая организация, запрещена в России), разрозненные группы боевиков террористов стали активно проникать на территорию соседних государств, а также стран Центральной Азии, Юго-Восточной Азии и Европы. В 2016 г. Совет безопасности ООН указал, что невозможно одержать победу над терроризмом при использовании только военных сил, правоприменительных средств и разведывательных операций, так как физическое уничтожение представителей террористических групп обладает не долгосрочным эффектом — им на смену приходят новые участники террористических организаций, меняются идеологии и цели терроризма [4, с. 340].

В процессе международно-правового сотрудничества в борьбе с международным терроризмом необходимо коренное изменение существующих подходов, так как силовые и карательные методы утратили свою актуальность, а также не продемонстрировали существенной эффективности [5, с. 281].

В перспективе можно предположить, что внимание международного законодательства в данной области будет акцентировано на средствах и методах предупреждения террористической деятельности и противодействия созданию и формированию террористических организаций, а не на силовых и нормативных методах, которые были основой международно-правового сотрудничества до настоящего времени. В настоящее время можно выделить основные направления противодействия международному терроризму, которые рассматриваются на перспективу [3, с. 96]:

1. Закрытие информации ограниченного доступа.
2. Противодействие вербовке в террористические организации.
3. Контроль финансовых средств в сети Интернет.
4. Вскрытие источников тайной связи.
5. Пропаганда и информационное противоборство.
6. Противодействие актам сетевого терроризма.

Относительно перспективы развития международно-правового сотрудничества в области противодействия террористической деятельности особенно острым был вопрос ответственности стран за оказание содействия террористическим организациям на своей территории. В научной среде обобщалось не мало моделей ответственности таких государств за нарушение обязательства *due diligence*, однако, до недавнего времени данный вопрос так и не был решен относительно его практической реализации, до того момента, когда была начата разработка Всеобъемлющей конвенции ООН против международного терроризма. Разговоры о данном акте велись еще достаточно давно, но при этом среди государств так и не был достигнут консенсус относительно отдельных положений данного акта [1, с. 7].

Полагаем, что в перспективе разработка и введение в действие данной конвенции было бы колоссальным прорывом в области международно-правового сотрудничества, при условии, что данная конвенция не только объединит в себе основные положения взаимодействия в сфере противодействия терроризму, но и легальное толкование понятия «международный терроризм», критериев определения организаций как террористических, вопросы применения универсальной юрисдикции, оказания помощи государствам в области противодействия международному терроризму, а также меры ответственности для государств, оказывающих содействие террористическим организациям.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что на современном этапе в области противодействия международной террористической деятельности настало время для трансформации и преобразования существующих подходов к международно-правовому сотрудничеству в данной сфере. Сложившаяся ситуация мирового терроризма свидетельствует о необходимости ускоренного совершенствования системы международно-правового сотрудничества в сфере противодействия терроризму. Основным шагом в данном направлении вероятно станет разработка и принятие Всеобъемлющей конвенции ООН против международного терроризма, однако, для достижения данной цели государствам необходимо прийти к консенсусу относительно отдельных вопросов и положений данного международно-правового акта.

Литература:

1. Батанина И. А., Огнева В. В. Международный терроризм: глобальный политический контекст // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2019. — № 2. — С. 3–10.
2. Матинян М. А., Вернер В. Проблемы борьбы с международным терроризмом // Материалы IV Ежегодных международных научно-практических чтений Ставропольского института кооперации (филиала) БУКЭП. Сборник IV международных конференций профессорско-преподавательского состава и аспирантов Ставропольского института кооперации (филиала) БУКЭП. Под общей редакцией В. Н. Глаза, Д. А. Кузьмина. — 2018. — С. 155–157.

3. Полончук Р.А. Перспективы сотрудничества России и Китая в сфере противодействия международному терроризму // Наука и военная безопасность. — 2019. — № 4(19). — С. 94–98.
4. Салахова Ж.В. Современные проблемы борьбы с международным терроризмом // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. — 2019. — Т. 11. — № 1. — С. 339–342.
5. Чапурко Т. М., Штепа М.А., Чеченов Х.Р. Политико-правовые проблемы реализации солидарности в борьбе с терроризмом: международные и российские аспекты // День солидарности в борьбе с терроризмом. Материалы Всероссийского Круглого стола. Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС. — Ростов-на-Дону, 2020. — С. 277–284.

Примирение потерпевшего и лица, совершившего преступление: понятие и правовые последствия для потерпевшего

Боярских Наталья Николаевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автор рассматривает вопрос о понятии «примирение потерпевшего и лица, совершившего преступление», а также анализирует правовые последствия примирения для потерпевшего.

Ключевые слова: потерпевший, виновный, примирение, последствия примирения.

Ключевым условием освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности на основании ст. 76 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) является примирение этого лица с потерпевшим. К сожалению, ни уголовное, ни уголовно-процессуальное законодательство РФ, не содержат объяснения понятия «примирение сторон». Во многом из-за этого акт примирения сторон в уголовном процессе часто считается компромиссом, достигнутым между государством и преступником, а не между сторонами уголовного производства. А между тем, примирение потерпевшего и обвиняемого касается, в первую очередь, волеизъявления потерпевшего, которому принадлежит преимущественное право выбора [1, с. 78].

Понятие «примирение» в русском языке определяется как «действие по прекращению ссоры, тяжбы ... заключение мира» [2, с. 128], а так же как результат «прекращения вражды, восстановление согласия» [3, с. 417]. Есть у этого понятия и иное значение — «мир, согласие после устранения причин ссоры, вражды» [4, с. 178].

Исходя из этих определений, примирение всегда подразумевает, что для него имеется некая предпосылка в виде конфликта сторон, выражающегося в соре, споре, разногласиях, вражде и т.д. Осуществление примирения означает прекращение конфликта и восстановление согласия между сторонами, т.е. переход сторон к миру.

В уголовно-процессуальном значении под примирением понимаются двусторонние обоюдные добровольные действия обвиняемого (подозреваемого), свидетельствующие об осознании виновным противоправности и последствий своего деяния и готовности к искуплению вины, и потерпевшего, готового принять это искупление. Эти действия могут совершаться в различных формах, в результате чего стороны уголовно-правового конфликта изменяют свое внутреннее психологическое отношение к преступлению и друг другу [5, с. 574].

Кроме того, примирение потерпевшего и лица, совершившего преступление можно охарактеризовать как юридически значимое действие, обладающее право-прекращающим характером, представляющее собой соглашение, заключенное между управомоченными на то сторонами уголовного производства, в результате чего лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается от уголовного преследования.

Главными признаками такого соглашения является его добровольный характер со стороны всех участников, т.е. полная свобода их волеизъявления, и обязательность исполнения этого соглашения, в случае его достижения. Не только отказ потерпевшего признать примирение состоявшимся, но отказ обвиняемого не позволяет прекратить уголовное преследование по данному основанию, т.к. прекращение уголовного преследования по основанию, указанному в ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает. В таком случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке (ч. 2 ст. 27 УПК РФ).

Все сказанное свидетельствует о том, что примирение потерпевшего и лица, совершившего преступление — это двусторонний акт добровольного волеизъявления сторон, имеющий черты сделки, обладающей уголовно-правовым смыслом при соблюдении критериев, определенных в ст. 25 УПК РФ.

Инициатива примирения может исходить от обеих сторон, в том числе и от лица, совершившего преступление, причем не обязательно по положительной мотивации. Со стороны обвиняемого одним из основных мотивов к примирению, часто является страх перед уголовной репрессией за совершенное преступное деяние, возможность избежать уголовное преследование со всеми вытекающими последствиями. Вместе с тем, решающая роль в примирении принадлежит все же потерпевшему, и, прежде всего, именно его волеизъявление, его оценка

содеянного и личности того, кто совершил преступление, имеет значение.

Однако одной лишь инициативы к примирению для того, чтобы оно могло считаться состоявшимся, мало. Для этого требуется взаимное согласие сторон на заключение примирения. Только взаимное согласие делает акт примирения состоявшимся.

Следует отметить, что примирение потерпевшего и лица, совершившего преступление должно быть фактически состоявшимся, то есть оно должно иметь вид фактически осуществленных сторонами действий, предусмотренных ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ, а, следовательно, примирением не является простое заявление об этом потерпевшего и/или обвиняемого, или даже их взаимное согласие на заключение примирения. Обещания, а также различного рода обязательства лица, совершившего преступление, возместить ущерб или загладить вред в будущем не являются обстоятельствами, дающими основание для освобождения этого лица от уголовной ответственности.

Основным условием прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон является фактическое заглаживание причиненного потерпевшему вреда.

Под заглаживанием вреда для целей статьи 76 УК РФ понимается возмещение ущерба, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего: имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства.

Способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются потерпевшим.

И, естественно, заглаживание вреда является одним из наиболее стимулирующих примирение факторов.

Вместе с тем, какие бы способы возмещения ущерба и заглаживания вреда не были использованы, они в любом случае должны носить законный характер, быть нравственными, и не ущемлять права и законные интересы третьих лиц, общества и государства. При этом заглаживание вреда может быть произведено не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе, или с его согласия, любыми другими лицами.

И весьма значимым является вопрос о последствиях прекращения уголовного дела за примирением сторон для потерпевшего.

Главным последствием прекращения уголовного дела за примирением сторон для потерпевшего является невозможность повторного привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности. Этот принцип, известный еще с античных времен и известный под названием «non bis in idem», закреплен в российском законодательстве в ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации, согласно которой никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление. Этот же принцип получил отражение в ч. 2 ст. 6 УК РФ, согласно которой никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

Другим последствием прекращения уголовного дела за примирением сторон для потерпевшего является возможность возложения на него процессуальных издержек, которые могут быть взысканы с потерпевшего как частично, так и целиком (ч. 9 ст. 132 УПК РФ). Данный факт видится нелогичным, поскольку лицо уже фактически понесло вред от совершенного преступления, и здесь же дополнительно обязано выплатить процессуальные издержки. Единственной гарантией защиты прав потерпевшего в этих случаях является возможность привлечения лица, совершившего преступление, к ответственности в порядке гражданского судопроизводства в целях компенсации понесенных как моральных, так и материальных издержек.

Литература:

1. Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. М.: Юрист, 1998. 511 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Том третий. М.: Издательство «Русский язык», 1980. 555 с.
3. Ожегов с. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: А ТЕМП, 2006. 938 с.
4. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. Т. 3. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940 гг. 316 с.
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 1072 с.

Понятие и элементы административно-правового статуса вынужденных переселенцев и беженцев

Вдовиченко Владислав Игоревич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автором предпринята попытка теоретико-правового определения понятия «административно-правового статуса вынужденных переселенцев и беженцев» и его элементов.

Ключевые слова: административно-правовой статус, беженец, вынужденный переселенец, гарантии, гражданство, обязанности, права.

Правовой статус личности в отечественной юриспруденции традиционно определяется как положение лица в государстве и обществе, определяемое и закрепленное правовыми нормами [5, с. 95]. Соответственно, под правовым статусом понимается совокупность прав и свобод, обязанностей и ответственности личности, устанавливающих ее правовое положение в обществе [2, с. 307].

При этом специалисты признают, что одно лицо обладает множественностью правовых статусов [8, с. 36], обусловленной, среди прочих причин, тем, что различные отрасли права дополняют правовой статус с позиции предмета и метода своего регулирования. Особенность именно административно-правового статуса вынужденных переселенцев и беженцев заключается в регулировании соответствующих прав и обязанностей нормами административного права, органически связанными с деятельностью органов исполнительной власти в данной сфере. Ведь в административно-правовых отношениях одной стороной в любом случае является государство (орган государства, должностное лицо), выступающие носителем властных полномочий [1, с. 4]. При этом лицо и государство (орган государства, должностное лицо) имеют взаимные права и несут соответствующие этим правам взаимные обязанности.

Административно-правовой статус вынужденных переселенцев и беженцев наряду с иными разновидностями правового статуса данных лиц (прежде всего, международным и конституционным) представляют собой сложный взаимосвязанный и взаимозависимый юридический комплекс, который позволяет вынужденным переселенцам и беженцами, с одной стороны, и государству, с другой стороны, осуществлять полноценное взаимодействие, учитывающее потребности и интересы всех задействованных субъектов.

При этом перечень элементов, относящихся к правовому статусу и определяющих его содержание, является дискуссионным. Правоведы включают в содержание правового статуса такие элементы (в различном их сочетании) как свобода и (или) право, обязанность, ответственность, принцип, гарантия, а также гражданство [3, с. 27; 4, с. 41; 5, с. 152]. Однако ключевыми элементами любого правового статуса, включая административно-правовой статус физического лица, без сомнения, являются корреспондирующие друг другу права и обязанности субъекта [7, с. 50].

Можно выразить солидарность с позицией А. Е. Юрицина, который в своем диссертационном исследовании указывает, что содержание административно-правового статуса вынужденных переселенцев и беженцев определяется правами, обязанностями, гарантиями и ответственностью [9, с. 8–9].

При этом под административные права вынужденных переселенцев и беженцев можно рассматривать как указанные в официальных нормативных правовых актах «дозволения» субъектам осуществлять конкретные юридически значимые действия (бездействия), а также связанные с такими «дозволениями» полномочия требовать от третьих лиц воздержаться от

создания препятствий в реализации прав и даже требовать от определенных лиц содействия в их осуществлении [9, с. 9].

Ключевые дополнительные права лица, получившего статус вынужденного переселенца, во многом сводятся к полномочиям в сфере обеспечения жилыми помещениями и праву на получение содействия в обеспечении их проезда и провоза багажа.

Среди основных прав беженцев можно отметить следующие: на услуги переводчика, получение информации о порядке признания беженцем, о своих правах и обязанностях; на содействие в обеспечении проезда и провоза багажа к месту пребывания; на выплату единовременного денежного пособия; на проживание в центре временного размещения и пользование жилым помещением, предоставляемым из фонда жилья для временного поселения; на содействие в поиске информации о родственниках, проживающих в государстве гражданской принадлежности беженца; на упрощенное приобретение гражданства Российской Федерации и другие.

Под административными обязанностями предлагается понимать закрепленные в нормативных актах «притязания» государства в отношении ожидаемого поведения данной категории субъектов [9, с. 15].

Среди основных обязанностей вынужденных переселенцев и беженцев можно отметить следующие: соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации; своевременно прибыть в место пребывания и соблюдать порядок проживания в нем; своевременно сообщать информацию о себе; состоять на учете в места пребывания; периодически проходить переучет.

Под гарантиями административно-правового статуса вынужденных переселенцев и беженцев предлагается понимать меры, условия и средства, которые обеспечивают реализацию юридически закрепленных прав и обязанностей данных категорий субъектов в их отношениях с органами государственной власти. Такие гарантии могут быть подразделены как общими (экономическими, социальными, идеологическими, политическими и т.д.), так и правовыми юридические и организационными [9, с. 9].

Отечественное законодательство о вынужденных переселенцах и беженцах отдельно указывает на два вида гарантий. Во-первых, вынужденный переселенец и лицо, претендующее на этот статус, не могут быть возвращены против их воли на территорию (в населенный пункт), которую они покинули, а также переселены в другой населенный пункт. Аналогично лица, ходатайствующие о признании беженцем, признанные беженцем и даже утратившие статус беженца или лишённые этого статуса беженца, не могут быть возвращены против их воли на территорию государства своей гражданской принадлежности (своего прежнего обычного местожительства) при сохранении в данном государстве обстоятельств, послуживших причиной обращения за убежищем. Во-вторых, решения и действия (бездействие) органов власти и управления в сфере миграции могут быть обжалованы в административном порядке или в суд.

Кроме того, важное значение при реализации административно-правового статуса вынужденных переселенцев и беженцев имеет гражданство лица.

Вынужденные переселенцы и беженца, как и иные сходные разновидности особого правового статуса человека, объединяются наличием системы зачастую сходных дополнительных прав, обязанностей и ответственности, обусловленной признанием необходимости их особой защиты и поддержки со стороны государства в связи с вынужденным изменением обычного места жительства по объективно сложившимся неблагоприятным обстоятельствам, связанным с насилием и (или) преследованием. Причем перечень причин, ставших основанием для преследования, является закрытым и не подлежит расширительному толкованию. Различие же данных видов особого правового статуса человека обусловлено, прежде всего, наличием или отсутствием гражданства Российской Федерации, а также разными причинами насилия и (или) преследования, признаваемыми как юридически значимые для присвоения того или иного статуса.

Во-первых, наличие гражданства Российской Федерации является признаком, характерным для вынужденных пересе-

ленцев, и отсутствующим у беженцев. Во-вторых, с учетом обязательного наличия у вынужденных переселенцев гражданства Российской Федерации, именно правовой статус «гражданин Российской Федерации» является для данной категории лиц определяющим. Права, обязанности, ответственность и гарантии, присущие вынужденным переселенцам, дополняют именно статус гражданина. В свою очередь, для беженцев определяющим является правовой статус «иностранец» («иностраный гражданин» или «лицо без гражданства»). Таким образом, именно гражданство во многом позволяет дифференцировать и охарактеризовать статус вынужденных переселенцев и беженцев.

Соответственно, административно-правовой статус вынужденных переселенцев и беженцев можно определить, как предоставленную данным категориям лиц систему прав и свобод, гарантий их реализации, а также возложенных на них обязанностей и мер ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение, опосредованную деятельностью органов государственной власти, направленной на управление в сфере вынужденной миграции.

Литература:

1. Братановский С. Н. Административно-правовые отношения: концептуальный подход к сущности и особенностям // Гражданин и право. 2017. № 7. С. 3–10.
2. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник / А. Б. Венгеров. — Москва: Изд-во Омега-Л, 2013. — 607 с.
3. Евтушенко В. И. Правовой статус беженца в Российской Федерации. Монография. — Белгород: Изд-во БГТУ, 2006. — 113 с.
4. Коваленко А. И. Конституционное право Российской Федерации. — М.: Артания, 1995. — 192 с.
5. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право Российской Федерации: учебник. — М.: Юрист, 1996. — 480 с.
6. Колобов А. В. Социально-правовая защита беженцев и вынужденных переселенцев: дис... канд. юрид. наук. — Санкт-Петербург, 2014. — 209 с.
7. Мальцев Г. В. Права личности: юридическая норма и социальная действительность / Конституция СССР и правовое положение личности / Материалы конференции. — М.: Институт государства и права, 1979. — С. 48–55.
8. Тесленко А. М. О терминах «мигрант» и «международный мигрант» // Российский юридический журнал. 2019. № 5. С. 34–39.
9. Юрицин А. Е. Административно-правовой статус беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации: автореферат дис... канд. юрид. наук. — Омск, 2005. — 22 с.

Правовое регулирование и особенности консенсуального договора займа

Гаврилова Анастасия Вадимовна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

Ключевые слова: договор займа, модель договора, консенсуальный договор, реальный договор, заёмщик, займодавец, убытки.

Договор займа является классической конструкцией договорных отношений, важным элементом развития рыночной экономики в современном мире. Потребности одного субъекта, связанные с отсутствием собственных средств и товаров в определённый период, и наличие излишков у другого породили зарождение заёмных отношений. Важная роль заёмных денежных средств заключается в том, что они используются для инвестирования предприятий, продвижения новых бизнес проектов, для стимулирования потребителей в приоб-

ретении тех или иных товаров и услуг, что также влияет на развитие экономики страны в целом.

Со временем практика заключения гражданско-правовых договоров, в том числе договоров займа, показала о наличии множества проблем и вопросов в нормативном регулировании данных правоотношений, гражданское законодательство уже не соответствовало уровню развития общества и его потребностям, в связи с чем, появилась необходимость усовершенствования норм гражданского права. Важным этапом в реформи-

вании положений гражданского законодательства Российской Федерации стало издание Указа Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» [1]. Данная задача была поручена Совету при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (далее — Совет).

Результатом работы Совета стал законопроект о внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). 27 апреля 2012 года законопроект был принят в первом чтении Государственной Думой Российской Федерации. Учитывая множество поданных поправок, законопроект был подготовлен к принятию во втором чтении к октябрю 2012 года, однако Государственной Думой было принято решение о дальнейшем принятии данного законопроекта в виде отдельных законов о внесении изменений в различные части, разделы и главы ГК РФ [2, с. 63].

Так, Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], были внесены изменения и дополнения в главу 42 «Заём и кредит», закон вступил в силу с 1 июня 2018 года.

Указанным Федеральным законом внесены изменения в легальное определение договора займа. Согласно новой редакции п. 1 ст. 807 ГК РФ, по договору займа одна сторона (заимодавец) передает или обязуется передать в собственность другой стороне (заемщику) наличные деньги или безналичные денежные средства либо определенные родовыми признаками вещи, документарные или бездокументарные ценные бумаги, а заемщик обязуется возвратить заимодавцу такую же сумму наличных денег или безналичных денежных средств (сумму займа) или равное количество полученных им вещей того же рода и качества либо таких же ценных бумаг. Однако если в роли заимодавца выступает гражданин, договор займа считается заключенным только с момента передачи суммы займа или другого предмета договора займа заемщику или указанному им лицу [4].

В Концепции развития гражданского законодательства РФ подчеркивалось, что положения гл. 42 ГК РФ о договоре займа «рассчитаны в основном на договор займа, заключаемый между гражданами в бытовых целях. Однако сегодня в заемные отношения вовлечены юридические лица, предоставляющие займы на любые цели. В связи с этим необходимо дифференцировать нормы о займе в зависимости от субъектного состава и цели займа, обратив особое внимание на защиту интересов граждан — потребителей» [5]. Таким образом, Концепция закрепила идею учёта в новой редакции положений закона о займе, как интересов обычных граждан, так и юридических лиц.

До 1 июня 2018 года была закреплена императивность реальности договора займа, то есть он считался заключённым только с момента предоставления денежных средств или вещей, определяемых родовыми признаками. Реальность рассматривалась как императивный правовой режим договора, условие, обязывающее заимодавца предоставить заём в будущем, признавалось незаконным и недействительным (ст. 180 ГК РФ), а сам договор до момента выдачи займа — незаключённым по п. 2 ст. 433 ГК РФ [6].

С 1 июня 2018 года законодательное регулирование изменилось. Законом предоставлена возможность заключения как реального, так и консенсуального договора займа в зависимости от воли сторон, выраженной в условиях договора. Императивный характер реального договора займа сохраняет силу только в отношениях, где одной из сторон является гражданин.

Предоставление законодателем возможности сторонам заёмных отношений по собственной воле выбирать конструкцию договора (реальную или консенсуальную) достаточно аргументировано и исторически обоснованно. Реальность договора займа берёт начало в истоках римского частного права, в эпоху развития классического римского права признавалась только несколько типов договоров, которые имели консенсуальную модель и договор займа не относился к перечню таких договоров. В Средние века сформировалась идея о том, что возможно придание любому договору консенсуальной модели, если данное волеизъявление сторон договора не является противоречием добрым нравам и прямым запретам закона, в связи с чем, необходимость закрепления реального характера договора займа ставится под сомнение. Законодательство зарубежных стран также отходит от идеи императивной реальности и допускают консенсуальную конструкцию займа, в пример можно привести правовые порядки Германии, Швейцарии, Англии. Кроме того, консенсуальная модель закреплена и в ст. IV.F.-1:101 Модельных правил европейского частного права.

Концепция гражданского законодательства строится на воли сторон. Недопустимо ограничение конституционного принципа свободы договора без должной на то аргументации и обоснования наличием особых ценностей и интересов, которые нуждаются в усиленной защите государством (например, интересы слабой стороны, третьих лиц, публичные интересы). В отношении договора займа доказательств наличия таких особых условий явно не просматривается, в связи с чем, возникает вопрос, по какой причине хозяйствующие субъекты права или иные дееспособные участники оборота не могут установить признаваемое судом обязательство заимодавца предоставить заём.

Если обратиться к системе договоров, содержащейся в гражданском законодательстве, также можно найти аргументы против императивной реальности договора займа. Согласно п. 1 и 2 ст. 572 ГК РФ, предусмотрена возможность заключения консенсуального договора дарения, по которому даритель обязуется в будущем передать другой стороне (одаряемому) дар в собственность, также законными являются консенсуальные договоры аренды. Таким образом, не ясным остаётся вопрос, почему различные субъекты права могут пообещать передать имущество в собственность или в пользование по другим гражданско-правовым договорам и нести ответственность за неисполнение этой обязанности в форме убытков, но они же не могут обещать передать свое имущество в заём.

По реальной модели договора займа заёмщик, рассчитывающий на получение заёмных денежных средств, при нарушении обещания потенциальным заимодавцем не мог рассчитывать на защиту своих прав и интересов. Судебная защита прав заемщика на получение займа не сводится к понуждению к его предоставлению, но предполагает и взыскание убытков. Заемщик, положившись на обещание заимодавца предоставить

заем, может сильно пострадать в случае, если заимодавец произвольно, при отсутствии оснований, указанных в абз. 1 п. 3 ст. 807 или ст. 821 ГК РФ (т.е. если не возникают обстоятельства, очевидно ставящие под сомнение платежеспособность заемщика), откажется предоставлять заем. Исключение возможности требовать возмещения убытков при непередаче имущества создаёт риски того, что расходы, понесённые в целях подготовки к принятию исполнения другой стороной, возмещены не будут. Например, заемщик, рассчитывая на обещанное заемное финансирование, мог заключить договор купли-продажи и внести задаток за товар, и не получив оговоренное финансирование, он просто утратит возможность оплатить товар, потеряет внесённый задаток, а также за неисполнение обязанности по оплате товара понесёт ответственность в соответствии со статьёй 395 ГК РФ.

Введение консенсуальной модели договора займа позволяет заёмщику при неисполнении займодавцем обязанности по договору защитить свои права в судебном порядке. Неразрешённым на данный момент является вопрос о выборе способа защиты. Заёмщик имеет право обратиться с иском о взыскании убытков, кроме того в условиях договора можно предусмотреть размер неустойки за ненадлежащее исполнение обязательств. Но можно ли принудить займодавца исполнить обязательство, если оно не исполнено в добровольном порядке?

Если проводить аналогию с кредитным договором (поскольку основные отличия кредитного договора и консенсуального займа заключаются только в субъекте и предмете договоров, а остальные отличия правового регулирования проистекают из этих двух), то практика арбитражных судов по вопросу о возможности обязать банк выдать кредит последовательно занимает однозначную позицию: это недопустимо» [7, с. 110]. Так, например, в п. 11 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре указано: «Так как понуждение к исполнению обязанности выдать кредит в натуре не допускается, надлежащим способом защиты прав заемщика в случае нарушения кредитной организацией обязательства выдать кредит является обращение в суд с требованием о возмещении убытков, причиненных нарушением кредитного договора, выражающихся, в частности, в разнице между ставкой за пользование кредитом, установленной в нарушенном договоре, и процентной ставкой за пользование суммой кредита, полученной в другом банке, при условии, что срок кредитования и сумма кредита по второму кредитному договору не отличаются значительно от соответствующих условий нарушенного договора» [8].

По мнению цивилистов гражданского права, необходимо предоставить заёмщику возможность в судебном порядке обязать займодавца исполнить обязательство, а не только возместить убытки. Так, Ю.Б. Гангало пишет: «...позиция, изложенная в информационных письмах Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, в свете изменений, внесенных Федеральным законом от 26.07.2017 № 212-ФЗ, должна поменяться, в противном случае конструкция консенсуального договора займа работать не будет. Стороны для того и подписывают договор займа и устанавливают обязанность выдать его

в определенный срок, чтобы иметь возможность в случае неисполнения обязать к его выдаче, а если суды будут отказывать в этом, то никакого экономического смысла заключать договор займа в качестве консенсуального нет» [7, с. 112].

В связи с некоторой неточностью формулирования законодателем новой редакции статьи нерешённым остаётся вопрос о том, может ли при консенсуальной конструкции договора займа займодавцем быть индивидуальный предприниматель, в настоящее время данный вопрос не прояснён и правоприменительной практикой. Норма абз. 2 п. 1 ст. 807 ГК РФ говорит о том, что реальным является договор займа, в котором займодавцем является гражданин. В силу п. 1 ст. 23 ГК РФ, индивидуальный предприниматель — это гражданин, который занимается предпринимательской деятельностью без образования юридического лица. Согласно же пункту 3 указанной статьи «к предпринимательской деятельности граждан, осуществляемой без образования юридического лица, соответственно применяются правила настоящего Кодекса, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношения». То есть граждане, занимающиеся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, приравниваются законодателем к коммерческим организациям.

Данный вывод склоняет в пользу аргументации к расширительному толкованию субъектного состава консенсуального договора займа, распространяя возможность судебной защиты от неисполнения обязанности по предоставлению займа при консенсуальной модели соглашения, когда займодавцем является индивидуальный предприниматель и заключение договора связано именно с осуществлением им предпринимательской деятельности.

Природа договора займа в части консенсуальности или реальности устанавливается из содержания условий договора займа. Так, если статус займодавца позволяет заключить как реальный, так и консенсуальный договор займа и в положениях договора установлена обязанность займодавца в будущем предоставить заём, такой договор будет квалифицироваться как консенсуальный. Когда договор говорит о том, что он вступает в силу с момента предоставления, такой договор следует считать реальным.

Возникают ситуации, когда в силу некачественной проработки условий договора, из его текста невозможно однозначно определить какую модель договора стороны выбрали при заключении договора, то есть когда заём не сопровождается передачей предмета договора, отсрочивает передачу займа, но не упоминает ни обязанность займодавца его предоставить, ни реальный характер договора. Поскольку реальность договоров в гражданском праве является исключением, то в таких случаях должна предполагаться консенсуальность займа, а реальность договора проистекать из содержания волеизъявления сторон.

Таким образом, изменения, вступившие в силу с 1 июня 2018 года, законодательно ввели возможность заключения как реального, так и консенсуального договора займа, но в тоже время императивный режим реального договора сохраняется, когда на стороне займодавца выступает гражданин. Как по-

казал анализ, внесение таких изменений вызвано развитием отношений между субъектами экономического оборота, увеличением притока привлечения инвестиций со стороны организаций, а также необходимостью обеспечения защиты государства стороны заёмщика при неисполнении займодавцем обязанностей по договору. Исключение императивности реальности договора займа повышает надёжность использования та-

кого способа привлечения финансирования как договор займа и создаёт конкуренцию конструкции банковского кредитования. В связи с внесением рассматриваемых изменений в отношении модели договора займа неизбежно появились новые вопросы, которые предстоит разрешить правоприменительной практике, а также современным цивилистам гражданского права.

Литература:

1. Указ Президента РФ «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.07.2008 N1108 // Российская газета. — 2008. — № 155;
2. Витрянский, В.В. Реформа российского гражданского законодательства: Промежуточные итоги / В.В. Витрянский. — Москва: Статут, 2017. — 432 с.;
3. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 23.10.2021);
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410;
5. «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. — 2009. — № 11;
6. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301;
7. Гонгало, Ю. Б. О способах защиты права: понуждение к выдаче займа или взыскание убытков? / Ю. Б. Гонгало // Экономическое правосудие в Уральском округе. — 2018. — № 1(45). — С. 109–117;
8. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13.09.2011 № 147 // Вестник ВАС РФ — 2011. — № 11.

Правовая природа расписки при заключении договора займа

Гаврилова Анастасия Вадимовна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

Ключевые слова: договор займа, форма договора, расписка, заёмщик, займодавец.

Вступление людей в заёмные отношения прослеживается ещё со времён древней Греции, истоками зарождения института договора займа принято считать римское право. Нет никаких сомнений, что и в современный период развития общества договор займа является одним из наиболее популярных гражданско-правовых договоров. Практически каждому субъекту гражданского права, будь то физическое или юридическое лицо, приходилось когда-либо выступать стороной договора займа, что доказывается наличием обширной правоприменительной практики различных судов судебной системы Российской Федерации.

Актуальность договора займа порождает необходимость обеспечения надёжности и защиты участников соглашения от нарушения его условий. Не редко возникают ситуации, когда для осуществления принудительного исполнения условий договора сторонам требуется представить доказательства фак-

тического заключения договора займа, в первую очередь это связано с регламентацией в Гражданском кодексе Российской Федерации (Далее — ГК РФ) положений, определяющих форму заключения договора займа.

Согласно ст. 808 ГК РФ, договор займа между гражданами должен быть заключен в письменной форме, если его сумма превышает десять тысяч рублей, а в случае, когда займодавцем является юридическое лицо, — независимо от суммы [1].

Анализируя судебную практику, мы пришли к выводу, что в большинстве случаев заключения реальных договоров займа стороны (в основном граждане) не придают должного значения соблюдению письменной формы договора, а ограничиваются лишь составлением расписки, подтверждающей факт передачи денежных средств или вещей, определённых родовыми признаками.

Указанная правовая модель поведения является законной и признаётся судебной практикой, поскольку, в силу п. 2 ст. 808 ГК РФ в подтверждение договора займа и его условий может быть представлена расписка заемщика или иной документ, удостоверяющие передачу ему займодавцем определенной денежной суммы или определенного количества вещей. Таким образом, расписка может удостоверяет факт заключения договора займа [1].

Так, например, Решением Шпаковского районного суда Ставропольского края от 16.11.2020 по делу № 2–2684/20, в пользу займодавца Зуевой Т.Ф. с заёмщика Гришняевой О.В. по договору займа взыскана сумма основного долга и проценты за пользование чужими денежными средствами. При этом в материалы дела была предоставлена и впоследствии исследована расписка, содержащая условия о размере денежных средств, предоставляемых в заем, дата составления расписки и сроки, в которые заёмщик обязан вернуть денежные средства [2].

Проблема соотношения договора займа и расписки, удостоверяющей передачу предмета займа заёмщику, сохраняет актуальность и по настоящий момент. Многие учёные цивилисты пытались определить природу долговой расписки, по поводу фиксации факта возникновения заемных отношений путем составления расписки существует несколько точек зрения.

Первая говорит о том, что наличие у кредитора долговой расписки является соблюденной письменной формы договора займа, даже если отдельного документа, подписанного сторонами, нет, то есть расписку следует считать ничем иным, как упрощенной краткой письменной формой договора займа [3, с. 47]. Такой подход придерживаются А. В. Прокаева, А. И. Прокаева, аргументируя свою позицию тем, что «расписка так же, как и договор займа, направлена на возникновение соответствующих правоотношений, содержит условия сделки» [4, с. 69].

Для формирования мнения относительно данной точки зрения учёных, следует проанализировать содержание расписки на соответствие требованиям, предъявляемым к форме и содержанию договора. В соответствии с п. 2 ст. 434 ГК РФ, договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами. Обычно встречаются расписки, подтверждающие факт передачи денежных средств, подписанные лишь одной стороной — заёмщиком, в то время как положение статьи 434 ГК РФ указывает на то обстоятельство, что в договоре должны стоять подписи сторон. Ст. 160 ГК РФ допускается подписание письменного документа лицом или лицами, совершающими сделку, либо должным образом уполномоченными ими лицами, но в тоже время имеется положение о том, что двусторонние (многосторонние) сделки могут совершаться способами, установленными п. 2 и п. 3 ст. 434 настоящего Кодекса.

Как показывает практика, для признания факта заключения договора займа, в расписке должна содержаться информация об обязанности заёмщика вернуть определённую сумму денежных средств, количество вещей, определённых родовыми признаками (ценных бумаг). При этом иные условия о сроке возврата,

начислении и размере процентов могут отсутствовать, данные вопросы будут разрешаться на основании норм гражданского законодательства. Если расписка содержит существенные условия договора, то в силу ст. 432 ГК РФ, договор займа будет считаться заключённым, и в таком случае можно допустить, что расписка является краткой версией письменного договора займа. При этом закон не содержит положений о требованиях, предъявляемых к содержанию, форме и реквизитам расписки, что порождает некоторые трудности при разрешении споров между субъектами соглашения.

Можно встретить судебные споры, когда составление расписки суд расценивает как подтверждение выполнения требования о письменной форме договора займа, установленное п. 1 ст. 808 ГК РФ. Так например, в определении ВС РФ от 22.07.2014 № 49-КГ14–11 суд приравнял расписку к письменному договору займа, поскольку она содержит достаточные существенные условия такого договора, включая предмет и валюту займа, сумму займа, возвратность долга, его возмездность, размер платы.

Второй подход заключается в том, что расписка заёмщика является письменным доказательством заключения договора займа и она не подменяет письменную форму договора, так как, в соответствии со ст. 162 ГК РФ, последствиями несоблюдения простой письменной формой сделки является лишение стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства, несоблюдение письменной формы сделки не влечёт её недействительность.

Из толкования содержания ст. 808 ГК РФ усматривается, что законодатель отнёс расписку именно к доказательствам заключения договора займа, поскольку в п. 2 указанной статьи он зафиксировал альтернативные письменные доказательства (расписка и иные документы), удостоверяющие передачу заёмщику займодавцем определенной денежной суммы или количества вещей.

Кроме того, в подтверждение данной точки зрения, можно указать на то обстоятельство, что расписка может применяться и при наличии отдельного договора займа, заключённого в письменной форме, в качестве подтверждения факта передачи предмета договора.

Также данной позиции придерживается и Верховный суд Российской Федерации. Президиум ВС РФ в ответе на вопрос 10 раздела «Разъяснения по вопросам, возникающим в судебной практике» Обзора судебной практики Верховного Суда РФ, утв. Президиумом ВС РФ 25.11.2015, указал, что в случае рассмотрения спора в суде при непредставлении займодавцем письменного договора займа или его надлежащим образом заверенной копии истец лишается возможности ссылаться в подтверждение договора займа и его условий на свидетельские показания, однако, вправе приводить письменные и другие доказательства, в частности расписку заемщика или иные документы. То есть можно сделать вывод, что Верховный Суд РФ не признает, что наличие расписки само по себе является соблюдением требования о письменной форме договора займа (п. 1 ст. 162 ГК РФ), при наличии расписки в отсутствии письменного договора займа суд может прийти и к выводу о несоблю-

дении сторонами требования о письменной форме договора и невозможности ссылаться на свидетельские показания.

Использование расписки в заёмных отношениях без заключения непосредственно письменного договора займа, имеющего форму документа, содержащего необходимые условия и реквизиты, чаще встречается в бытовых отношениях, когда стороны договора имеют межличностные, доверительные связи, также не все граждане, вступающие в заёмные отношения, обладают высоким уровнем правовой культуры и правосознания. Исходя из данных обстоятельств, при составлении текста расписки субъекты договора займа не уделяют должного внимания к её содержанию, указывая минимум необходимых условий, а также допуская некоторые ошибки и неточности, которые, впоследствии при рассмотрении споров в судах порождает трудности в осуществлении защиты стороны силой государственного принуждения.

На основе судебной практики в доктрине выделяются самые часто допускаемые недочёты формулирования содержания условий и реквизитов расписки. К ним относят отсутствие идентификации сторон договора, даты составления расписки, подписи сторон, не указание на обязанность заёмщика возратить предмет займа.

Поскольку заёмные отношения будут и в дальнейшем иметь большую популярность среди гражданского общества, кроме того, исходя из анализа правоприменительной практики, усматривается сохранение и даже увеличение тенденции заклю-

чения договора займа без составления типичного письменного договора, следует сформировать рекомендации к содержанию и форме расписки, являющейся подтверждением изъявления воли сторон установить заёмные обязательства.

Таким образом, при составлении расписки в тексте следует указать:

- сведения, позволяющие идентифицировать как заёмщика, так и займодавца (Ф. И. О., паспортные данные, дата рождения, место жительства);
- размер денежных средств, количество и родовые признаки вещей в случае вещевое займа;
- срок, на который предоставляется заём;
- сведения о начислении процентов и их размере.

В расписке также могут быть указаны любые иные сведения, которые стороны посчитают существенными. Кроме того, обязательными реквизитами расписки следует признать дату её составления и подписи сторон договора.

Отсутствие определённости в правовой природе расписки и неясности соотношения понятий письменного договора займа и расписки вызвано недостаточным законодательным регулированием. Регламентирование в законе определения расписки и требований к её содержанию может повысить надёжность заключения сделки, обеспечить необходимый уровень защиты прав и интересов сторон, избежать затягивания срок судебных разбирательств и уменьшить основания обжалования принятых судебных актов.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410;
2. Решением Шпаковского районного суда Ставропольского края от 16.11.2020 по делу № 2-2684\20. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VEtBrIXME9J4/> (дата обращения 27.10.2021);
3. Косынкин, А. А. К вопросу о расписке как форме договора займа / А. А. Косынкин // Юридическая наука. — 2019. — № 12. — С. 46–48;
4. Прокаев, А. В. Договор займа и расписка заемщика: проблемы соотношения / А. В. Прокаев, А. И. Прокаев // Вопросы современной юриспруденции. — 2015. — № 54–55. — С. 65–71;
5. Определение Верховного Суда РФ от 22.07.2014 N49-КГ14-1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N3 (2015)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) (ред. от 28.03.2018). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Перспективы совершенствования методики определения признаков преднамеренного и фиктивного банкротства

Горскова Татьяна Николаевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются методологические, правовые и финансово-экономические аспекты выявления признаков фиктивного и преднамеренного банкротства. Рассматривается необходимость введения конкретных показателей финансовых коэффициентов с регулярным обновлением в соответствии с текущей экономической ситуацией и с учетом отраслевых особенностей. Выдвигается предложение о проведении инвентаризации с участием арбитражного управляющего в период наблюдения.

Ключевые слова: фиктивное и преднамеренное банкротство, финансовый анализ, платежеспособность должника, коэффициент абсолютной ликвидности.

Prospects for improving the methodology of definition of signs of a fictitious or premeditated bankruptcy

Gorskova Tatyana Nikolayevna, student master's degree
Moscow University of Finance and Law

The article analyzes the methodological, legal and financial aspects of the signs of fictitious and premeditated bankruptcy. The article considers the need to introduce specific indicators of financial coefficients with regular updating in accordance with the current economic situation and taking into account industry specifics. A proposal is put forward to conduct an inventory with the participation of the arbitration manager during the observation period.

Keywords: *bankruptcy fraud, premeditated bankruptcy, financial analysis, the solvency of the debtor's solvency restoration, the cash ratio*

Банкротство — специфический инструмент для участников гражданского оборота. С одной стороны банкротство позволяет остановить зашедшую в тупик деятельность хозяйствующего субъекта, причиняющую контрагентам и самому должнику только убытки, при этом осуществляя контрольную проверку всех сделок и активов общества, арбитражный управляющий совершает «работу над ошибками», оспаривая незаконные сделки, собирая конкурсную массу, расторгая в одностороннем порядке невыгодные обществу длящиеся сделки и восстанавливает максимально возможную по справедливости ситуацию для всех кредиторов должника, успевших включиться в реестр требований.

С другой стороны, банкротство прекращает существование юридического лица, общество теряет в результате реализации все принадлежащее ему имущество, тогда как одним из четырех обязательных признаков юридического лица является наличие обособленного имущества, для физического же лица банкротство является оздоравливающей процедурой в любом случае, поскольку позволяет «начать жизнь с чистого листа».

В любом случае, банкротство для юридического лица — это не типичная процедура, которая позволяет вмешаться в будничную деятельность общества.

Для подачи заявления о банкротстве достаточно иметь просроченную на 3 месяца задолженность в размере трехсот тысяч рублей и более, для большинства предприятий на рынке это достаточно небольшая сумма в обороте, а трехмесячный срок просрочки может быть вызван непредвиденными обстоятельствами, которые при этом не являются обстоятельствами непреодолимой силы (как, к примеру, пандемия новой коронавирусной инфекции), которые все же не являются критичными для общей финансовой картины. Между тем, недобросовестные кредиторы могут воспользоваться такой возможностью и подать заявление о банкротстве, выдвинув «свою» кандидатуру временного управляющего, получив таким образом доступ ко всей внутренней документации общества, к деталям бухгалтерских операций.

Должник может воспользоваться процедурой банкротства также для оспаривания сделок, которые по каким-то причинам вдруг стали ему невыгодны, стряхнуть с себя «бремя» длящихся невыгодных сделок (к примеру, найден более платежеспособный арендатор недвижимого имущества), получить отсрочку или рассрочку долговых обязательств, остановить все исполнительные производства, списать долги, сохранив при

этом некоторые активы (выведа имущество или деньги на третьих лиц) и т.д. Должник может даже шантажировать своих кредиторов банкротством, чтобы выбить отсрочку или рассрочку платежей, снижения неустойки, указывая, что в противном случае в процедуре банкротства кредиторам вообще ничего не достанется.

Для кредиторов среди других недостатков банкротных процедур совершенно несправедливой и причиняющей особый ущерб будет ситуация, когда общество попытается списать долги при реально имеющейся финансовой возможности их погашения или ситуация, когда должника намеренно довели до потери платежеспособности, то есть, ситуации фиктивного или преднамеренного банкротства.

С экономической точки зрения реальное и преднамеренное банкротство отражают действительную неплатежеспособность должника, фиктивное банкротство — фактическую платежеспособность. Однако категория платежеспособности — комплексное понятие, являющееся частью общего финансового состояния должника, поэтому вывод о неплатежеспособности, сделанный на основе отдельных показателей и без учета специфики отрасли предприятия вряд ли может быть целесообразным.

Арбитражные управляющие при составлении заключения о наличии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства руководствуются Временными правилами и действуют в 2 этапа [2].

На первом этапе арбитражный управляющий осуществляет анализ значений и динамики коэффициентов, отражающих состояние платежеспособности должника за конкретный период.

Если арбитражный управляющий фиксирует 2 и более существенно ухудшающихся показателя, то приступает ко второму этапу: анализ сделок, которые имеют отношение к «проблемным» коэффициентам.

При этом признак существенности ухудшения коэффициентов считается такое снижение за квартал, при котором темп снижения превышает средний темп снижения значений данных показателей в этот же период.

Временные правила не закрепляют какие-то конкретные критерии признака существенности снижения коэффициентов, при этом понятие превышения среднего темпа сложно рассматривать как четкий и обоснованный признак. Представляется, что при любой динамике изменения платежеспособности темп изменения отдельных показателей будет превышать

средний темп, в противном случае дефиниция среднего темпа вряд ли несло самостоятельную смысловую нагрузку.

На практике можно увидеть иллюстрации обозначенных методологических проблем. К примеру, в одном из дел арбитражный управляющий указывает на значение коэффициента абсолютной ликвидности 0,17 при нормативном значении 0,2 и указывает на тенденцию снижения указанного показателя за 1,5 исследуемых года, на основании чего делает вывод о неплатежеспособности должника без анализа темпа снижения показателя в сравнении со средним темпом снижения значения показателя [4].

Однако, как указывалось ранее, ни Временные правила [2], ни Правила проведения финансового анализа [3] не содержат конкретных значений показателей платежеспособности и суд основываясь на анализе арбитражного управляющего, предполагая его компетентность, кладет в основу вынесенного решения указанные доводы, поскольку сам экспертными знаниями не обладает, и ни одно лицо, участвующее в деле, не оспорило анализ арбитражного управляющего и/или не заявило о назначении судебной экспертизы наличия признаков фиктивного или преднамеренного банкротства в порядке п. 2 ст. 34 Закона о банкротстве [1].

Также следует отметить, что вывод арбитражного управляющего о наличии признаков преднамеренного банкротства должен делаться только при установлении причинно-следственной связи между действиями руководства и увеличением неплатежеспособности должника, а не только исходя из наличия отклонения двух и более финансовых коэффициентов.

Е. В. Басалаева обоснованно указывает на необходимость нормативных значений финансовых показателей, причем це-

лесообразно их формировать в зависимости от экономической конъюнктуры, к примеру, с учётом «хронической убыточности» или «кредитного бума» в макроэкономике [5, с. 36].

В. В. Котов выдвигает предложение о регулярном обновлении таких нормативных значений финансовых показателей, причем с учетом отраслевой специфики, т.е. для каждой из основных экономических отраслей отдельно [6, с. 25].

Помимо указанного особняком стоит вопрос достоверности документации, изучаемой арбитражным управляющим при составлении заключения о наличии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства. Поскольку в настоящий момент законодательно арбитражные управляющие не производят инвентаризацию в период наблюдения, тогда как исходя из самой правовой природы фиктивного и преднамеренного банкротства мы понимаем, что о достоверности бухгалтерской и иной документации говорить о не приходится, вряд ли отчет арбитражного управляющего будет соответствовать реальной ситуации должника.

Безусловно, аналитика продолжается арбитражным управляющим и далее, однако для участников гражданского оборота очень важным ресурсом является время и чем скорее будет выявлен криминальный характер банкротства, тем лучше для всех.

Таких условиях инвентаризация активов должника с участием арбитражного управляющего сможет более полно отразить текущее финансовое состояние должника, а значит, позволит всем участникам банкротного дела более эффективно использовать инструментарий, данный законодательством о банкротстве на более раннем этапе банкротной процедуры, что увеличит ее эффективность в целом.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 10.11.2021).
2. Временные правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства (утв. постановлением Правительства от 27.12.2004 № 855) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51004/f5707a19acab62f1f6aeaeff303c72d8c4a002cc/ (дата обращения: 10.11.2021).
3. Постановление Правительства РФ от 25.06.2003 № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа» // Российская Бизнес-газета, № 26, 08.07.2003.
4. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25 марта 2015 г № Ф10–2448/2013 по делу № А64–316/2013 // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/40106219/> (дата обращения: 10.11.2021).
5. Басалаева Е. В. Инновации в экономическом анализе, бухгалтерском и управленческом учете как формирование нового подхода к финансовому менеджменту // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 24 (366). С. 34–45.
6. Котов В. В. О совершенствовании методики определения признаков фиктивного и преднамеренного банкротства // Вестник МФЮА. 2017. № 2. С. 21–31.

Формы недобросовестного поведения в делах несостоятельности (банкротства)

Дмитрук Андрей Сергеевич, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В настоящей статье рассматриваются теоретические и практические вопросы выделения форм недобросовестного поведения в делах несостоятельности (банкротства), представляющих собой внешнее выражение недобросовестного поведения в рамках банкротства.

Ключевые слова: кредитор, должник, недобросовестное поведение в процедурах банкротства.

Современный механизм банкротства характеризуется множественностью этапов и процедур, которые нужно пройти для достижения его основной цели — соразмерного удовлетворения требований большего количества кредиторов с сохранением баланса интересов всех сторон.

Такой сложный и многоуровневый механизм банкротства создаёт почву для недобросовестного поведения со стороны его участников. При этом недобросовестное поведение может проявляться во многих формах. В этой связи важно классифицировать формы недобросовестного поведения в делах несостоятельности (банкротства) для оперативного выявления и устранения такого поведения [1, с. 33].

Самой распространённой формой недобросовестного поведения при банкротстве является сделка. Ранее сделка была единственной формой недобросовестного поведения, поскольку только заключение необоснованных сделок рассматривалось как злоупотребление.

В дальнейшем в судебной практике стали исследоваться и иные формы, однако наибольшее внимание до сих пор уделяется судами именно сделке как основному средству выражения недобросовестных действий. Посредством сделки совершается, в том числе, вывод активов должника накануне банкротства, а также отчуждение имущества в период банкротства с целью исключения его из конкурсной массы; сделка порождает обязательство, неисполнение которого влечет подачу заявления о признании должника банкротом (речь идет о мнимой сделке, заключенной лишь с целью возбуждения процедуры несостоятельности). Безусловно, данная форма недобросовестного поведения при банкротстве универсальна, но в то же время не является единственной.

Следующей формой недобросовестного поведения в делах несостоятельности является акт недобросовестной конкуренции, представляющий собой действия лица, направленные на исключение из хозяйственного оборота конкурентов. В рамках банкротства такое недобросовестное поведение заключается в инициировании процедуры против одного или нескольких хозяйствующих субъектов в целях монополизации рынка либо захвата преимущественного сектора экономики. Выделение акта недобросовестной конкуренции в отдельную форму недобросовестного поведения обусловлено тем, что его целью является не причинение вреда конкретному субъекту, а удовлетворение собственного интереса путем исключения конкурентов.

Манипулирование механизмом торгов как форма недобросовестного поведения при банкротстве проявляется только на этапе реализации имущества должника посредством торгов. Эта форма проявляется в случаях, когда несколько участвующих в банкротстве лиц и иные участники аукциона по взаимному согласию совершают действия в интересах одного из них, с которым в итоге заключается договор купли-продажи. Участник торгов предлагает цену, во много раз превышающую шаг, например, аукциона, и тем самым останавливает торги, а в дальнейшем отказывается от заключения договора ввиду договорённости или аффилированности с другим участником, предложившим предпоследнее ценовое предложение. Таким образом создаётся лишь видимость активного проведения торгов, фактически имущество переходит к определённому, заранее согласованному субъекту, вследствие чего исключается возможность реального участия в реализации имущества добросовестных лиц.

Особое место среди форм недобросовестного поведения занимают преднамеренно и контролируемое банкротство ввиду их частого применения и при этом недостаточного правового регулирования в рамках гражданского права.

Прежде всего, преднамеренное банкротство рассматривается с точки зрения составов административного правонарушения и преступления.

Важно различать уголовно и административно наказуемые деяния и преднамеренное банкротства как форму недобросовестного поведения при банкротстве. Отличие состоит в том, что в рамках формы недобросовестного поведения должник неумышленно не исполняет требования кредиторов. Такая ситуация складывается в процессе обычной хозяйственной деятельности и может уже иметь место, но при этом контрагентом выступает дружественное лицо либо должник фактически способен исполнить обязательство. Кроме того, задолженность может быть искусственно создана на основании мнимой сделки для инициирования процедуры банкротства.

Термин контролируемого банкротства не выработан ни законодателем, ни правоприменителем. Обычно под ним понимают создание ситуации фактического контроля над процессом банкротства.

При контролируемом банкротстве должник, в отличие от преднамеренного банкротства, всегда имеет признаки несостоятельности, но ему или иному заинтересованному субъекту важен контроль над процедурой несостоятельности, так как

имеется какой-либо актив, за счет которого можно исполнить обязательство, и который попадает в конкурсную массу. Зачастую контроль над процедурой банкротства осуществляется посредством включения в реестр требований кредиторов аффилированных с должником лиц на основании несуществующего обязательства.

Формы недобросовестного поведения — контролируемое банкротство и преднамеренное банкротство, как правило, проявляют себя уже на этапе инициирования процедуры [2, с. 19]. При этом преднамеренное банкротство не предполагает контроль над процессом несостоятельности в связи с тем, что должник готовился к процедуре банкротства (в частности, путём отчуждения ликвидного имущества). Стоит сказать о том, что преднамеренное банкротство как форма недобросовестного поведения используется должником, а контролируемое банкротство характерно для любого участника процедуры несостоятельности.

Как было выше указано, контролируемое банкротство и преднамеренное банкротство является недобросовестным поведением, и пока такое поведение не обладает признаками состава правонарушения или преступления, оно должно регулироваться в первую очередь нормами гражданского законодательства.

Однако законодатель не стремится регламентировать на уровне гражданского законодательства признаки преднамеренного и контролируемого банкротств. В свою очередь судебная практика также избегает квалификации недобросовестного поведения как преднамеренного или контролируемого банкротства. Правоприменителем преднамеренное банкротство рассматривается только с точки зрения состава преступления или административного правонарушения, а контролируемое банкротство рассматривается в редких случаях.

Литература:

1. Королева, Д. В. Обычная хозяйственная деятельность должника по делу о банкротстве: отдельные аспекты и значение добросовестности контрагента / Д. В. Королева. — Текст: непосредственный // Юрист. — 2021. — № 3. — С. 31–36.
2. Волков, В. Г. Выявление, квалификация и расследование преднамеренного банкротства / В. Г. Волков. — Текст: непосредственный // Юрист. — 2005. — № 3. — С. 19–21.
3. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 мая 2017 г. по делу № А13–9133/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Журавчак, В. Контроль над процедурой банкротства: как его получить? / В. Журавчак. — Текст: непосредственный // Банковское обозрение. Приложение «FinLegal». — 2020. — № 2. — С. 74–75.

В практике судов был найден только один пример, когда контролируемое банкротство рассматривалось судом отдельно от признания недействительной сделки, заключённой в целях возбуждения дела о банкротстве (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 мая 2017 г. по делу № А13–9133/2016) [3].

В остальных делах такие формы недобросовестного поведения, как контролируемое банкротство и преднамеренное банкротство, не рассматриваются в качестве самостоятельных. При этом детальный анализ поведения участников банкротства, а также появление в судебной практике критериев контролируемого и преднамеренного банкротств как форм недобросовестного поведения позволило бы оперативно выявлять такое поведение и устранять его.

Таким образом, в результате изучения законодательства и правоприменительной были обнаружены следующие формы недобросовестного поведения в делах о банкротстве: сделка; акт недобросовестной конкуренции; манипулирование механизмом торгов; преднамеренное банкротство; контролируемое банкротство [4, с. 74].

Формы недобросовестного поведения при банкротстве нуждаются в детальном исследовании ввиду того, что являются внешним выражением недобросовестного поведения. Без выражения недобросовестного поведения вовне последнее не влечёт какие-либо риски для добросовестных участников хозяйствующего оборота.

Подводя итог всем вышеизложенному, необходимо отметить, что существует множество форм недобросовестного поведения при банкротстве, в связи с чем важно уделять пристальное внимание систематизации форм недобросовестного поведения с целью его своевременного обнаружения и предотвращения его негативных последствий.

Особенности правового статуса прокурорских работников как субъектов юридической ответственности

Дорофеева Дарья Евгеньевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В научной литературе исследование правового статуса прокурора зачастую связано с проблемами реализации должностными лицами органов прокуратуры надзорных полномочий. Вместе с тем не меньший научный интерес представляет вопрос о прокуроре

как о субъекте юридической ответственности. В статье освещаются подходы к определению понятия «правовой статус прокурора», раскрывается специфика его правового регулирования.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правовой статус, прокурорские работники, прокуратура.

Изучение правовой природы любой юридической категории, к которой также относится правовой статус прокурорских работников, невозможно без уяснения содержания данного понятия.

Правовой статус прокурорских работников следует рассматривать как неотъемлемый элемент основ службы в органах прокуратуры, характеризующих ее сущность, который представляет собой совокупность прав, обязанностей, ограничений, запретов, установленных законодательством и гарантированных государством [1]. Приобретение правового статуса прокурорского работника связано с имеющим значение фактом поступления лица на службу в органы прокуратуры и назначением его на должность, предусмотренную Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» [2].

По мнению В. Ю. Шобухина, в содержание правового статуса прокурорского работника входит правовое положение прокурорского работника как внутри системы прокуратуры Российской Федерации (в зависимости от занимаемой должности), так и вне ее. Правовое положение прокурорского работника включает его права, обязанности, ответственность и гарантии [3]. Следует отметить, что действующее законодательство не содержит соответствующего унифицированного понятия.

В соответствии с предложенным законодателем понятием прокурорские работники являются федеральными государственными служащими, исполняющими обязанности по должности федеральной государственной службы с учетом требований Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Правовое положение и условия службы прокурорских работников определяются Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» (раздел V), Федеральным законом от 27.05.2003 № 238-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», Федеральным законом от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Понятие «прокурорский работник» необходимо отличать от более узкого по своему содержанию понятия «прокурор». Согласно разъяснениям, содержащимся в статье 54 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», понятие «прокурор» распространяется на Генерального прокурора Российской Федерации, его советников, старших помощников, помощников и помощников по особым поручениям, заместителей Генерального прокурора Российской Федерации, их помощников по особым поручениям, заместителей, старших помощников и помощников Главного военного прокурора, всех нижестоящих прокуроров, их заместителей, помощников прокуроров по особым поручениям, старших помощников и помощников прокуроров, старших прокуроров и прокуроров управлений и отделов, действующих в пределах своей компетенции.

Под прокурорскими работниками понимаются прокуроры, а также другие работники органов и организаций прокуратуры, имеющие классные чины (воинские звания). Таким образом, данное понятие охватывает не только прокуроров, но и иных работников органов и организаций прокуратуры, к которым, к примеру, относятся научные и педагогические работники.

В органах и организациях прокуратуры помимо прокурорских работников проходят службу государственные гражданские служащие, занимающие должности, предусмотренные разделом 17 Реестра должностей федеральной государственной гражданской службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2005 № 1574. На данных работников требования Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» не распространяются, в связи с чем их правовой статус определяется законодательством о государственной гражданской службе и иными нормативными правовыми актами.

Одним из составляющих элементов правового статуса сотрудника прокуратуры и важным средством обеспечения законности и дисциплины является дисциплинарная ответственность [4]. Основания для привлечения прокурорского работника к дисциплинарной ответственности предусмотрены как Трудовым кодексом Российской Федерации, так и пунктом 1 статьи 41.7 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Содержащаяся в данной статье дефиниция существенно расширяет рамки общепринятого в трудовом праве понятия дисциплинарного проступка, который представляет собой не только неисполнение или ненадлежащее исполнение работниками своих служебных обязанностей, но и совершение проступков, порочащих честь и достоинство прокурорского работника.

Перечень дисциплинарных взысканий, применяемых к прокурорам, также является обширнее общего перечня, установленного трудовым законодательством, и включает в себя следующие взыскания: замечание; выговор; строгий выговор; понижение в классном чине; лишение нагрудного знака; предупреждение о неполном служебном соответствии; увольнение. Отличия в правовом регулировании дисциплинарной ответственности прокуроров обусловлены особенностями службы в органах прокуратуры, а также требованиями, предъявляемыми к личным качествам прокурорских работников.

Проявлением особенностей правового статуса прокурорских работников является наличие дополнительных оснований прекращения трудовых отношений, предусмотренных пунктом 1 статьи 43 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Отличительные черты правового статуса прокурорских работников заключаются также в особом порядке привлечения к административной и уголовной ответственности, обеспечивающем закрепленные правовые гарантии.

Законодательство об административных правонарушениях не содержит специальных норм об административной ответ-

ственности прокурорских работников, в связи с чем можно было бы предположить о возможности их привлечения в общем порядке. Вместе с тем частью 2 статьи 1.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях установлено, что особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции (депутатов, судей, прокуроров, сотрудников Следственного комитета Российской Федерации и иных лиц), устанавливаются Конституцией Российской Федерации и федеральными законами.

Однако Конституция Российской Федерации таких условий в отношении прокурорских работников не закрепляет, а отсутствие в отраслевом законодательстве регламентированного порядка привлечения к административной ответственности должностных лиц, наделенных специальным статусом, порождает неясность в правоприменительной практике.

Вопрос о порядке привлечения прокурорских работников к административной ответственности не раскрыт и в статье 42 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» («Порядок привлечения прокуроров к уголовной и административной ответственности»), где лишь указано, что проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором, является исключительной компетенцией органов прокуратуры.

Важной гарантией при решении вопроса о привлечении прокуроров к уголовной ответственности является закрепление в законе следующих специальных правил.

В соответствии с пунктом 1 статьи 42 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» проверка сообщения о преступлении, совершенном прокурором, возбуждение в отношении прокурора уголовного дела (за исключением случаев, когда прокурор застигнут при совершении преступления) и его предварительное расследование производятся Следственным комитетом Российской Федерации в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Так, согласно пункту 6 части 1 статьи 447 УПК РФ прокуроры относятся к лицам, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. В свою очередь, часть 1 статьи 448 УПК РФ устанавливает, решение о возбуждении уголовного дела принимается в отношении:

— Генерального прокурора Российской Федерации — Председателем Следственного комитета Российской Федерации на основании заключения коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда Российской Федерации, принятого по представлению Президента Российской Федерации, о наличии в действиях Генерального прокурора Российской Федерации признаков преступления;

— прокурора района, города, приравненных к ним прокуроров — руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации;

— вышестоящих (по отношению к прокурорам районного звена) прокуроров — Председателем Следственного комитета Российской Федерации или его заместителем.

Законодателем не раскрывается содержание понятия «вышестоящий прокурор», что является существенным недостатком правового регулирования, но с учетом сложившейся правоприменительной практики к лицам данной категории относят прокуроров субъектов Российской Федерации, их заместителей, а также заместителей Генерального прокурора Российской Федерации.

Таким образом, принимая во внимание расширительное толкование в статье 54 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» определения «прокурор», возбуждение уголовного дела в отношении остальных прокурорских работников, охватываемых этим понятием (к примеру, заместителей прокурора, старших помощников и помощников прокурора, прокуроров отдела и пр.), относится к компетенции следователей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации.

На период расследования возбужденного в отношении прокурора уголовного дела он отстраняется от должности, однако за это время ему выплачивается денежное содержание (денежное довольствие) в размере должностного оклада, доплаты за классный чин (оклада по воинскому званию) и доплаты (надбавки) за выслугу лет.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что особенности привлечения прокурорских работников к юридической ответственности обусловлены его особым статусом и реализуемыми функциями, однако правовое регулирование указанных вопросов характеризуется наличием законодательных пробелов и противоречий, что требует дополнительного внимания со стороны законодателя.

Литература:

1. Настольная книга прокурора / под общ. ред. С. Г. Кехлерова, О. С. Капинус; науч. ред. А. С. Винокуров. М., 2012. 1159 с.
2. О прокуратуре Российской Федерации: ФЗ № 2202-1 от 17.01.1992 (с изм. и доп.)// СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
3. Шобухин В. Ю. Правовой статус прокуратуры и прокурорских работников Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 28 с.
4. Стрельников В. Дисциплина в прокуратуре// ЭЖ-Юрист. 2013. № 29.

Значение объективной стороны для отграничения преступлений от иных правонарушений

Дьяков Игорь Александрович, студент магистратуры
Хабаровский государственный университет экономики и права

Правильное понимание объективной стороны преступления и верное нахождение ее признаков необходимо для отграничения понятия преступления от иных видов правонарушений. Данное отграничение необходимо производить исходя из степени общественной опасности совершенного деяния.

Само понятие преступления несет в себе базисное понимание того, что при его совершении нарушается грань того, что возможно бы было приравнять к проступку, последствия и итог которого с более низкой степенью общественной опасности. Таковыми являются административные, дисциплинарные и другие правонарушения. Соответственно выявление уголовно-правового содержания объективной стороны преступления изначально предполагает нахождение ее роли в ходе установления деяния как преступного.

На основании вышесказанного, возникает вопрос о соответствии общественной опасности с объективной стороной преступления.

Объективная сторона в силу своей малозначительности также может свидетельствовать об отсутствии общественной опасности. В свою очередь не образует состава преступления отсутствие самой общественной опасности. Такое положение закреплено законодателем в ч. 2 ст. 14 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Правоприменителю для определения малозначительности следует проанализировать различные признаки состава преступления, а также последствия, наступившие после совершения деяния.

Также объективная сторона и нахождение иных обстоятельств может свидетельствовать об отсутствии самого преступления как такового из-за наличия факторов, исключающих уголовную ответственность.

Объективная сторона преступления влияет на общественную опасность преступления с позиции нахождения оснований для привлечения к уголовной ответственности. Существуют важные обстоятельства влияния объективной стороны преступления. Во-первых, процесс влияния объективной стороны приводит к существенному изменению качества деяния. Во-вторых, процесс определения общественной опасности может протекать в двух противоположных направлениях. Деяние может стать общественно-опасным, соответственно преступным, а объективная сторона, в свою очередь, является фактором криминализации, либо же, наоборот, приводит к декриминализации деяния, и оно утрачивает свойства общественной опасности. На криминализацию и декриминализацию деяния может повлиять любой признак объективной стороны — от обстановки совершения преступления до деяния.

Исходя из этого, становится очевидной взаимосвязь объективной стороны преступления и общественной опасности деяния, но ее невозможно признать всеобъемлющей. «Деяние является общественно опасным не вне времени и пространства, а в конкретных условиях места, времени и обстановки его со-

вершения. Это обстоятельство получает первенствующее значение в отдельных преступлениях, где не только степень тяжести преступления, но и нередко и само бытие преступления зависит от места, времени и обстановки совершения деяния (театр военных действий, мирное время, боевая обстановка)».

Правоприменитель в своей практике в первую очередь в объективной стороне устанавливает деяние. Если нет деяния, то, соответственно, и нет самого преступления.

Таким же образом можно отграничить преступления от других правонарушений по наступившим последствиям. Само отсутствие последствий означает, что деяние находится в стадии неоконченного преступления, или в принципе не имеется состава преступления.

Исходя из общепризнанной практики отсутствие причинно-следственной связи между общественно опасным деянием и последствием говорит об отсутствии оконченого преступления.

Факультативные признаки, такие как обстановка, время, место, а также другие определяют индивидуальные особенности объективной стороны состава преступления. В свою очередь, данные обстоятельства могут иметь большое значение и влиять на степень общественной опасности. Законодатель в таких случаях данные особенности определяет как обязательные признаки простого либо квалифицированного состава преступления.

В ходе расследования либо в процессе рассмотрения судом уголовного дела прежде всего должно быть выявлено и определено место совершения преступления. Определение таких обстоятельств как место и др. в действительности указывает установление события преступления. Также место совершения преступления оказывает влияние на степень общественной опасности преступления. Общественная опасность совершенного деяния исходит из того, что исходя из данных конкретных условий места оно способно вызвать опасный и вредный результат для интересов личности и общества.

Обстоятельство места совершения преступления в свою очередь могут выступать в качестве конструктивного признака состава преступления. В Уголовном Кодексе оно формулируется географическими названиями, такими как «озеро», «река», «море», «внутреннее море», «открытое море» и др.

Для разграничения непреступных действий от преступления принимается во внимание не просто общественная опасность, а ее содержание. Незаконность действий, их общественная опасность зависят от обстоятельств дела и от таких факторов, как время. Время совершения преступления определенно влияет на степень тяжести и характер общественной опасности.

Приобретение деянием общественной опасности в связи со временем разнообразно и зависит от продолжительности во времени, совершаемого виновным деяния. Таковым критерием, указанным в Уголовном Кодексе, обусловленным длительностью совершения, является злостность.

Способ совершения как конструктивный признак также отграничивает преступление от других правонарушений или проступков, не имеющих в себе свойств уголовной противоправности. Так как в Уголовном Законе содержится исчерпывающий перечень способов совершения преступления, то совершение действий другим способом уголовной ответственности не подразумевает.

Также орудия и средства посягательства, применение которых оказывает существенное влияние на формирование общественной опасности преступления или установление ее наличия, имеют уголовно-правовое значение.

В свою очередь оказывает влияние на степень и наличие общественной опасности, а также признание деяния преступлением обстоятельство совершения.

Важное значение для уголовно-правовой оценки обстановки совершения преступления определяется ее влиянием на общественную опасность совершенного деяния. Но всё же

следует понимать, что связь обстановки и общественной опасности деяния имеется не во всех случаях, и ее значение носит факультативный характер. Данным обстоятельством и объясняется наличие в качестве признака объективной стороны преступления обстановки совершения в диспозициях лишь отдельных статей Уголовного Кодекса.

Подводя итог следует заметить, что для правоприменителя наличие состава преступления в действиях лица, совершившего деяние, является юридическим основанием для привлечения его к уголовной ответственности. Одной из наиболее важных составляющих состава преступления является объективная сторона, в которой отражены внешние признаки преступного деяния, и именно она является фундаментальным элементом состава преступления, о чем в свою очередь свидетельствует указание законодателем в диспозициях статей Уголовного Кодекса признаков объективной стороны преступления.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон: от 13 июня 1996 № 63-ФЗ, Москва: кодекс, 2019.
2. Рарог А. И. Усмотрение правоприменителя при квалификации преступлений: Уголовное право, 2000. № 1.
3. В. Н. Кудрявцев. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация: Сборник научных трудов: Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. М. Яковлева. Москва, 1982. С. 204.
4. Курс уголовного права. Общая часть: Том 1: Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 2019.
5. Бушуева. Т. А. Уголовная политика в области охраны окружающей среды: Проблемы уголовной политики. Владивосток, 2015 г.

Взаимосвязанные сделки в рамках института крупной сделки

Ельченкова Влада Андреевна, студент магистратуры
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (Далее — ФЗ «Об акционерных обществах») с введением в действие статьи 78 устанавливает следующее: крупной сделкой считается сделка (несколько взаимосвязанных сделок), выходящая за пределы обычной хозяйственной деятельности, связанная с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения обществом прямо либо косвенно имущества, стоимость которого составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества, определенной по данным его бухгалтерской отчетности на последнюю отчетную дату. Такие сделки сопровождаются особым порядком одобрения: заключение о крупной сделке включается в информацию (материалы), предоставляемую акционерам при подготовке к проведению общего собрания акционеров общества, на котором рассматривается вопрос о согласии на совершение или о последующем одобрении крупной сделки.

Однако ФЗ «Об акционерных обществах», а также иные нормативно-правовые акты законодательно не устанавливают признаки, а также понятие «взаимосвязанные сделки». Данный вопрос, о признании нескольких сделок взаимосвязанными

между собой, и в последствии признании таковых крупными рассматривается судом в каждом конкретном случае.

Ввиду отсутствия на законодательном уровне определения «взаимосвязанная сделка», предлагается ввести следующее понятие — сделка с однородными обязательствами, или несколько сделок с имуществом, которое может использоваться как единое целое по общему назначению (например, единый имущественный комплекс и др.), заключенная с участием одних и тех же лиц, или лиц, состоящих в родственной связи.

Президиум Высшего Арбитражного суда РФ в постановлении от 22.09.2009 № 6172/09, отразил свою позицию относительно признания нескольких сделок взаимосвязанными между собой, через определение признаков взаимосвязанности: «исходя из сложившейся судебно-арбитражной практики, совокупность таких признаков, как: преследование единой хозяйственной цели при заключении сделок, общее хозяйственное назначение проданного имущества, консолидация всего отчужденного по сделкам имущества в собственности одного лица, может служить основанием для квалификации как взаимосвязанных».

С учетом признаков, предложенных Президиумом Высшего Арбитражного суда РФ, в данной статье предлагается ввести дополнительные признаки взаимосвязанности сделок. Безусловно, границы признаков взаимосвязанности размыты, они тесно переплетены, вытекают один из другого.

Первый признак, который необходимо выделить, — единый субъектный состав. Из анализа судебной практики следует, что в случаях несовпадения субъектного состава договоров взаимная связь обычно отсутствует.

При заключении предприятием сделки участникам сделок либо акционерам компаний необходимо изучить следующий вопрос — участники сделок, а также сами акционеры, не состоят ли в какой-либо взаимосвязи, в том числе родственной. Такой пример рассматривается в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 22.09.2009 № 6172/09 по делу № А54–836/2008-С15. В рассматриваемом примере установлено — сделки являются взаимосвязанными, исходя из следующих обстоятельств: проданное имущество имеет общее назначение; все ответчики по делу, а также третьи лица — взаимосвязаны между собой, так как их участники и руководители являлись либо соучредителями этих и других предприятий, либо родственниками, либо родственниками соучредителей; все рассматриваемые сделки также заключались с единственной целью — передача недвижимого имущества в собственность одного лица.

Второй признак, который необходимо выделить, — взаимовлияние и взаимозависимость сделок. Суть данного признака состоит в том, что взаимосвязанные сделки порождают взаимозависимые права и обязанности сторон или в их заключении принимали участие взаимозависимые лица. Данный признак предполагает согласованность действий сторон сделок.

Такой пример рассматривается в Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 31.08.2018 № Ф01–3382/2018 по делу № А11–9620/2016. В рассматриваемом примере предметом спора выступает договор о совместном строительстве котельной, а также соглашение о пользовании ответчиком оборудованием. Судом было установлено, что данные сделки являются взаимосвязанными, так как, истец и ответчик согласовали порядок покрытия расходов на всех этапах строительства

котельной; стороны установили порядок пользования ответчиком оборудованием и условия раздела созданного имущества.

Третий признак, который необходимо выделить — единая правовая природа сделок (однородность сделок). Однородными сделками признаются сделки, предметом которых могут являться идентичные (однородные) товары (работы, услуги) и которые совершены в сопоставимых коммерческих и (или) финансовых условиях. Классическим случаем признака «единой правовой природы сделок» можно отметить — идентичные договоры. Например, заключение между сторонами нескольких одинаковых договоров лизинга транспортного средства в течение 12 месяцев.

Четвертый признак, который необходимо выделить — последовательный характер совершения сделок. В данном случае, взаимосвязанными сделками признаются в том числе логически обоснованные совершенные сделки, признаками взаимосвязи которых являются в том числе их последовательное совершение в короткий промежуток времени, наличие единого объекта, переход титула собственника к лицу, заинтересованному в совершении сделок.

Такой пример рассматривается в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 14.03.2018 № Ф05–2119/2018 по делу № А41–14909/17. По мнению суда, сомнительные договоры являются взаимосвязанными сделками, так как имеют всесторонний интерес и единую цель — вывод имущества из общества в обход требований нормативно-правовых актов и установленных законом процедур об одобрении сделок. Сделки, заключенные в рамках рассматриваемого примера, были признаны взаимосвязанными, поскольку совершены последовательно за непродолжительный промежуток времени и обусловлены целью неправомерного отчуждения, принадлежащего обществу имущества.

Исходя из вышеизложенного следует отметить, что суды принимают решения в пользу признания взаимосвязи сделок только при наличии нескольких признаков, оценивая их в совокупности. Среди рассмотренных выше примеров ни в одном не встретилось случая, когда бы суд исходил из наличия только одного признака взаимосвязанности.

Литература:

1. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.consultant.ru.
2. Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда РФ в постановлении от 22 сентября 2009 г. № 6172/09 [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.consultant.ru.
3. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 31 июля 2018 г. № Ф01–3382/2018 по делу № А11–9620/2016 [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.consultant.ru.
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 марта 2018 г. № Ф05–2119/2018 по делу № А41–14909/17 [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.consultant.ru.

Основной способ уклонения от уплаты налогов: незаконное использование налогового режима

Жестков Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент;
Даева Мария Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье авторами рассмотрен вопрос об основном способе уклонения от уплаты налогов, таком как незаконное использование налогового режима и основные схемы получения необоснованной налоговой выгоды.

Ключевые слова: способ уклонения от уплаты налога, незаконное использование налогового режима, схемы получения необоснованной налоговой выгоды.

Незаконное использование налогового режима. Схемы неправомерного использования налогового режима направлены на использование совокупности правовых норм налогового законодательства к тем хозяйственным отношениям, к которым в действительности они не могут быть применены. Суть любой схемы данного способа уклонения от уплаты налога состоит в создании видимости правомерности применения того либо иного режима налогообложения, фиктивная подстройка хозяйственных отношений под границы действия норм налогового законодательства о том либо ином налоговом режиме.

Как правило, незаконное использование налогового режима связано с применением упрощенных налоговых режимов. Однако, получение необоснованной налоговой выгоды возможно и за счет применения тех либо иных налогов в рамках общего режима налогообложения. В настоящей работе мы рассмотрели способ уклонения от уплаты налога путем неправомерного применения налоговой ставки (в особых экономических зонах). Фактически, данная схема является также и неправомерным использованием налогового режима, поскольку в отсутствие цели уклонения от уплаты налога, налогоплательщик вообще бы не стал применять данный специальный режим налогообложения (особой экономической зоны). Однако, в целях следования общей логике настоящей работы и заданной классификации способов уклонения от уплаты налогов, к настоящему разделу (способу уклонения) подлежат отнесению следующие схемы:

1) связанные с применением упрощенных режимов налогообложения и всей совокупности правовых норм, их регулирующих;

2) связанные с применением отдельных налогов в рамках общего режима налогообложения, кроме применения налоговых ставок (к примеру, положения Налогового кодекса Российской Федерации о возмещении НДС).

Таким образом, если налогоплательщиком подлежит неправомерному использованию нормы налогового законодательства об особых экономических зонах, не связанных с применением налоговой ставки, указанные схемы подлежат рассмотрению в настоящем разделе (относятся к данному способу уклонения).

1. Начнем рассмотрение схем получения необоснованной налоговой выгоды, связанных с применением упрощенных режимов налогообложения.

Применение всех указанных схем основывается на «дроблении» бизнеса, то есть, разделении бенефициаром хозяйственной деятельности между разными организациями и применении в отношении каждой их данных организаций специального налогового режима, что приводит к налоговой экономии за счет неуплаты отдельных налогов и пониженных ставок налогообложения.

Схемы получения необоснованной налоговой выгоды могут быть направлены в отношении практически любого специального налогового режима [1]:

— упрощенная система налогообложения — УСН (Глава 26.2 Налогового кодекса Российской Федерации);

— единый сельскохозяйственный налог — ЕСХН (Глава 26.1 Налогового кодекса Российской Федерации);

— система налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных производителей (Глава 26.3 Налогового кодекса Российской Федерации);

— патентная система налогообложения (Глава 26.3 Налогового кодекса Российской Федерации);

— использование законодательства особых экономических зон (в соответствии с подпунктом 27 пункта 3 статьи 149 Налогового кодекса Российской Федерации не подлежат налогообложению НДС на территории Российской Федерации проведение работ и оказание услуг резидентами портовой особой экономической зоны).

Схемы, связанные с неправомерным применением системы налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции (Глава 26.4 Налогового кодекса Российской Федерации), выявлены не были. Но это не исключает возможности их существования.

При применении указанной схемы уклонения от уплаты налога бенефициар, как правило, находится внутри структуры «раздробленного» бизнеса, что оказывает влияние на методику проведения налогового контроля.

Налоговые органы при проведении выездных и камеральных налоговых проверок выясняют следующие обстоятельства: один вид деятельности, один адрес, единый персонал, единая материально-техническая база и контрагенты для всей группы «раздробленных» компаний; бухгалтерский учет ведется одними лицами; единые должностные обязанности и униформа сотрудников; единое место хранения документов; единые IP-адреса; расчетные счета открыты одними и теми же лицами в одних и тех же банках; умышленное сохранение ли-

митов оборотов отдельных компаний, в случае приближения к порогу «выхода» за границы специального налогового режима, то есть, расторжение и (или) перевод идентичных контрактов на другие организации.

При выявлении указанной схемы уклонения от уплаты налога фокус налогового контроля должен быть направлен на взаимосвязь организацией под контролем одного бенефициара. Указанная взаимосвязь должна быть установлена через группу лиц [2], фактическую [3] и (или) юридическую аффилированность.

Пробел налогового контроля состоит в том, что без специального фокуса налоговой проверки невозможно установление схемы «дробления» бизнеса, так как каждая «раздробленная» компания в отдельности является законопослушным налогоплательщиком.

2. Схема с использованием иностранной юрисдикции [4]. Указанная схема уклонения от уплаты налога при помощи использования специального законодательства о налогообложении (не налогообложении) не резидента была выявлена и детально описана в правоприменительной практике [5].

В описанной ситуации российская компания передала в собственность иностранной компании акции своих дочерних предприятий.

Налоговым органом было доказано, что вклад в уставный капитал иностранной организации носил не инвестиционный характер. Увеличение уставного капитала кипрской компании

произведено не с намерением получения дивидендов от деятельности организации, а для продажи акций дочерних организаций с целью ухода от уплаты налога на прибыль.

В качестве доказательственной базы налоговый орган использовал сведения (документы) о том, что: кипрская компания возвращала денежные средства за акции путем беспроцентных займов и переводами через аффилированные российские компании; формальность существования иностранной компании (отсутствие работников, прибыли и сделок с независимыми компаниями).

Таким образом, российская компания получила необоснованную налоговую выгоду за счет злоупотребления российским законодательством и использования льготного законодательства иностранной юрисдикции.

Аналогичная схема была описана также и в практике Верховного Суда Российской Федерации.

Таким образом, пробел налогового контроля (видимость реальности хозяйственной операции, правильность и соблюдение порядка ведения бухгалтерского учета) устраняется путем формирования специального фокуса налогового контроля относительно сделок с иностранными компаниями, что требует индуктивного анализа взаимосвязей лиц по правовым (участие в капиталах компаний) и фактическим (денежные потоки) критериям аффилированности с учетом предполагаемой притворности совершенной сделки.

Литература:

1. «Налоговая выгода при дроблении бизнеса: позиция налоговых органов и судебных инстанций» (выпуск 3) (Шишкин Р.Н.) («Редакция» Российской газеты», 2019) // СПС «Консультант Плюс».
2. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «О защите конкуренции» // СПС «Консультант Плюс».
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 мая 2017 № 306-ЭС16-20056 // КАД «Арбитр».
4. Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 (ред. от 26.07.2006) «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // СПС «Консультант Плюс».
5. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 31.05.2017 № Ф06-20339/2017 // КАД «Арбитр».

Уголовно-правовое противодействие преступному монополизму: генезис и современное состояние

Жидкова Дарья Борисовна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В данной статье автор ставит вопрос о противодействии преступному монополизму через призму ее генезиса и современного состояния. Автор акцентирует внимание на изменении законодательного регулирования данного института, его эволюцию. Отмечает негативные тенденции развития законодательства в исследуемой сфере и предлагает пути решения сложившихся законодательных и правоприменительных проблем.

Ключевые слова: преступный монополизм, конкуренция, состав преступления.

В современной науке констатируется необходимость усиления государственных функций в области защиты свободной конкуренции [5], что свидетельствует о том, что конституционный запрет монополизации и недобросовестной

конкуренции нарушается недобросовестными субъектами хозяйственной деятельности, а антимонопольный контроль со стороны государства недостаточно эффективен. Охрану свободной конкуренции и противодействие монополизму при-

званы обеспечить нормы гл. 22 УК «Преступления в сфере экономической деятельности».

Особая сложность общественных отношений, охраняемых статьями названной главы, обуславливает бланкетный характер диспозиций и требует от правоприменителя погружения в глубины цивилистики, банковского, таможенного, налогового, земельного и иных отраслей права. Направленная на защиту субъектов предпринимательской деятельности от лиц, использующих «недозволенные приемы и методы» конкуренции, ст. 178 УК и по сей день не востребована практикой — ее применение носит единичный характер. Представляется, что именно неоднократное реформирование данной нормы является причиной ее «омертвления».

Редактирования названия ст. 178 УК отражали вносимые в диспозицию дополнения, направленные на сужение объективной стороны состава преступления. Так, в первоначальной редакции ст. 178 УК называлась «Монополистические действия и ограничение конкуренции» и устанавливала ответственность за действия, указанные в названии, раскрывая способы их осуществления. Перечень преступных способов, полагает С.В. Максимов, был сформулирован избирательно, а формальная сущность состава предоставляла чрезмерную свободу усмотрения сотрудникам антимонопольных органов, что представляло коррупциогенный фактор [4]. Мы же полагаем, что одной из причин сохранения формального состава в период с 1997 по 2003 год было стремление законодателя обеспечить особую защиту конкуренции в связи с трудным для экономики того времени периодом становления рыночных отношений.

В редакции ФЗ от 08.12.2003 № 162-ФЗ ст. 178 УК называлась «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции», при этом законодатель перестал использовать понятие «монополистическая деятельность». В тексте данного акта указывались конкретные монополистические действия: злоупотребление доминирующим положением на рынке и заключение соглашений, ограничивающих конкуренцию. Таким образом, на начальном этапе редактирования ст. 178 УК был осуществлен первый этап да в крупном размере [2].

Ужесточив максимальное наказание до 3-х лет лишения свободы, законодатель отнес данное деяние к преступлениям средней тяжести, однако изменение содержания ст. 15 УК в 2011 году вновь перевело деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 178

УК, в разряд преступлений небольшой тяжести. Также в примечание было внесено специальное основание освобождения от уголовной ответственности: способствование раскрытию преступления, возмещение ущерба или перечисление в бюджет РФ полученного дохода. Использование союза «или» наводит на мысль о том, что любая форма деятельного раскаяния освобождала бы лицо от уголовной ответственности.

Изменения ст. 178 УК в целом соответствовали позиции ученых ИГиП РАН, предложивших сохранить конструктивный признак — причинение крупного ущерба, и выступавших за включение поощрительной нормы в структуру примечания к статье в целях повышения раскрываемости таких преступлений [2]. Но главное замечание ученых — необходимость определения объективной стороны состава путем использования оборота «нарушение антимонопольного законодательства», — парламентарии оставили без внимания. Современная редакция ст. 178 УК действует с 2015 года. Название — «Ограничение конкуренции» — отражает дальнейшее сужение объективной стороны исследуемого состава.

Ограничение конкуренции признается уголовно наказуемым деянием, только если было совершено путем заключения между хозяйствующими конкурентами картеля, ограничивающего конкуренцию соглашения, запрещенного антимонопольным законодательством [2].

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что декриминализация ряда монополистических действий путем сужения объективной стороны исследуемого состава преступления в конечном итоге «омертвила» ст. 178 УК. Показателен тот факт, что впервые приговор по ст. 178 УК был вынесен только в 2014 году, то есть, все время своего существования норма по факту выполняла лишь охранительные функции.

Для изменения сложившейся ситуации, прежде всего, необходимо дать определение ограничению конкуренции, так как законодатель ограничился перечислением признаков такого ограничения. На первоначальном этапе представляется возможным установить формальное определение — «действия субъектов хозяйственной деятельности, повлекшие наступление признаков ограничения конкуренции, указанных в п. 17 ст. 4 ФЗ от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Следующим шагом к возвращению ст. 178 УК в правоприменительную практику должна стать криминализация монополистических действий.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
2. Боженко С. Я. Правовое регулирование в сфере защиты конкуренции // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 25.
3. Максимов С. В. Смена «сторожа» честной конкуренции (о поправках в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 2 (37). С. 21.
4. Тюнин В. И. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ) // Ученые записки юридического факультета. 2012. Вып. 24 (34). С. 192.
5. Устинова Т. Д. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции как уголовно наказуемые деяния [Электронный ресурс]. Код доступа: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=1405> (дата обращения: 02.09.2017).

Правовое регулирование консалтинговой деятельности

Захарова Александра Эдуардовна, кандидат юридических наук, доцент;

Каменева Ольга Владимировна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье рассматривается актуальность консультационных услуг в современном обществе.

Ключевые слова: договор, консультация, федеральный закон.

В отечественном законодательстве определение термина консалтинг, консалтинговая деятельность отсутствует. Право РФ употребляет всего лишь понятие «оказание услуг». Обращаясь к ст. 779 Гражданского кодекса РФ заметим «по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги, а заказчик обязуется оплатить эти услуги». ГК РФ тоже не приводит консалтинговые услуги в качестве отдельного вида обязательств, а в действительности распространяет действие главы 39 ГК РФ на оказание консалтинговых услуг. При этом деятельность аудиторов, оценочная деятельность, в том числе деятельность в сфере бухгалтерского учета регулируются специальными отдельными законами.

Переход к новейшим экономическим отношениям вызвал необходимость и новую терминологию. Так, словарь по экономике и юридическая энциклопедия консультирование рассматривают через понятие «консалтинг».

В экономическом словаре можно встретить следующее определение консалтинга через деятельность специализированных фирм по консультированию производителей, продавцов, покупателей по обширному кругу вопросов экономики, финансов, внешнеэкономических связей, создания и регистрации фирм, изучения и прогнозирования рынка товаров и услуг, инновационной деятельности. В юридической энциклопедии консалтинг рассматривается посредством консультирования в предпринимательской деятельности производителей, покупателей и продавцов по экономическим и другим хозяйственно-правовым вопросам, в том числе в сфере внешнеэкономической деятельности.

Эта позиция воспроизведена в ряде федеральных законов. Федеральный закон от 19.07.2007 №196-ФЗ «О ломбардах» в ч. 4 ст. 2 удостоверяет, что ломбарду воспрещается заниматься какой-либо другой предпринимательской деятельностью, кроме предоставления краткосрочных займов гражданам, хранения вещей, и оказания консультационных, информационных услуг. Часть 6 ст. 40.1 Федерального закона от 08.12.1995 №193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» устанавливает, что кредитный кооператив в соответствии со своим уставом и решениями общего собрания членов кредитного кооператива может оказывать своим членам и ассоциированным членам кредитного кооператива консультационные и иные соответствующие целям своей деятельности услуги [1]. Почти аналогичное положение содержится в ч. 2 ст. 16 Федерального закона от 30.12.2004 №215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах» [2].

Часть 1 ст. 8 Закона РФ от 27.11.1992 №4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [3] опреде-

ляет, что под деятельностью страховых агентов понимается деятельность, которая осуществляется в интересах страховщиков либо страхователей и связанная с оказанием им услуг по подбору страхователя и страховщика (перестраховщика), условий страхования (перестрахования), оформлению, заключению и сопровождению договора страхования (перестрахования), внесению в него изменений, оформлению документов при урегулировании требований о страховой выплате, взаимодействию со страховщиком (перестраховщиком), осуществлению консультационной деятельности. Другими словами, определяется, что консультационная деятельность — составная часть деятельности страховых агентов и брокеров.

Законодательство также разрешает вопрос о соотношении консалтинговых услуг и инжиниринга. К инжиниринговым услугам относятся инженерно-консультационные услуги по подготовке процесса производства и осуществления продукции (работ, услуг), подготовке строительства и использования промышленных, инфраструктурных, сельскохозяйственных и иных объектов, до проектные и проектные услуги. Итак, инжиниринг, инжиниринговая деятельность — это более обширное представление, если сравнивать с консультационными услугами, ибо инженерно-консультационные услуги являются частью инжиниринга. Сходная точка зрения была высказана в научных работах [4, с. 84–95]. Правовая урегулированность консалтинговых услуг в РФ охватывается отнюдь не только национальными правовыми актами, но и международными. В связи с членством нашей страны во Всемирной торговой организации (далее — ВТО) [5] Российская Федерация, безусловно, обязана следовать общим принципам ВТО и, в частности, гармонизировать свое законодательство в соответствии с требованиями соглашений, в том числе, специального Генерального соглашения по торговле услугами, вступившее в силу в январе 1995 года в результате Уругвайского раунда переговоров (далее — ГАТС). ВТО обладает своим Классификационным перечнем секторов услуг (Классификатор ГАТС), который содержит около 12 групп услуг. Примечательно, что в самую первую группу включаются собственно профессиональные услуги (такие как, правовые услуги, налоговое администрирование, медицинские услуги и другие). ГАТС определяет общие правила торговли услугами, в частности и консалтинговыми, распространяющиеся и на РФ как члена ВТО.

Основным моментом в формировании новейшего правового механизма регулирования рыночных отношений в области возмездного оказания консультационных услуг являются нормы гл. 39 ГК РФ. Но, безусловно, существенное пространство правовой неясности в этой сфере общественных отно-

шений сохраняется. Основной проблемой консультационной деятельности в нашем государстве является то, что она фактически не урегулирована единым, полноценным законом, который бы устанавливал терминологию, суть, возможно, принципы консультационной деятельности, ответственность субъектов консультационной деятельности, страхование профессиональных организаций [6]. Все же остаются неразрешенными правовые основы взаимоотношений сторон, их права и обязанности, цена и порядок организации деятельности и расчетов, сроки и качество оказания консультационных услуг, возможные гарантии качества. И это самый минимум, который можно было бы определить и принять.

Я считаю, целью создания законопроекта являлось бы, в первую очередь, обеспечение повышенных юридических, правовых гарантий абсолютно всем участникам данной сферы консультационной деятельности. Предметом же регулирования законопроекта выступают общественные отношения, появляющиеся между субъектами при оказании консультационных услуг. В законопроекте важно также предусмотреть следующие разделы: основные понятия, используемые в настоящем Законе; законодательство Российской Федерации и иные акты о консультационной деятельности; консультант; организация консультационной деятельности; права и обязанности консульта-

ционных организаций; права и обязанности консультируемых лиц и лиц, заключивших договор на оказание консультационных услуг; конфиденциальность полученной сторонами информации и его характеристика; саморегулирование в консультационной сфере, создание органов СРО; ответственность за нарушение законодательства РФ о консультационной деятельности; страхование ответственности консультантов при оказании консультационных услуг.

В заключение хочется отметить, что на данном этапе развития консультационных отношений приходится констатировать отсутствие единой системы правового регулирования консалтинговых услуг в российском законодательстве, и даже не существует эффективного регулирования (в различных нормативных актах) услуг во всевозможных сегментах рынка: правовые акты в лучшем случае ограничиваются указанием на наличие таковых услуг. Все это отрицательным образом влияет на функционирование рынка консалтинговых услуг, ибо увеличивают неясность в правовом регулировании, что может привести к злоупотреблениям правом. Необходимо ввести специальные нормы для нормативно-правового регулирования данной сферы, а именно, единый закон, что сделает деятельность консалтинговых компаний более эффективной, защищенной и прозрачной.

Литература:

1. О сельскохозяйственной кооперации: Федер. закон от 08.12.1995 N193-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О жилищных накопительных кооперативах: Федер. закон от 30.12.2004 N215-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27.11.1992 N4015-1 (в ред. от 31.12.2017) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Рыбец Д. В. Инжиниринг (инженерно-консультационные услуги) на мировом рынке // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. N8. С. 84–95.
5. О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15.04.1994: Федер. закон от 21.07.2012 N126-ФЗ // Российская газета. 2012. 23 июля.
6. Ситдикова Л. Б. Правовые аспекты соотношения понятий консультационных (консалтинговых) услуг с другими видами услуг: теоретический и практический аспекты // Российский судья. 2007. N6

Правовое регулирование сроков исковой давности по законодательству Российской Федерации

Захарова Виктория Викторовна, студент магистратуры
Пензенский государственный университет

В статье авторы проводят обзорный анализ действующего законодательства по вопросу правового регулирования сроков исковой давности.

Ключевые слова: срок исковой давности, последствия пропуска сроков исковой давности.

Срок исковой давности является одной из важнейших категорий гражданского права. Данный вывод можно сделать исходя из анализа последствий пропуска срока исковой давности.

Понятие сроков исковой давности имеет легальное определение, изложенное в статье 195 Гражданского кодекса Российской Федерации. Так, по смыслу указанной статьи Граж-

данского кодекса под исковой давности понимается срок, для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

Указанное понятие является удачным, с точки зрения понимания сущности правового института, вместе с тем, существует необходимость остановиться на этом понятии более подробно. Так, логически легальное понятие исковой давности можно разделить на два элемента:

- 1) срок;
- 2) для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

При этом, легальное определение исковой давности не включает в себя важнейшие характеристики срока — возможность его приостановления, прерывания и восстановления. Указанное влияет на понимание исковой давности по «букве закона», так как буквальное толкование понятия исковой давности позволяет понимать исковую давность как непрерывный срок.

Буквальное толкование второго элемента понятия также вызывает сомнения. Защита права по иску лица, право которого нарушено может означать, что иск должен быть подан только лицом право которого может быть нарушено. Вместе с тем, практике известны случаи подачи исков об оспаривании сделок в рамках исковой давности иными лицами, к примеру финансовыми управляющими при осуществлении процедуры банкротства.

Конечно, можно признать, что указанные недостатки легального определения сроков исковой давности не влияют на суть правового регулирования общественных отношений, но цель научного поиска в основном и строится в научном осмыслении проблем и противоречий.

Указанный вывод также подтверждается позицией М.Я. Кириллова и П.В. Крашенинников которые утверждают, что понятие «срок» в гражданском праве применяется в двух значениях:

- определенный период (отрезок) времени
- момент во времени.

Исковая давность в объективном смысле — гражданско-правовой институт, т.е. система норм законодательства, регулирующих отношения, связанные со сроком защиты гражданских прав (сроки, возникновение и т.д.). Тогда как исковая давность в субъективном смысле — это права лица, чьи интересы нарушены, воспользоваться сроком для защиты нарушенных гражданских прав [1].

Институт исковой давности конкретизируется и в иных положениях Гражданского кодекса Российской Федерации. Так, статья 196 ГК РФ устанавливает общий срок исковой давности, статья 197 ГК РФ регламентирует специальные сроки исковой давности, статья 198 ГК РФ устанавливает запрет на соглашение об изменении сроков исковой давности, статья 199 ГК РФ устанавливает порядок применения сроков исковой давности, статья 200 ГК РФ определяет начало течения срока исковой давности, статья 201 ГК РФ устанавливает запрет на изменение срока исковой давности при перемене лиц в обязательстве, положения статей 202–207 регламентирует порядок приостановления, перерыва и восстановления сроков исковой давности, статья 208 ГК РФ перечисляет требования, на которые не распространяются сроки исковой давности.

Несмотря на достаточность регламентации данного правового института, исследователи отмечают ряд проблемных аспектов. Так, О.А. Семенова утверждает, что проблемным остается вопрос о моменте, с которого начинает течь срок исковой давности на виндикационное требование. Трудность состоит в том, что на протяжении времени розыска утерянной (похищенной) вещи собственник не может обратиться в суд за защитой нарушенного права, так как персонально не определен ответчик, действиями которого нарушено правомочие владения. При этом факт истечения срока исковой давности служит самостоятельным основанием для отказа в иске, и в этом случае какие-либо другие доводы в обоснование заявленного искового требования не подлежат рассмотрению. Следовательно, возникает вопрос, как определять начальный момент течения срока исковой давности, когда собственник знал о выбытии из своего владения определенной вещи, но не мог установить, кто конкретно владеет его вещью и к кому необходимо предъявлять виндикационное требование [2].

А.А. Иванов утверждает, что изменение момента начала течения десятилетнего объективного срока исковой давности показывает, насколько важное значение имеют сроки в гражданском праве для принципа правовой определенности. Более конкретно — особую роль играет четкое определение моментов начала и окончания сроков, поскольку именно с ними связывается изменение правового регулирования, касающегося конкретного правоотношения. Если срок начался (окончился), но есть многочисленные условия, которые могут изменить это обстоятельство, то правовая определенность страдает, поскольку участники правоотношения не понимают, чем руководствоваться. Во многих случаях продолжительность срока менее значима, чем упомянутые условия, особенно когда очевидно, что срок необходим. Это обстоятельство необходимо учитывать при гармонизации сроков исковой и приобретательной давности, которая продолжает оставаться актуальной [3].

А.П. Сергеев и Т.А. Терещенко указывают на то, что пунктом 2 ст. 196 Гражданского кодекса РФ установлено, что срок исковой давности не может превышать десять лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен. В доктрине этот срок зачастую называется объективным сроком исковой давности — вероятно, ввиду того, что начало его течения связывается не с субъективным моментом (когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто его нарушил), а с самим фактом нарушения субъективного права.

Целесообразность введения предельного давностного срока вызывает большие сомнения, однако с подобным легальным ограничением приходится считаться. Тем более что оно уже породило ряд практических проблем, начиная с его соотношения с правилами о приостановлении, перерыве и восстановлении исковой давности и заканчивая сомнениями в правильности и непротиворечивости правового регулирования. Ответы на некоторые вопросы можно найти в разъяснениях и Конституционного, и Верховного судов РФ, однако судебной практике, очевидно, еще предстоит выработать целостный подход [4].

Как утверждает А. Д. Френкель, участники, реально затрудняющие деятельность общества, могут избежать исключения, защищаясь тем обстоятельством, что три года назад истец также существенно затруднял деятельность общества. И несмотря на то, что основание для исключения истца в действительности перестало быть актуальным, он не сможет требовать исключения других участников по актуальным основаниям. Таким образом, налицо противоречие между реальным назначением иска об исключении участника, обусловленного диспозицией нормы, и тем, какой смысл ей придает возможность предъявлять иск в течение 3 лет с момента возникновения затруднения в деятельности общества. Представляется, что срок исковой давности должен применяться к искам об исключении участника, однако подлежит сокращению до одного года. Сокращение срока исковой давности до одного года в комбинации

с имеющим место обязательным судебным порядком исключения участника послужит достижению оптимального согласования интересов сторон корпоративных отношений, поскольку направлен на быстрое и эффективное восстановление деятельности общества, одновременно исключив множество злоупотреблений при предъявлении иска об исключении, и по своей продолжительности, учитывая, как правило, длящийся характер затруднений в деятельности общества, является достаточным для обращения в суд [5].

Таким образом, обзорный анализ правоприменительной практики и доктринальных позиций по вопросам института сроков исковой давности позволяет сделать вывод о наличии проблем и противоречий действующего законодательства в данной области, требующих научного осмысления и попыток решения.

Литература:

1. Кириллова М. Я., Крашенинников П. В. Сроки в гражданском праве. Исковая давность. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Статут, 2016. — 80 с.
2. Семенова О. А. Проблема применения исковой давности при виндикации недвижимости // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2015. — № 7. — С. 84–92.
3. Иванов А. А. Проблемы изменения начала течения десятилетней объективной исковой давности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2017. — № 8. — С. 64–74.
4. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Исковая давность: отдельные противоречия правового регулирования и связанные с этим проблемы правоприменения // Вестник Арбитражного суда Московского округа. — 2017. — № 2. — С. 36–47.
5. Френкель А. Д. Сокращение срока исковой давности как способ борьбы с неактуальными требованиями об исключении участника из общества // Вестник арбитражной практики. — 2021. — № 2. — С. 80–87.

Источники нормативно-правового государственного регулирования экономической безопасности предприятия в Приднестровской Молдавской Республике

Иванченко Андрей Олегович, студент магистратуры
Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко (г. Тирасполь)

В части экономической безопасности предприятия основными источниками нормативно-правового государственного регулирования выступают следующие:

Конституция ПМР (ст. 36 Конституции ПМР гласит: каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом, экономической деятельности; ст. 27 регулирует основополагающие для осуществления предпринимательской деятельности отношения собственности, также устанавливаются и некоторые ограничения, например, на занятие предпринимательской деятельностью Президентом ПМР ст. 64, Депутатов Верховного Совета ПМР ст. 68, членов Правительства ПМР ст. 76–1, судей ст. 83 [1]), Гражданский Кодекс ПМР, Закон Приднестровской Молдавской Республики от 27 октября 1992 года «О безопасности» (СЗМЗ 92–4) с изменениями и совокупность законов

и других нормативных актов в различных областях экономики: внешнеторговой деятельности, валютного контроля, налогообложения, учета и отчетности, таможенного, антимонопольного регулирования, лицензирования, сертификации, организации государственного финансового контроля, аудиторской деятельности.

Так нормами гражданского законодательства в зависимости от наличия или отсутствия юридического лица субъекты предпринимательства делятся на индивидуальных, без образования юридического лица (ст. 24 ГК ПМР [2]) и на коммерческие и некоммерческие организации (ст. 51 ГК ПМР).

Регулирование у юридического лица или гражданина возникновения статуса предпринимателя определяется моментом его государственной регистрации в этом качестве и выдачи Свидетельства о государственной регистрации.

Порядок такой регистрации определен в Законе ПМР от 11 июня 2007 года N222-3-IV «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в ПМР» [3].

Для осуществления деятельности в качестве индивидуального предпринимателя необходимо обладание патентом. Предпринимательский патент (далее — патент) является именованным документом, удостоверяющим право физических лиц на занятие указанным(ными) в нем видом(ами) предпринимательской деятельности в течение определенного срока [4].

Для осуществления отдельных видов, осуществление которых является опасным для жизни и здоровья неограниченного круга лиц, не участвующих в их осуществлении, может повлечь за собой нанесение ущерба правам, законным интересам граждан, обороне и безопасности государства, регулирование которых не может осуществляться иными методами, кроме как лицензированием, необходимо наличие лицензии. Лицензия — специальное разрешение на осуществление конкретного вида предпринимательской деятельности при обязательном соблюдении лицензионных требований и условий, выданное лицензирующим органом юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю [5, ст. 1].

По общему правилу, коммерческие юридические лица могут иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом. Но цели этой деятельности должны быть предусмотрены в учредительных документах.

Существует также ряд законодательных актов регулирующих предпринимательство различных организационно-пра-

вовых форм и форм собственности, это законы ПМР «Об обществах с ограниченной ответственностью», «Об акционерных обществах» государственное предпринимательство регулируется нормами Закона ПМР «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», объединение фирм Законом ПМР «О холдингах».

Регулируются и отдельные моменты их деятельности, например, Закон ПМР «Об установлении минимальных размеров уставных (складочных) капиталов коммерческих организаций», Закон ПМР «О несостоятельности (банкротстве)», осуществляется регулирование осуществления отдельных видов деятельности, например, Закон ПМР от 17 января 1995 г. «Об инвестиционной деятельности» текущая редакция, Закон ПМР от 03.08.1999 г. «Об иностранных инвестициях на территории ПМР» N196-3 текущая редакция, Закон ПМР «О внешнеэкономической деятельности» от 22 июля 1999 г., Закон ПМР от 21 января 2005 года «О финансовой аренде (лизинге)» и др.

В области учета и отчетности существует множество источников: закон ПМР «О бухгалтерском учете и финансовой отчетности», Приказы Министерства экономического развития ПМР «Об утверждении Альбома унифицированных форм первичной учетной документации» и «Перечня регистров бухгалтерского учёта», «Об утверждении инструкции по проведению инвентаризации имущества и финансовых обязательств организации», Инструкция Министерства экономического развития ПМР «По оценке финансовой устойчивости хозяйствующих субъектов Приднестровской Молдавской Республики» от 2 декабря 2010 года № 669 (САЗ 11–4) определяет методику расчета основных критериальных показателей.

Литература:

1. Конституция Приднестровской Молдавской Республики, принята на всенародном референдуме 24 декабря 1995 г., с изменениями и дополнениями, внесенными конституционными законами Приднестровской Молдавской Республики от 30 июня 2000 г. № 310-КЗИД; от 13 июля 2005 года № 593-КЗИД-III (САЗ 05–29); от 10 февраля 2006 года № 1 КЗИД-IV (САЗ 06–7); от 4 июля 2011 года № 94 — КЗИД-V (САЗ 11–27); от 19 мая 2016 года № 127 КЗИД-VI (газета «Приднестровье» от 24 мая 2016 года № 89); от 2 июня 2016 года № 144 — КЗИД-VI (САЗ 16–22); от 18 августа 2016 года (САЗ 16–37), от 30 января 2017 года № 24-КЗИ-VI (САЗ 17–06), от 2 февраля 2018 года № 21-КЗИ-VI (САЗ 18–05), от 12 марта 2018 года № 62-КЗД-VI (САЗ 18–11); от 12 марта 2018 года № 62-КЗД-VI (САЗ 18–11); от 23 ноября 2018 года № 315-КЗИ-VI (САЗ 18–47), от 15 мая 2021 г.
2. Гражданский кодекс Приднестровской Молдавской Республики от 17 июля 2002 года (САЗ 02–28) с изменениями и дополнениями
3. Закон ПМР от 11 июня 2007 года N222-3-IV «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в ПМР»//САЗ 07–25 текущая редакция
4. Закон Приднестровской Молдавской Республики «Об индивидуальном предпринимательском патенте» от 15.04.03 № 265-ЗИД с изменениями и дополнениями
5. Закон ПМР от 10 июля 2002 года N151-3-III «О лицензировании отдельных видов деятельности» (САЗ 02–28) с изменениями и дополнениями

Некоторые проблемы обеспечения установленного порядка деятельности судов

Ивков Дмитрий Павлович, студент магистратуры
Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

В настоящей статье исследуются проблемы обеспечения установленного порядка деятельности судов. На основании действующего законодательства Российской Федерации был проведен анализ обеспечения установленного порядка деятельности судов, выявлены некоторые проблемы и предложены пути их преодоления.

Ключевые слова: обеспечение установленного порядка деятельности судов, исполнение судебных решений

Some problems of ensuring the established order of the activity of the courts

Ivkov Dmitry Pavlovich, student master's degree
Kostroma State University

This article examines the problems of ensuring the established procedure for the activities of courts. Based on the current legislation of the Russian Federation, an analysis was carried out to ensure the established procedure for the activities of courts, some problems were identified and ways to overcome them were proposed.

Keywords: ensuring the established procedure for the activities of courts, execution of court decisions

Федеральная служба судебных приставов РФ (далее также — «ФССП») является федеральным органом исполнительной власти, функции которой регламентированы законодательством РФ. Зачастую при оценке деятельности службы приоритетное внимание уделяется именно исполнению судебных актов и анализу эффективности служебной деятельности судебных приставов-исполнителей. Деятельность судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов (далее — «ОУПДС») остается недооцененной, а проблемы, существующие в настоящее время, в должном объеме не обсуждаются. Основными функциями, возложенными на судебных приставов, является функция обеспечения установленного порядка деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов. На наш взгляд, вряд ли следует отрицать тот факт, что законодатель уделил пристальное внимание обеспечению установленного порядка деятельности судов. Важно отметить, что законодательство, регулирующее деятельность судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов, нуждается в доработке, изменении и приведении в соответствие с другими федеральными законами с целью создания более эффективных условий для реализации судебными приставами по ОУПДС своих функций.

Усовершенствованию и развитию судебной системы в России уделяется пристальное внимание, в частности, разрабатываются федеральные целевые программы. Следует отметить, что одним из заказчиков Федеральной программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» является Федеральная служба судебных приставов, и при характеристике проблем, на решение которых направлена программа, выделена проблема надлежащего исполнения обя-

занностей работниками Федеральной службы судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов. Тем самым, фактически, деятельность судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов признается неудовлетворительной. Наряду с иными целями и задачами указывается на необходимость оснащения зданий судов техническими средствами и системами обеспечения безопасности. Важно отметить, что до окончания реализации указанной программы осталось менее двух лет, но мероприятия, содержащиеся в программе, выполнены частично. С точки зрения обеспечения безопасности в зданиях судов, безусловно, необходимо оснащение пропускных пунктов в здания судов средствами обнаружения взрывчатых и отравляющих веществ, шлюзовыми кабинками досмотра персонала и посетителей, рентгенотелевизионными установками для досмотра ручной клади посетителей суда, но в этой части программа не реализована, и мы полагаем, что реализована не будет.

Безусловно, оснащение необходимыми системами обеспечения безопасности зданий судов является немаловажным. Однако следует принять во внимание, что, ставя задачу повышения эффективности службы судебных приставов и подвергая критике исполнение ею государственной функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов, не уделяется внимание иным существующим проблемам, которые приводят к сложностям, возникающим в ходе реализации прав и обязанностей судебными приставами по ОУПДС.

Принято считать: «Разрешено всё, что не запрещено законом». Порой именно это утверждение становится камнем преткновения в понимании гражданами правил пребывания граждан в судах города Москвы. Центральным становится во-

прос об определении той грани, где защита гражданами своих конституционных прав граничит с совершением ими преступлений и административных правонарушений. В свете сказанного важно отметить, что в современном обществе нет должного осознания всей важности и ответственности в деятельности судебных приставов по ОУПДС, а в науке такая государственная функция, как обеспечение установленного порядка деятельности судов, не исследуется. Если проанализировать официальные мероприятия, проводимые Федеральной службой судебных приставов, то все они направлены на максимальное информирование граждан в части исполнения судебных актов. Вместе с тем, официальных мероприятий, целью которых являлось бы формирование максимальной открытости и информированности граждан об исполнении служебных обязанностей должностными лицами органа, уполномоченного на обеспечение установленного порядка деятельности судов, не проводится. В результате этого исполнение судебными приставами по ОУПДС своих должностных обязанностей воспринимается обществом как составляющая судебной системы. Безусловно, нельзя при установлении причин такого положения исключать низкий уровень правовой подготовки судебных приставов по ОУПДС. Но справедливо было бы отметить, что даже несмотря на то, что судебные приставы должны знать и уметь применять в своей работе нормативные правовые акты, регламентирующие их деятельность, было бы целесообразным на уровне руководителя территориального органа обеспечить обучение судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов при участии судей, прокуроров, следователей и должностных лиц ФССП, осуществляющих контроль за исполнением судебными приставами по ОУПДС своих должностных обязанностей. Таким образом возможно повысить профессиональный уровень судебных приставов, что, безусловно, будет способствовать должному соблюдению прав и свобод граждан. Перечень прав и обязанностей судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов содержит закон о судебных приставах и, казалось бы, какое отношение к деятельности судебных приставов по

ОУПДС имеют Гражданский, Семейный, Жилищный и другие кодексы? Дело в том, что вносимые изменения в законодательство порождают волну несогласия со стороны той части общества, которую, так или иначе, затрагивают эти изменения. Безусловно, гражданин обращается в суд за защитой своих, как ему кажется нарушенных, прав. С каким психологическим настроением гражданин заходит в здание суда, представить не сложно. Самой острой проблемой является то, что гражданам воспринимают суд той самой властью, которая лишила его права обладать тем или иным благом, а судебные приставы, исполняющие свои служебные обязанности в здании суда, воспринимаются как ограничитель права граждан в доступе к правосудию. Именно на этом этапе начинает нарастать напряженность, которая в последующем приводит к увеличению количества жалоб на действия судебных приставов по ОУПДС, большее количество которых совершенно не обосновано. По статистике, наибольшее количество жалоб от граждан поступает на действия приставов при осуществлении процедуры их досмотра и имеющейся при них ручной кладки на наличие запрещенных предметов.

Считаем, обоснованно будет утверждать, что нагрузка и уровень ответственности судебных приставов по ОУПДС находятся на высоком уровне. В среднем в одном суде судебные приставы по обеспечению установленного порядка деятельности судов ежедневно осуществляют визуальный досмотр с использованием технических средств более 500 человек. Всё это позволяет сделать вывод о том, что вопрос технического оснащения судов системами обеспечения безопасности должен быть не только часто обсуждаем, но и реализован.

Подводя итог, можно заключить, что повышению доверия граждан к деятельности судебных приставов по ОУПДС, повышению эффективности их деятельности в полной мере могли бы способствовать максимальная открытость, информированность граждан о деятельности должностных лиц органа, уполномоченного на обеспечение установленного порядка деятельности судов, а также оснащение зданий судов техническими средствами обеспечения безопасности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Законодательство России». — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 25.10.2021).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Законодательство России». — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 25.10.2021).
3. Федеральный закон Российской Федерации «Об исполнительном производстве» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Законодательство России». — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 25.10.2021).
4. Сарычев, А. С. Судебный пристав — лицо должностное / А. С. Сарычев. — Российская юстиция, 2013. — № 7. — С. 16.

Правовая защита судебных приставов при обеспечении осуществления правосудия по гражданским делам и исполнении судебных решений

Ивков Дмитрий Павлович, студент магистратуры
Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

В настоящей статье исследуются вопросы защиты судебных приставов при обеспечении осуществления правосудия по гражданским делам и исполнении судебных решений. На основании действующего законодательства Российской Федерации был проведен анализ правового регулирования защиты судебных приставов при обеспечении осуществления правосудия по гражданским делам и исполнении судебных решений

Ключевые слова: правовая защита судебных приставов, исполнение судебных решений

Legal protection of bailiffs in ensuring the administration of justice in civil cases and the execution of court decisions

Ivkov Dmitry Pavlovich, student master's degree
Kostroma State University

This article examines the issues of protection of bailiffs while ensuring the administration of justice in civil cases and the execution of court decisions. Based on the current legislation of the Russian Federation, an analysis was made of the legal regulation of the protection of bailiffs in ensuring the administration of justice in civil cases and the execution of court decisions

Keywords: legal protection of bailiffs, execution of court decisions

Правовая защита судебного пристава-исполнителя складывается из множества правовых категорий, затрагивающих конституционные права и свободы, право на труд, защиту труда государственного служащего, права, охраняемые административно-правовым и уголовно-правовым законодательством. В данной статье хотелось бы рассмотреть вопросы защиты тех прав судебных приставов-исполнителей, которые они реализуют в целях обеспечения осуществления правосудия по гражданским делам и исполнения судебных решений.

Исполнение служебных обязанностей судебными приставами-исполнителями признается рискованной деятельностью, так как в ходе несения службы судебный пристав-исполнитель зачастую сталкивается с сопротивлением со стороны граждан, в особенности злостных «уклонителей» от исполнения обязательств по решениям суда и даже явной агрессией со стороны граждан. Данное обстоятельство определяет необходимость надлежащей правовой защиты судебных приставов.

Гарантии правовой защиты судебных приставов установлены четвертой главой Федерального Закона «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» [3], согласно данному Федеральному Закону, жизнь и здоровье судебного пристава подлежат обязательному государственному страхованию. В статье 20 настоящего Федерального закона перечислены правовые условия, а именно «Страховые гарантии, социальные гарантии, гарантии социальной защиты сотрудникам органов принудительного исполнения устанавливаются Феде-

ральным законом «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральным законом от 30 декабря 2012 года N283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», иными федеральными законами и нормативными правовыми актами Российской Федерации»

Согласно Федеральному закону от 28 марта 1998 года № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» [4] органы государственного страхования выплачивают страховые суммы в следующих случаях:

1. Гибель (смерть) застрахованного лица в период прохождения службы;
2. Смерть застрахованного лица до истечения одного года после увольнения со службы вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в период прохождения службы;
3. Установление застрахованному лицу инвалидности в период прохождения службы;

4. Установление застрахованному лицу инвалидности до истечения одного года после увольнения со службы вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в период прохождения службы;

5. Получение застрахованным лицом в период прохождения службы увечья (ранения, травмы, контузии).

Указанным Федеральным законом устанавливается страховая выплата при наступлении страховых случаев в следующих размерах и порядке:

— в случае гибели (смерти) застрахованного лица в период прохождения службы либо до истечения одного года после увольнения со службы вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в период прохождения службы — 2 000 000 рублей выгодоприобретателям в равных долях;

— в случае установления застрахованному лицу инвалидности в период прохождения службы либо до истечения одного года после увольнения со службы вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в период прохождения службы:

инвалиду I группы — 1 500 000 рублей;

инвалиду II группы — 1 000 000 рублей;

инвалиду III группы — 500 000 рублей;

— в случае получения застрахованным лицом в период прохождения службы тяжелого увечья (ранения, травмы, контузии) — 200 000 рублей, легкого увечья (ранения, травмы, контузии) — 50 000 рублей.

Следует отметить, что законодателем предусмотрена возможность ежегодного увеличения (индексирования) сумм страховых выплат, с учетом уровня инфляции в соответствии с Федеральным законом «О Федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период». Решение об увеличении (индексации) указанных страховых сумм принимается Правительством Российской Федерации. Указанные страховые суммы выплачиваются в размерах, установленных на день выплаты страховой суммы.

При этом законом охраняется жизнь и здоровье сотрудника не только период несения службы, но и пенсионный период, но только в случае наступления негативных последствий вследствие получения вреда в ходе исполнения служебных обязанностей.

В случае гибели (смерти) судебного пристава в период службы либо после увольнения, если она наступила вследствие причинения судебному приставу телесных повреждений или иного вреда его здоровью в связи с его служебной деятельностью, нетрудоспособным членам его семьи, находившимся на его иждивении, ежемесячно выплачивается компенсация в виде разницы между приходившейся на их долю частью заработной платы погибшего (умершего) и назначенной им пенсией по случаю потери кормильца без учета суммы выплат, полученных по государственному страхованию.

Рассмотрим справедливость данного положения. Зачастую здоровье ухудшается от исполнения служебных обязанностей, но связь с дальнейшими заболеваниями не устанавливается. Так, судебные приставы-исполнители при поступлении на службу не подлежат прохождению военно-врачебной ко-

миссии, которая устанавливала бы, с каким состоянием здоровья человек поступил на службу в ФССП РФ. Да и при выходе на пенсию или увольнении со службы судебного пристава-исполнителя никакой врачебной комиссии пристав не проходит, то есть наличие у него полученных в ходе несения службы заболеваний не устанавливается. Таким образом, законодательно установлена защита только от ярко выраженных травм и увечий. Например, в ходе исполнения судебного листа по взысканию задолженности и ареста автомобиля должника на судебного пристава-исполнителя был совершен наезд в ходе которого он получил травму позвоночника, в последствии чего не смог ходить — такая ситуация попадает под социальные гарантии жизни и здоровья судебного пристава и он будет социально защищен — при потере трудоспособности он получит выплату, а его семья получит выплату в случае его смерти. Однако рассмотрим другую ситуацию, у судебного пристава-исполнителя вследствие постоянной работы с компьютерной техникой, частой работой в неурочное время и по выходным, чтения документов с мелким шрифтом ухудшается зрение, а после выхода на пенсию он и вовсе может лишиться зрения — в таком случае судебный пристав лишен социальной поддержки со стороны государства. Доказать потерю зрения вследствие исполнения служебных обязанностей в современных законодательных реалиях практически невозможно. В этом представляется несовершенство социальных гарантий судебных приставов-исполнителей. Для решения данной проблемы и восполнения пробела законодательства в области охраны социальных прав судебных приставов предлагается ввести обязательное прохождение врачебной комиссии по установлению состояний здоровья государственного служащего, что следует закрепить на законодательном уровне.

Ущерб, причиненный уничтожением или повреждением имущества, принадлежащего судебному приставу или членам его семьи, в связи с его служебной деятельностью, подлежит возмещению ему или членам его семьи в полном объеме, включая упущенную выгоду, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Выплаты по возмещению ущерба производятся за счет средств Федерального бюджета.

Основанием для отказа в выплате страховых сумм и компенсаций являются только приговор или постановление суда в отношении лица, признанного виновным в гибели (смерти) судебного пристава или причинении ему телесных повреждений либо уничтожении или повреждении принадлежащего ему имущества, которыми установлено, что эти события не связаны со служебной деятельностью судебного пристава.

В силу ст. 21 ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», судебные приставы в служебных целях обеспечиваются проездными документами на все виды общественного транспорта городского, пригородного и местного сообщения (за исключением такси), приобретаемыми службами судебных приставов у соответствующих транспортных организаций в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

Сотрудникам Федеральной службы судебных приставов, использующим личный транспорт в служебных целях, выпла-

чивается денежная компенсация в размерах, установленных законодательством Российской Федерации.

Сотрудник Федеральной службы судебных приставов, направленный в служебную командировку, пользуется правом приобретения вне очереди проездных документов на все виды транспорта и размещения в гостинице по служебному командировочному удостоверению.

Порядок и нормы материально-технического обеспечения службы судебных приставов определяются Правительством Российской Федерации.

Так, следует отметить, что Постановлением Правительства РФ от 9 апреля 2001 г. № 280 [5] утверждены нормы обеспечения форменной одеждой судебных приставов; Постановлением Правительства РФ от 2 марта 2000 г. № 180 [6] утверждены нормы обеспечения боевым ручным стрелковым и иным оружием, боеприпасами и патронами к нему, специальными средствами, а также средствами радиосвязи службы судебных приставов Министерства юстиции РФ.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд статей, устанавливающих уголовную ответственность за посягательство на жизнь судебного пристава, угрозу убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении судебного пристава, разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судебного пристава и клевету [2].

Рассмотрим пример из судебной практики. Судебный пристав-исполнитель Титова А.С., действуя правомерно, в соответствии с Федеральным Законом № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», согласно которому судебный пристав — исполнитель наделен полномочиями по выполнению мер принудительного исполнения судебных актов, в том числе, по «наложению ареста на имущество должника, находящееся у должника или у третьих лиц...», совместно с судебным приставом Н. прибыли по месту жительства Ерофеевой А.В. и Ерофеева М.А., в целях принудительного исполнения судебного приказа по взысканию с должника Ерофеева М.А. задолженности, судебного приказа по взысканию с должника Ерофеева М.А. задолженности перед ООО «Хоум Кредит энд Финанс Банк». На законное требование судебного пристава-исполнителя Титовой А.С. о выяснении материального положения Ерофеевой А.В. и Ерофеева М.А., с целью выполнения принудительных мер принудительного исполнения судебных актов, в том числе по наложению ареста на имущество указанных должников, Ерофеева А.В. ответила отказом и неоднократно высказала в адрес судебного пристава-исполнителя Титовой А.С. и судебного пристава Н. грубые бранные выражения с использованием ненормативной лексики, при этом, имея умысел на применение насилия в отношении судебного пристава-исполнителя Титовой А.С., в связи с выполнением ею своих должностных обязанностей, из возникшей личной неприязни и чувства мести, вызванных правомерными действиями судебного пристава-исполнителя Титовой А.С., с целью воспрепятствовать осуществлению данным судебным приставом исполнителем законных действий, направленных на принудительное исполнение указанных судебных листов. В связи с этим указанные сотрудники отдела судебных приставов потребовали

от Ерофеевой А.В. прекратить свои противоправные действия и не препятствовать их законной деятельности.

После этого Ерофеева А.В., не реагируя на законные требования указанных сотрудников напала на судебного пристава-исполнителя Титову А.С. и умышленно, демонстрируя металлическую кочергу, предприняла попытку нанести данной кочергой удар в область головы Титовой А.С., однако довести задуманное до конца Ерофеева А.В. не смогла по независящим от неё причинам, в связи со своевременным вмешательством судебного пристава Н., который блокировал данный удар Ерофеевой А.В., после чего Ерофеева А.В., продолжая свои противоправные действия, демонстрируя металлическую кочергу и металлический совок, неоднократно высказала в адрес судебного пристава-исполнителя Титовой А.С. угрозы физической расправы.

Суд признал виновной Ерофееву А.В. в совершении преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, и назначил ей наказание в виде штрафа, с рассрочкой выплаты на 12 месяцев [7].

На основании изложенного, приходится лишь констатировать, что на сегодняшний день недостаточно проработана законодательная база, предусматривающая ответственность за оказание сопротивления сотрудникам, осуществляющим принудительное исполнение вступившего в законную силу судебного решения. Думается, что наказание в виде штрафа для должника-неплательщика является неэффективным и не соразмерным деянию. Представляется возможным в рамках настоящей статьи предложить законодателю внести изменения в ч. 1 ст. 318 УК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей — наказывается принудительными работами на срок до пяти лет, либо арестом на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет».

Для обоснования данной позиции следует особо отметить, что приставы-исполнители в результате своей деятельности могут получить травмы, в том числе травмы, не совместимые с жизнью. Лица, в отношении которых ведется принудительное исполнение, должны представлять и осознавать, что за любые противоправные действия, целью которых является воспрепятствование осуществлению законных действий судебного пристава-исполнителя по принудительному исполнению судебного решения, может быть применена суровая уголовная санкция.

Еще одним ярким примером в защиту изложенной позиции может стать происшествие, случившееся 09 июня 2021 года в Сочи. Двое сотрудников ФССП, исполняя свои должностные полномочия, явились по адресу должника К. для целей принудительного исполнения вступившего в законную силу решения суда. На почве неприязненных отношений, связанных с тем, что прибывшие по указанному адресу судебные приставы должны были исполнить решение суда о сносе самовольно возведенного им строения, К. произвел по ним несколько выстрелов из огнестрельного оружия. В результате действий К. двое судебных приставов-исполнителей погибли на месте.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Законодательство России». — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 25.07.2021).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Законодательство России». — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 25.07.2021).
3. Федеральный закон Российской Федерации «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Законодательство России». — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 25.07.2021).
4. Федеральный закон Российской Федерации «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Законодательство России». — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 25.07.2021).
5. Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2001 г. № 280 «О форменной одежде судебных приставов» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Законодательство России». — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 25.07.2021).
6. Постановление Правительства РФ от 2 марта 2000 г. № 180 «Об утверждении норм обеспечения боевым ручным стрелковым и иным оружием, боеприпасами и патронами к нему, специальными средствами, а также средствами радиосвязи Федеральной службы судебных приставов» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Законодательство России». — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 25.07.2021).
7. Приговор Пудожского районного суда Республики Карелия № 1–48/2015 от 7 октября 2015 года по делу № 1–48/2015 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Законодательство России». — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 25.07.2021).
8. Сарычев, А. С. Судебный пристав — лицо должностное / А. С. Сарычев. — Российская юстиция, 2013. — № 7. — С. 16.

Конституционно-правовое развитие института частной собственности в России первой половины XX века

Ильина Александра Сергеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Отечественная история конституционализма крайне самобытна и не будет преувеличением сказать, что она идёт рука об руку с вопросом о праве частной собственности. Царская Россия не оставила после себя ни одной Конституции, потому говорить о конституционных основах частной собственности в Царской России можно лишь условно, как о доконституционном периоде.

Касательно теоретических представлений — в Российской Империи доминировали классические цивилистические представления о праве собственности, свойственными капиталистическим правовым порядкам. При этом, в России не прижилась европейская теория права собственности как доминирования человека над вещью, и в противовес ей было выработано представление, согласно которому прав частной собственности понималось как отношение между субъектами гражданского права, а не как отношение между субъектом и объектом [1. с. 3–6].

Тем не менее, несмотря на теоретическое разногласие с европейскими цивилистами, нормативное регулирование шло в русле западной традиции — право собственности градуировалось по правообладателю, то есть по доминирующему над

объектом субъекту. Так, ст. 421 Тома 10 Свода законов Российской Империи различает частную и государственную собственность [2].

В полной мере сформированный в российской цивилистической науке подход к праву частной собственности как к общественному отношению был реализован вместе с созданием первой российской конституции в 1918 году как один из результатов Октябрьской революции.

С этого момента можно говорить о наличии конституционных основ права собственности и о начале конституционного регулирования вопросов, связанных с правом частной собственности. Однако все ещё некорректным будет ставить вопрос о положительном содержании конституционных основ частной собственности, поскольку термин «частная собственность» обозначал общественные отношения, признаваемые социалистическим государством общественно опасными. Вместе с тем, содержание понятия «частная собственность» в советский и нынешний период имеет принципиальное различие.

Рассматривая первую российскую Конституцию — Конституцию РСФСР от 1918 года [3] (далее — Конституция 1918 года),

следует обратить внимание на первые 8 статей. Так, словосочетание «частная собственность» употребляется всего один раз и относится только к земельному вопросу. Вместе с тем, в данных статьях максимально просто излагается марксистское понимание частной собственности как средства эксплуатации человека человеком. То есть, под частной собственностью советское государство понимало не любой объект гражданского права, собственником которого является отдельное лицо, а лишь отдельные его виды, позволяющие, при нахождении в праве частной собственности, присваивать себе результаты труда другого человека.

Конкретные объекты гражданского права, которые могут быть использованы для эксплуатации, молодое советское государство перечислило в пунктах «а», «б», «в» статьи 3 Конституции 1918 года. Таковыми являются: земля, леса, недра, воды общегосударственного значения, весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья, сельскохозяйственные предприятия, фабрики, заводы, рудники, железные дороги, прочие средства производства и транспорта.

Таким образом, Конституция 1918 года, являющаяся первой российской и советской конституцией, заложило фундамент для разделения собственности отдельных субъектов гражданского права. С одной стороны оставалась частная собственность, суть которой состоит в невозможности применения всего массива имущества одним лицом — собственником, и поэтому оно используется собственником опосредованно — посредством нанимаемых работников. В итоге работник производит больше труда, чем оплачивает собственник имущества, и присваивает себе неоплаченный результат труда. Таковым имуществом являются, прежде всего, названные в Конституции 1918 года объекты гражданского права. С другой стороны, будет сформировано понятие личной собственности — это имущество, которое применяется, то есть используется по прямому назначению человеком непосредственно, и оно не передается во владение, пользование другим лицам ни за плату (рента), ни с оплатой (наём).

Следующий основной закон, Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [4] Утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 года (далее — Конституция 1925 года) закрепляет режим государственной собственности на все названные выше объекты, а также средства связи.

В целом, Конституция 1925 года не вносит ничего нового в вопрос понимания права собственности и его основ, однако она продолжает намеченный в предыдущей конституции путь по преодолению эксплуатации человека человеком.

Третьим основным законом является Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики [5], утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 года (далее — Конституция 1937 года).

Данный акт фиксирует переход количества в качество, закрепляя новые режимы права собственности, свойственные социалистическому обществу.

Как и прежде, экономическая основа советского общества вынесена в начало конституции. Положениям о праве соб-

ственности посвящены статьи 6,7,9,10. При этом важно отметить, что рассматриваемая конституция отличается лаконичностью и точностью формулировок. Как отмечает А. М. Борисов: «Сразу обратим внимание на более высокий уровень научно-теоретической обработки текста Конституции 1937 года» [6].

Данной конституцией признаётся три режима права собственности: социалистический, частный, личный.

Под социалистической собственностью в статье 5 понимаются государственная собственность, а также кооперативно-колхозная собственность. В данном случае подобное разделение весьма важно по той причине, что коллективные хозяйства и кооперативы, ведя свою деятельность преимущественно или исключительно с государством как единственным контрагентом, всё же не были субъектами гражданского права, прямо управляемыми государством. Воздействие осуществлялось не напрямую через административное формирование органов управления, а посредством нормативной и экономической политики. То есть отождествление социалистической и государственной собственности является ошибочным.

Также Конституция 1937 года содержит следующее указание в статье 9: «Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в РСФСР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключающее эксплуатацию чужого труда».

В данном случае можно сказать, что использование юридического термина «частное хозяйство» призвано не допустить прямого текстуального закрепления частной собственности в основном законе, поскольку последняя не может существовать без эксплуатации чужого труда, во всяком случае, в марксистском понимании. Представляется, что словосочетание «частное хозяйство» следует читать как «личное товарное производство», поскольку тогда вместо четырёх категорий: социалистическая собственность, социалистическая система хозяйства, мелкое частное хозяйство, личная собственность, можно было бы обойтись двумя: социалистическая собственность и личная собственность. В противном случае, поскольку мы имеем дело с явлениями разных уровней, так как социалистическая собственность выступает основой социалистической системы хозяйства, то частное хозяйство может быть основано только на частной собственности. Но запрет на эксплуатацию чужого труда лишает частную собственность свойства частности, а указание на личный труд превращает используемые средства производства в личное имущество. Поэтому следует признать, что частная собственность в советской России образца 1937 года не могла признаваться на нормативном уровне, и мы имеем дело с разновидностью личной собственности.

Собственно, очевидно, что второй вид собственности — личная собственность. Согласно статье 10: «Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан — охраняются законом».

Таким образом, личная собственность выступила новым этапом развития учения о праве собственности физических

лиц. Убирая эксплуатацию человека человеком, частная собственность становится либо социалистической, либо личной, в зависимости от субъекта, способа применения и распределения полученных в результате применения плодов труда.

Обобщая сказанное, важно отметить, что конституционное регулирование права частной собственности в России началось с советского государства, считавшего отношения, связанные с правом частной собственности общественно опасными.

Литература:

1. Кудринский, В.И. Об ограничениях права собственности на недвижимое имущество по закону (по русскому праву) / В.И. Кудринский. — Одесса: Типография Акционерного Южно-Русского общества Печатного дела, 1904. — 3–6 с. — Текст: непосредственный.
2. Свод законов Российской Империи. Том 10. Книга первая. 1912. — Текст: электронный // Электронная библиотека «Консультант +»: [сайт]. — URL: <https://clck.ru/YunwC> (дата обращения: 18.11.2021).
3. Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принята V Всероссийским съездом советов в заседании от 10 июля 1918 года. — Текст: электронный // Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: [сайт]. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1918.htm#1> (дата обращения: 18.11.2021).
4. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 года. — Текст: электронный // Конституция РСФСР 1925 года: [сайт]. — URL: <https://clck.ru/RtaaY> (дата обращения: 18.11.2021).
5. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 года. — Текст: электронный // Википедия: [сайт]. — URL: [https://clck.ru/Yunwv_\(1937\)](https://clck.ru/Yunwv_(1937)) (дата обращения: 18.11.2021).
6. Борисов, А.М. Эволюция правовых основ экономических отношений в отечественных конституциях / А.М. Борисов. — Текст: электронный // Киберленинка, Новый ракурс. 2018. № 3.: [сайт]. — URL: <https://clck.ru/YunxP> (дата обращения: 18.11.2021).

Роль права частной собственности в правовом статусе человека

Ильина Александра Сергеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Высокая значимость частной собственности и права на неё для статуса человека является неотъемлемой частью как человеческой истории, так и сегодняшнего дня. Потому эту взаимосвязь заметили уже в начале государственного этапа существования человеческого общества.

Взаимосвязь между правами человека и частной собственностью заметили ещё в Древнем Риме. Например, Цицерон [1] связывает свободу и частную собственность: «задача справедливости... в том, чтобы пользоваться общественной [собственностью] как общественной, а частной — как своей». Что интересно, Цицерон не рассматривал частную собственность в качестве естественного состояния или проявления природы человека, но наоборот говорил, что она является продуктом насилия или иной манипуляции с общественной собственностью: «Ведь частной собственности не бывает от природы. Она возникает либо на основании давнишней оккупации, например, если люди некогда пришли на свободные земли, либо в силу победы, например, если землей завладели посред-

Вместе с тем, дальнейшее развитие советского государства повлекло некоторое послабление в данном вопросе, выразившемся в признании в Конституции 1937 года частных хозяйств, исключавших эксплуатацию других лиц.

К сожалению, дальнейшее развитие советского государства не пошло по пути дальнейшего развития института частной собственности, что, возможно, повлекло за собой плачевные последствия конца XX века.

ством войны, либо на основании закона, соглашения, условия, жребия. Таким образом, Арпинская область называется принадлежащей арпинатам, Тускульская — принадлежащей тускуланцам, нечто подобное бывает и при распределении частных владений. Ввиду этого, — так как частная собственность каждого из нас образуется из того, что от природы было общим, — пусть каждый владеет тем, что ему досталось; если кто-нибудь другой посягнет на что-нибудь из этого, он нарушит права человеческого общества» [2]. При этом, как видно из приведенного отрывка, Цицерон выступает за защиту частной собственности.

Для теории прав человека важной фигурой стал Джон Локк, поскольку рассматривал их как неотчуждаемых и собственных человеку в силу его естества, не требуя никаких дополнительных уполномочий.

Суть прав человека Локк заключал в понятии «собственности», включая в него право на жизнь, свободу и имущество, что стало основой современной концепции прав человека [3].

Понятие права частной собственности как самостоятельной категории в Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (далее — Конституция РФ) отсутствует. Потому для раскрытия конституционно-правового статуса права частной собственности необходимо рассмотреть общие положения Конституции РФ.

Для выявления конституционного определения права собственности обратимся к тексту Конституции РФ. Так, статья 2 содержит следующее положение: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

Далее, основные положения касательно права частной собственности содержатся в главе 2, именуемой «Права и свободы человека и гражданина» [4].

Значимыми являются положения статей 17 и 18 Конституции РФ, согласно которым права и свободы человека признаются и гарантируются государством, принадлежащими каждому от рождения, расцениваются как непосредственно действующие и определяющие смысл законодательства.

Главные же положения, определяющие конституционное содержание права частной собственности находятся в статьях 34–37 Конституции РФ. Рассмотрим их более подробно.

Пункт 1 статьи 34 содержит первое важное положение: «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности». Данное положение служит общим правилом для всех граждан России в вопросе экономической активности.

Далее, статья 35 фиксирует признание права частной собственности объектом охраны со стороны государства, ограничивает полномочия государства по изъятию имущества у собственника и гарантирует право наследования. Пункт 2 данной статьи содержит в себе цивилистическое определение права собственности: «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности». При этом, оно не зафиксировано в качестве определения с юридико-технической точки зрения, потому утверждение об отсутствии нормативно закреплённого конституционного права собственности остаётся корректным. Как пишет В.В. Гошуляк, конституционное право устанавливает общие начала, в соответствии с которыми идёт дальнейшее развитие институтов в иных отраслях законодательства, что позволяет признать институт права частной собственности конституционным, не исключая при этом его одновременную принадлежность к иным отраслям права.

Статья 36 отдельно устанавливает возможность применения режима частной собственности к земле и недрам.

Отдельно от непосредственного регулирования права частной собственности, но в прямой связи с ним находится статья 37 Конституции РФ. Она посвящена вопросу труда и его роли в системе прав и свобод человека и гражданина. Основные положения, представляющие интерес в данной работе, находятся в пунктах 1 и 2 данной статьи.

Так, пункт 1 устанавливает, что труд в Российской Федерации свободен, и каждый гражданин вправе свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию, а также род занятий. Пункт второй содержит следующее положение: «Принудительный труд запрещен».

Данные положения внешне могут казаться схожими с указаниями советских конституций на уничтожение эксплуатации человека человеком. Однако, свобода и принуждение сегодня и в советский период понимаются принципиально по-разному.

Так, советские конституции исходили из того, что экономическое принуждение к труду, обусловленное наличием у одних лиц частной собственности, и её отсутствием у других также есть форма принуждения и, следовательно, труд немущих лиц — пролетариев, не может расцениваться как свободный. Сегодня же каждый гражданин сам волен распоряжаться своими способностями и имуществом. Это означает, что под принуждением понимается только насильственное воздействие, прямое подавление воли с целью привлечения к трудовой деятельности. Используя марксистский категориальный аппарат, можно сказать, что сегодняшняя конституция защищает только от внеэкономического принуждения к труду. Имущественное же неравенство Конституция РФ не рассматривает как форму принуждения.

Таким образом, конституционная основа частной собственности состоит в признании труда равноправным товаром на рынке, что означает право одних продавать или отказаться от продажи своего труда, и право других приобрести или отказаться от приобретения чужого труда.

Именно возможность присвоения результатов чужого труда превращает имущественную массу в частную собственность.

В рамках Конституции РФ право частной собственности понимается как составная часть прав и свобод человека и гражданина, заключающаяся в возможности свободно владеть, пользоваться и распоряжаться любым имуществом, в том числе землёй и недрами, любым не запрещённым законом способом.

Касательно места права частной собственности в системе прав и свобод человека и гражданина можно выделить следующее мнение: «Конституционное право на частную собственность, с одной стороны, является жизненной основой существования личности, а, с другой, — главным звеном свободной экономики в обществе. Право на частную собственность характеризует меру свободы человека, его положение по отношению к другим членам нашего общества и государству и, в то же время, представляет собой экономическую основу конституционного строя России». Такая же позиция, только со знаком минус, была присуща и основоположникам научного коммунизма: «В буржуазном обществе капитал обладает самостоятельностью и индивидуальностью, между тем как трудящийся индивидуум лишен самостоятельности и обезличен. И уничтожение этих отношений буржуазия называет упразднением личности и свободы!».

Представляется, что объём имущественной массы не может и не должен рассматриваться как мерило, по которому определяется место человека и гражданина в нашем обществе, иначе марксистский тезис о непризнании личностью неимущего человека будет справедливым.

Потому Конституция РФ не имеет никаких указаний на объём имущества как критерий правоспособности в какой-либо из областей общественных отношений, что прямо закреплено в пункте 2 статьи 19: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы огра-

ничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности».

Как видно, права частной собственности из всех прав человека оказывается основным мерилем уровня реализации прав конкретного человека, то есть чем эффективнее реализовано право частной собственности у конкретного человека, тем легче ему реализовать прочие свои права.

Потому следует признать, что право частной собственности является основой существования человека в обществе.

Литература:

1. Цицерон, М. Т. О государстве. О законах. / М. Т. Цицерон.— Текст: электронный //: [сайт].— URL: <https://www.twirpx.com/file/1500566/> (дата обращения: 18.11.2021).
2. Цицерон, М. Т. О старости, о дружбе, об обязанностях. Издание подготовили В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек и С. Л. Утченко / М. Т. Цицерон.— 2.— Москва: Наука, 1993.— 161 с.— Текст: непосредственный.
3. Локк, Джон Сочинения в трёх томах / Джон Локк.— 2.— Москва: Мысль, 1988.— 621/560/668 с.— Текст: непосредственный.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ)
5. Гошуляк, В. В. Юридическая природа и нормативное содержание института собственности в конституционном праве / В. В. Гошуляк.— Текст: непосредственный // Вестник СГЮА.— 2013.— № 4.— С. 25.
6. Громов К. Э. Конституционно-правовые основы института частной собственности в российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 8 // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-osnovy-instituta-chastnoy-sobstvennosti-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 10.05.2021).
7. Маркс. К. Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm> (дата обращения: 10.05.2021)

Формы взаимодействия следователя с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность

Ильясов Айрат Исмаилович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Многолетний опыт борьбы с преступностью в России свидетельствует о том, что раскрыть преступление, используя для этого исключительно средства процессуального характера, бывает достаточно сложно, а зачастую и вовсе невозможно. Данный факт обуславливает острую необходимость взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, поскольку последний обладает специфической оперативно-розыскной функцией, которой не обладает следователь.

Под формами взаимодействия указанных субъектов понимают такие способы, порядок и характер связи между названными субъектами, которые обеспечивают согласованность их действий и эффективное сочетание присущих каждому из них полномочий, средств и методов осуществления своей профессиональной деятельности.

Совместная деятельность рассматриваемых субъектов может осуществляться как на стадии возбуждения уголовного дела, так и в ходе производства предварительного следствия и осуществления профилактической деятельности. Формы взаимодействия

традиционно подразделяются на процессуальные и организационные. К процессуальным формам взаимодействия относят: исполнение письменных поручений следователя органом дознания о производстве оперативно-розыскных мероприятий, о производстве отдельных следственных действий, об исполнении процессуальных решений о задержании, приводе (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего), аресте и иных процессуальных действиях, а также производство отдельных следственных действий или процессуальных действий с участием сотрудников органа дознания, осуществление розыскных и оперативно-розыскных мероприятий для установления лица, совершившего преступление, с уведомлением следователя о результатах розыска, поручение следователя о розыске скрывшегося подозреваемого, обвиняемого (ст. 210 УПК РФ), использование результатов ОРД в процессе доказывания (ст. 89 УПК РФ).

К непроцессуальным формам взаимодействия, регулируемым ведомственными нормативными актами, относят: совместную деятельность в составе следственной или следственно-оперативной группы, совместное планирование, совместные

совещания, обмен получаемой информацией о совершаемых преступлениях, о криминогенной ситуации в регионе, административном участке и др.

На практике существуют определенные проблемы взаимодействия следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, практически при всех формах взаимодействия, однако, представляется логичным рассмотрение проблем взаимодействия указанных субъектов именно в рамках следственных и следственно-оперативных групп, в связи с тем, что многие ученые совершенно справедливо называют эту форму взаимодействия самой эффективной и предпочтительной [1, с. 31–38].

Ведомственные акты указывают, что в состав такой группы могут входить несколько следователей и несколько оперативных сотрудников, либо же один следователь и один или несколько оперативных сотрудников.

Многие ученые считают сомнительным обстоятельством включение в состав следственно-оперативных групп экспертов-криминалистов, специалистов в области судебной медицины, других специалистов, как это допускается ведомственными нормативными актами. Так, например, А. П. Кругликов считает, что «указанные специалисты могут привлекаться к участию в расследовании, производимом следственно-оперативной группой, однако считается, что в ее состав они входить не должны». Данная точка зрения видится весьма спорной. Усугубляется проблема также и тем, что на практике специалисты и эксперты достаточно редко входят в составы следственно-оперативных групп как самостоятельные субъекты, что считается крайне нелогичным.

Так, считается, что привлечение указанных лиц обуславливает целый ряд преимуществ, среди которых:

1. Упрощение подачи поручений следователем эксперту и специалисту при их участии в производстве следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;
2. Упрощение привлечения специалиста и эксперта к оказанию содействия следователю при производстве следственных действий;
3. Ускоренный и упрощенный порядок обмена информацией между указанными субъектами;

В связи со сказанным считается, что эксперты и специалисты при наличии к тому объективной возможности и необходимости должны во всех случаях включаться в состав следственно-оперативных групп.

Важным в практическом смысле является разрешение следующего вопроса: обязательные для исполнения письменные поручения сотрудникам органов дознания следователь при осуществлении взаимодействия в рамках следственных следственно-оперативных групп может давать через начальника органа дознания или же непосредственно? Исходя из анализа соответствующих нормативно-правовых актов, а также практики осуществления органом дознания возложенных на него

законом функций можно сказать о том, что при взаимодействии в рамках следственных групп, такие указания следователя не могут быть реализованы без ведома начальника органа дознания в силу принципа единоначалия.

Другая ситуация складывается при осуществлении взаимодействия следователя с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в рамках следственно-оперативных групп, поскольку в данном случае следователь правомочен давать такие указания непосредственно оперативным сотрудникам. Данное правомочие следователя рассматривается крайне положительно и многими учеными [2, с. 126].

И действительно, дача следователем указаний оперативным сотрудникам при взаимодействии в рамках СОГ непосредственно считается вполне обоснованным как с точки зрения уголовно-процессуального закона, так и с точки зрения обеспечения эффективности такого взаимодействия. Как пишет А. П. Кругликов: «включая своим приказом оперативных работников в состав группы, начальник органа дознания тем самым делегирует им часть своих полномочий — по получению и исполнению поручений следователя» [3, с. 77–84]. Кроме того, считается, что непосредственная дача следователем поручений оперативным сотрудникам в значительной мере ускоряет сроки выполнения таких поручений и положительно влияет на качество предварительного расследования.

Считается рациональным распространить указанный выше порядок также и на взаимодействие следователя с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в рамках следственных групп. Объективно, следователь является лицом, руководящим деятельностью следственной группы при осуществлении предварительного следствия, тесно взаимодействует с входящими в ее состав оперативными сотрудниками, при эффективном взаимодействии устанавливает с ними положительный психологический контакт. В связи с этим считается, что предоставление следователю полномочия на дачу соответствующих указаний непосредственно оперативным сотрудникам, входящим в состав следственной группы, также будет способствовать усилению эффективности и оперативности такого взаимодействия.

Таким образом, на основании изложенного необходимо сделать вывод о том, что включение в состав следственно-оперативных групп экспертов-криминалистов, специалистов в области судебной медицины, других специалистов, является вполне обоснованным, а в ряде случаев также необходимым. Считается, что указанные субъекты при наличии к тому объективной возможности и необходимости должны привлекаться к участию в следственно-оперативных группах в каждом случае. В связи с этим считается, что предоставление следователю полномочия на дачу соответствующих указаний непосредственно оперативным сотрудникам, входящим в состав следственной группы, также будет способствовать усилению эффективности и оперативности такого взаимодействия.

Литература:

1. Кузнецов А. В. Взаимодействие следователей и сотрудников оперативно-розыскных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений на первоначальном этапе // Теория и практика общественного развития. 2018. № 5. С. 31–38

2. Григорьев В. Н., Шишков А. А. Уголовно-процессуальная деятельность подразделений по борьбе с организованной преступностью. — М.: Норма, 2001. С. 126; Плеснева Л. П. Формы взаимодействия следователя с органами дознания // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4. С. 37–41
3. Кругликов А. П. Следственная и следственно-оперативная группы: проблемы взаимодействия следователей и органов дознания при их функционировании // Уголовное право. 2011. № 6. С. 77–84

Некоторые проблемы взаимодействия следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, при производстве по уголовным делам

Ильясов Айрат Исмаилович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Эффективность осуществления раскрытия, расследования и предупреждения преступных деяний существенным образом зависит от взаимодействия лица, осуществляющего предварительное следствие, с иными участниками, вовлеченными в уголовный процесс, и прежде всего с оперативными сотрудниками органа дознания. Абсолютно очевиден тот факт, что следователь или даже следственная группа не всегда в состоянии самостоятельно, без помощи органов дознания, осуществлять производство по уголовному делу. Эффективность взаимодействия следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в рамках производства по уголовному делу обусловлена тем, что оба рассматриваемые субъекта обладают определенными специфическими, присущими только им, знаниями, навыками, умениями и средствами раскрытия и расследования преступлений.

Стоит сказать о том, что именно следователю отведена ключевая роль во взаимодействии с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Следователь определяет формы, направления и пределы такого взаимодействия [1, с. 86–90].

Само взаимодействие следователя и органа дознания при возбуждении и расследовании уголовных дел совершенно рационально и верно определяется Т. А. Паутовой как «организованная, согласованная по целям, планируемая по месту и времени совместная деятельность следователей органов внутренних дел и органов дознания, основанная на законе и подзаконных актах, целесообразно сочетающая оперативно-розыскные и процессуальные функции органов дознания с процессуальными действиями следователя, при его руководящей и организующей роли и четком разграничении компетенции взаимодействующих субъектов» [2, с. 211].

Не только представители юридической науки, но и теоретики оперативно-розыскной деятельности на протяжении длительного времени утверждают о том, что одной из особо актуальных научных проблем на настоящее время является поиск оптимального, эффективного и рационального соотношения деятельности органов предварительного следствия и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Данная проблема актуальна и в настоящее время, поскольку в научной литературе отмечается, что наука все еще не выработала эффективного решения данного вопроса, которое од-

новременно и в равной степени удовлетворяло бы не только требования обоих субъектов взаимодействия, но и, что самое главное, отвечало бы требованиям борьбы с преступностью.

Так, З. М. Яндырханов считает, что взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность — это одно из наиболее слабых звеньев в общей системе расследования уголовных преступлений [3, с. 598–601]. В связи с указанной проблемой возникают ситуации, когда преступления могут остаться не раскрытыми.

Так, в частности, следует сказать о том, что одна из проблем взаимодействия следователя и органа дознания при производстве по уголовным делам заключается в том, что оперативные сотрудники несвоевременно и некачественно исполняют поручения следователей. Несмотря на то, что такие поручения следователя обязательны для исполнения оперативными сотрудниками, зачастую последние относятся к ним формально. Однако, иногда и сам следователь обуславливает формализм в исполнении своего поручения оперативными сотрудниками. Так, по мнению А. В. Ендольцевой, следователи сами часто формально подходят к данному вопросу формально, давая органу дознания поручения без наличия особой к тому необходимости исключительно с целью того, чтобы лица, осуществляющие процессуальный контроль за его деятельностью не высказывали нареканий относительно непринятых мер. Формальное отношение следователя к выдаваемым поручениям зачастую проявляется и в чрезмерно размытых и неконкретных формулировках (к примеру, «прошу продолжить проведение ОРМ»). В таком случае не удивительно, что формализм в направлении поручения может влечь за собой и формализм в его исполнении. Вряд ли такое взаимодействие можно назвать эффективным.

Кроме этого, стоит сказать и о том, что следователи часто в своих поручениях органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, не устанавливают конкретного срока его исполнения, ограничивая его наступлением определенного результата (например, установления лица, совершившего преступление). Как правило, оперативные сотрудники до момента исполнения такого поручения (как в данном случае, например, до момента установления лица, совершившего преступление), не уведомляют следователя о ходе выполнения его поручения. Данное обстоятельство также считается не совсем верным. Наиболее предпочтительным и эффективным видится предо-

ставление оперативными сотрудниками, выполняющими такое поручение, промежуточного ответа о ходе и результатах порученной ими деятельности. В качестве такого «промежуточного» отчетного срока можно, к примеру, установить привычный практике десятидневный срок.

Определенные проблемы возникают и при осуществлении взаимодействия следователей органов внутренних дел и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Так, в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, взаимодействие между указанными субъектами может осуществляться не только на стадии возбуждения уголовного дела, но и на стадии предварительного следствия. Именно на указанной стадии реализуется весь доступный спектр приемов, методов, средств и сил взаимодействия. Однако на практике следователи осуществляют такое взаимодействие посредством простого направления письменного поручения о производстве следственных или процессуальных действий. Проблема состоит в том, что следователь, выносящий указанное поручение, состоит в служебной зависимости от начальника органа внутренних дел, который, руководствуясь своими служебными интересами, определенным образом вмешивается в деятельность следователя, затрагивая в какой-то мере его гарантированную законом процессуальную самостоятельность.

Как уже было отмечено ранее, поручения следователя часто выполняются крайне формально и некачественно. В рассматриваемой же ситуации, рычаги воздействия на оперативных сотрудников, которые в своей служебной деятельности подчиняются начальнику органа дознания, у следователя отсутствуют. Логично, что подобные ситуации на ходе расследования сказываются крайне негативно.

Наиболее тесным образом лицо, осуществляющее предварительное следствие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, взаимодействуют в рамках расследования наиболее сложных, многоэпизодных дел, в том числе и дел об организованных преступных группах и проч. Большой объем работы и ее качественная усложненность, естественно, требуют более высокого уровня взаимодействия след-

ствия и оперативных служб. Обычно при расследовании таких преступлений на итоговые результаты расследования большее влияние оказывают именно оперативные подразделения, а не следователь. С целью эффективного расследования тяжких и особо тяжких преступлений, преступлений прошлых лет, преступлений, по которым не установлены лица, которые их совершили по серийным преступлениям, формируются специализированные следственно-оперативные группы. Безусловно и бесспорно, взаимодействие в рамках такой специализированной СОГ видится наиболее эффективной и результативной формой взаимодействия следователя и оперативных сотрудников. Это обусловлено тем, что, во-первых, следователь уже не несет единоличную ответственность за результаты расследования, а во-вторых, сводится к возможному минимуму формализм в действиях оперативных сотрудников.

Также необходимо сказать о том, что одной из проблем взаимодействия следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, является игнорирование факта психологической несовместимости его субъектов. Считается, что игнорирование такой совместимости зачастую приводит к возникновению конфликтных ситуаций, что непосредственным образом негативно сказывается на процессе как самого взаимодействия, так и предварительного расследования уголовного дела.

Подводя итог вышесказанному можно отметить тот факт, что одной из основных проблем взаимодействия следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, является формальное отношение к исполнению последним поручений следователя. Причем следователь зачастую сам формирует предпосылки к этому направляя такие поручения без наличия на то необходимости или не указания конкретных действий, которые оперативным сотрудникам необходимо реализовать. Также считается, что повысить эффективность такого взаимодействия можно посредством предоставления оперативными сотрудниками, выполняющими поручения следователя, промежуточной информации о ходе и результатах его исполнения следователю.

Литература:

1. Зеликов А. В. Об актуализации взаимодействия органов предварительного расследования с органами дознания в российском судопроизводстве // Закон и право. — 2009. — № 10. — С. 86–90;
2. Паутова Т. А. Взаимодействие следователей органов внутренних дел с органами дознания при возбуждения и расследовании уголовных дел: автореф. дис... канд. юрид. наук. — Тюмень, 2005. — 211 с.;
3. Яндырханов З. М. Проблемы взаимодействия следователя и оперативных подразделений // Молодой ученый. — 2013. — № 6 (53). — С. 598–601.

Правовой статус саморегулируемых организаций в РФ

Казеева Вера Сергеевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье раскрываются особенности правового статуса саморегулируемых организаций в Российской Федерации через осуществляемые ими функции, подчеркивается особая правовая природа саморегулируемых организаций.

Ключевые слова: саморегулируемая организация, правовой статус саморегулируемой организации, функции саморегулируемой организации

Саморегулирование — самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил такой деятельности, а также контроль за соблюдением требований разрабатываемых правил и стандартов.

Правовое регулирование саморегулируемых организаций осуществляется Федеральным законом «О саморегулируемых организациях» от 01.12.2007 N315-ФЗ.

Особенности саморегулируемых организаций в определенной сфере предпринимательской или профессиональной деятельности содержатся в отдельных законах. Так, в Градостроительном кодексе РФ определяются особенности саморегулирования в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства. Федеральный закон от 26.10.2002 N127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает статус саморегулируемых организаций арбитражных управляющих. Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 N135-ФЗ предусматривает регулирование оценочной деятельности, в том числе, и саморегулируемыми организациями. В ряде других федеральных законов также предусматриваются особенности саморегулирования отдельных видов деятельности.

Сущностью саморегулирования, как указывают некоторые авторы, является передача государством отдельных функций по государственному регулированию предпринимательской или профессиональной деятельности саморегулируемым организациям [1].

Согласно Федеральному закону «О саморегулируемых организациях» саморегулируемая организация представляет собой некоммерческую организацию, созданную в целях, предусмотренных федеральными законами, основанную на членстве, объединяющую субъектов предпринимательской деятельности исходя из единства отрасли производства товаров (работ, услуг) или рынка произведенных товаров (работ, услуг) либо объединяющую субъектов профессиональной деятельности определенного вида.

Вследствие большого количества саморегулируемых организаций возникает вопрос об их правовой природе: рассматривать ли саморегулируемую организацию в качестве отдельной правовой формы юридического лица. В литературе на этот счет есть разные мнения.

Ряд авторов отмечает, что в ФЗ «О саморегулируемых организациях» замечается некая двойственность гражданско-правового статуса саморегулируемой организации. С одной стороны, саморегулируемая организация является некоммерческой организацией. С другой стороны, такие организации наделены рядом публичных функций, в связи с чем они имеют субъектов, имеющих публично-правовой статус. Так, саморегулируемые организации принимают стандарты и правила

в той сфере, в которой они созданы, и такие стандарты и правила являются обязательными для субъектов конкретного вида предпринимательской или профессиональной деятельности. Саморегулируемые организации осуществляют контроль за соблюдением правил и стандартов. В таком случае саморегулируемые организации рассматриваются как публично-частные организации, которые обеспечивают баланс частных и публичных интересов [2].

И. В. Ершова подчеркивает, что саморегулируемые организации нельзя рассматривать в качестве отдельной организационно-правовой формы юридического лица [3]. Автор отмечает, что саморегулируемые организации имеют особый публично-правовой статус, который саморегулируемая организация получает при соответствии требованиям, установленным в законе, и с момента внесения сведений о такой организации в соответствующий реестр.

Саморегулируемая организация имеет ряд признаков юридических лиц публичного права, о которых в своих работах упоминают авторы, в частности, Е. А. Суханов. Так, саморегулируемая организация выполняет публично-правовые и общественно-правовые функции, владеет имуществом, которое имеет целевое предназначение.

Особый правовой статус саморегулируемых организаций раскрывается через функции, которые они выполняют. Обобщая нормы закона, авторы выделяют регулиющую, контрольную и обеспечительную функцию саморегулируемых организаций.

Саморегулируемые организации наделены функцией обеспечения дополнительной имущественной ответственности своих членов. Для этого саморегулируемая организация формирует компенсационный фонд. Однако, как отмечает А. Э. Захарова, имущественная ответственность саморегулируемой организации и ее членов зачастую носит декларативный характер. Так, если рассматривать деятельность оценщиков, при определении в качестве повышения ответственности оценщиков принципа имущественной ответственности не учтено, что оценочная деятельность осуществляется преимущественно юридическими лицами, и поэтому юридическое лицо не имеет никаких гражданско-правовых отношений с саморегулируемой организацией, в которых состоят его работники, а вследствие этого вопрос об обеспечении компенсации убытков средствами компенсационного фонда саморегулируемой организации не может быть решен [4].

Саморегулируемые организации выполняют функцию контроля за осуществлением ее членами деятельности. Для этого саморегулируемые организации вправе проводить плановые и внеплановые проверки. Надзор за деятельностью самих саморегулируемых организаций осуществляется уполномоченным органом РФ (например, Росреестр осуществляет надзор за деятельностью оценщиков). Как указывает А. Э. Захарова, при выявлении нарушений закона оценщиком уполномоченный орган не может привлечь оценщика к административной от-

ветственности, так как КоАП не содержит оснований привлечения оценщика к такой ответственности, однако, в данном случае саморегулируемая организация, в которой обязан состоять оценщик, может привлечь его к дисциплинарной ответственности.

Литература:

1. Предпринимательское право / отв. ред. Е. П. Губин, А. Г. Лахно: учебник для вузов. — М: Юристъ, 2017. — 999.
2. Алгазина А. Ф. Понятие саморегулирования в административном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2014. — № 5. — С. 25–29.
3. Предпринимательское право / отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова: учебник для бакалавров. — М: Проспект, 2016. — 624 с.
4. Захарова, А. Э. Особенности ответственности членов саморегулируемых организаций оценщиков в Российской Федерации / А. Э. Захарова // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. — 2019. — № 42. — С. 108–112.

Таким образом, саморегулируемые организации — это некоммерческая организация, имеющая особый публично-правовой статус. Саморегулируемые организации выполняют публично-правовые и частноправовые функции, что обуславливает специфику их правовой природы.

Обеспечительные меры в делах о защите интеллектуальных прав

Киселев Вадим Владимирович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Ключевые слова: гражданское право, гражданское процессуальное право, интеллектуальное право, обеспечительные меры, обеспечение иска, наложение ареста

В отношении дел о защите интеллектуальных прав особое значение имеет обеспечение будущего иска до его рассмотрения судебным органом [1]. Данный институт как гарантия защиты прав может применяться после принятия судом гражданского дела к своему производству.

В 2013 году в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации была введена мера о предварительных обеспечительных мерах защиты исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет [2]. В действующей редакции ГПК РФ данная статья именуется как «Предварительные обеспечительные меры защиты авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет».

Обеспечительные меры по заявленному иску принимаются на основании заявления лиц, участвующих в деле. Причем ГПК РФ прямо говорит о том, что принятие таких мер — это право, а не обязанность суда.

Для того чтобы возникла возможность применения обеспечительных мер, должна существовать угроза того, что при непринятии таких мер будет существенно затруднено или в целом невозможно исполнение последующего решения суда по рассматриваемому спору. Поэтому суд должен решать вопросы обеспечения иска очень оперативно — заявление о применении обеспечительных мер подлежит рассмотрению в тот же день или не позднее следующего дня после его поступления без вызова лиц, участвующих в деле. Волокита в этом вопросе может сделать бесполезным и бессмысленным весь процесс по делу.

Стоит сказать о том, что в соответствии со ст. ст. 139–146 ГПК РФ суды имеют право на принятие срочных временных мер, направленных на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя [3].

Так, ч. 2 ст. 1252 ГК РФ говорит о том, что применяемые обеспечительные меры должны быть соразмерны объему и характеру нарушений. Абсолютно логична точка зрения В. А. Дозорцева, который пишет о том, что «примитивных, грубых способов защиты права, существующих в сфере материальных объектов в сфере интеллектуальных прав нет» [4]. Это объяснимо тем, что оказать физическое воздействие на объекты интеллектуальных прав представляется невозможным, поскольку права не являются объектами материальными.

Подобного рода специфика интеллектуальных прав направила законодателя упомянуть соответствующие обеспечительные меры в нормах материального законодательства — в ст. 1252 ГК РФ, в котором помимо возможности применения обеспечительных мер подчеркнуто, что применяться они могут к материальным носителям, оборудованию и материалам, в отношении которых выдвинуто предположение о нарушении исключительных имущественных прав, в том числе на такие объекты законодатель позволяет наложить арест. Кроме того, законодатель также счел необходимым конкретизировать, какие именно обеспечительные меры могут быть применены. Так, когда речь идет о защите авторских прав суд вправе:

1. Запретить осуществлять предполагаемому нарушителю совершение конкретных действий (например, изготовление, воспроизведение, прокат и проч.), которые направлены на вве-

дение в гражданский оборот предполагаемых контрафактных материалов;

2. Наложить арест на все существующие экземпляры произведения, если есть основания полагать, что они являются контрафактными;

3. Наложить арест на оборудование и материалы, с помощью которых предполагаемый нарушитель изготавливает или воспроизводит такие экземпляры;

Также в соответствии с нормами гражданского законодательства возможно ограничение доступа к информации, нарушающей исключительные имущественные права.

Наличие в ГК РФ прямых указаний на возможность применения конкретных обеспечительных мер, безусловно, способствует более эффективной защите авторских и смежных прав.

При этом, несмотря на то что в отношении патентных прав, прав на селекционные достижения, прав на средства индивидуализации и т.д. ГК РФ не предусматривает схожих положений, это никак не ограничивает суд при решении вопроса о применении по таким делам обеспечительных мер. При определении допустимости применения той или иной обеспечительной меры суд должен:

1. Учитывать тот факт, что перечень обеспечительных мер, закрепленный в гражданском процессуальном законодательстве, носит открытый характер;

2. Учитывать норму п. 2 ст. 1252 ГК РФ, устанавливающую допустимость применения обеспечительных мер в отношении материальных носителей объектов интеллектуальной собственности, а также оборудования и материалов, с помощью которых изготавливались эти материальные носители;

3. Учитывать иные положения части четвертой ГК РФ, которая содержит нормы, допускающие применение определенных обеспечительных мер по делам о защите интеллектуальных прав.

В теории гражданского процесса существует мнение, что обеспечение иска может иметь место только по искам о присуждении. Однако на примере дел о признании интеллектуальных прав можно увидеть, что эта точка зрения нуждается в корректировке: «...меры по обеспечению иска могут оказаться необходимыми и по некоторым искам о признании (например, по искам, вытекающим из авторского права). По этим делам возможно принятие такой меры обеспечения иска, как запрет опубликования литературного произведения до того, как будет решен вопрос о праве авторства на спорное литературное про-

изведение». Думается, что трудно построить какую-либо классификацию, которая отвечала бы прямо на вопрос о том, применимо к данному виду обеспечение иска или нет. Поэтому, считается, что в зависимости от характера материально-правового требования истца к ответчику одни иски о признании допускают обеспечение, другие — не допускают.

Таким образом, на основании изложенного можно систематизировать основные правила применения судом обеспечительных мер по искам, подаваемым в защиту интеллектуальных прав:

1. Принятие таких мер возможно в том случае, если без этого возникнет угроза затруднения или невозможности исполнения последующего решения суда по рассматриваемому спору;

2. Принять такие меры суд может только на основании заявления лица, участвующего в деле;

3. Принятие обеспечительных мер по иску — право, а не обязанность суда;

4. При принятии обеспечительных мер суд должен вынести соответствующее определение об обеспечении иска;

5. Срок рассмотрения заявления об обеспечении иска: в день его поступления без извещения лиц, участвующих в деле;

6. Определение об обеспечении иска приводится в исполнение немедленно.

Анализ норм действующего законодательства позволяет сделать вывод, что в качестве мер обеспечения иска возможно применение, в частности, следующих мер:

1. Оказывающих влияние на действия, которые должен или не должен совершить нарушитель интеллектуальных прав: наложение запрета на совершение действий, нарушающих право или означающих приготвление к такому нарушению;

2. Воздействующих на материальный носитель объекта интеллектуальных прав: наложение ареста и изъятие контрафактных товаров или товаров с незаконной маркировкой чужим товарным знаком и знаком обслуживания (обозначением места происхождения товара);

3. Оказывающих воздействие на средства воспроизводства материальных носителей: наложение ареста и изъятие оборудования и материалов, с помощью которых осуществляется контрафакция;

4. Наложение ареста на денежные средства в тех случаях, когда иск предъявляется, например, о взыскании компенсации за нарушение интеллектуальных прав.

Литература:

1. Рожкова М. А. Предварительные обеспечительные меры как временные меры, направленные на предотвращение нарушений интеллектуальных прав // Судья. 2014. № 3 (39). С. 20–25;
2. Федеральный закон от 02 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // Собрание законодательства РФ. — 2013. № 27. — Ст. 3479;
3. Новоселова Л. А. Право интеллектуальной собственности: учебник. — М.: Статут, 2017. С. 275;
4. Дозорцев В. А. Права на результаты интеллектуальной деятельности. Патентное право. Другие исключительные права: сборник нормативных актов. — М.: Де-Юре, 1994. С. 20.

Особенности доказывания и проведения экспертизы в спорах по защите интеллектуальных прав

Киселев Вадим Владимирович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Ключевые слова: интеллектуальное право, гражданское право, гражданское процессуальное право, доказывание, экспертиза

При рассмотрении любого спора процесс доказывания представляет собой один из важнейших этапов в силу того, что именно от этого процесса зависит результат рассмотрения спора по существу. От того, насколько стороны эффективно докажут факты, на которые они ссылаются, зависит в чью в итоге пользу суд вынесет свое итоговое решение.

Под доказыванием в гражданском процессуальном праве понимают процесс, направленный на собирание, закрепление, проверку и оценку доказательств. Под доказательствами же понимаются полученные в установленном законном порядке сведения о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подтверждающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Такие сведения в соответствии с нормами действующего законодательства могут быть получены из объяснений сторон, третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов [1].

Рассматривая вопрос доказывания по спорам о защите интеллектуальных прав, стоит сказать о том, что перечень допустимых доказательств, на основании которых можно установить факт нарушения интеллектуальных прав в законе нигде не установлен. Именно поэтому суд, при рассмотрении данной категории дел, вправе принимать любые доказательства, возможность предоставления которых предусмотрена процессуальным законодательством. В том числе могут быть предоставлены и доказательства, которые были получены с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Учитывая тот факт, что в настоящее время в мире повсеместно развиваются информационные технологии, которые затрагивают практически каждую сферу жизнедеятельности человека, большое количество нарушений интеллектуальных прав осуществляется именно посредством сети «Интернет». Таким образом, считается абсолютно верной практика, в соответствии с которой суд признает допустимыми доказательствами скриншоты материалов, размещенных в сети «Интернет» в том случае, если автором указывается точный адрес интернет-страницы, а также время получения такого доказательства.

Так, Ленинский районный суд города Севастополь рассматривал в открытом судебном заседании исковое заявление Склярченко А. А., обратившегося с ГУП «Севэлектроавтотранс им. А. С. Круподерова» с требованиями о взыскании денежной компенсации за нарушение авторских исключительных прав на фотографию. ГУП разместил фотографию, принадлежащую истцу, на своем официальном сайте без указания автора. В обо-

снование своих требований истцом были в числе прочих доказательства представлены оригинал сделанной им фотографии, а также скриншот указанного сайта. Данные доказательства были приняты судом и оценены наравне с другими, имеющимися в деле доказательствами [2].

Однако предоставление такого вида доказательств зачастую на практике вызывает определенные трудности. Не удостоверенные скриншоты материалов, размещенных в сети «Интернет» зачастую могут оказаться сфальсифицированными недобросовестным истцом. Велика также вероятность того, что ответчик, узнав о поданном исковом заявлении, удалит соответствующие материалы, что в дальнейшем серьезно усложнит возможность доказывания истцом обоснованности своих требований.

Одним из способов обеспечения таких доказательств выступает заверение нотариусом интернет-страниц [3]. При обращении лица к нотариусу с такой просьбой, нотариус находит интернет-страницу по указанным реквизитам, распечатывает ее содержимое в неизменном виде, сверяет все данные и составляет протокол нотариального действия — обеспечения доказательств путем доступа к интернет-странице и ее осмотра [4].

Однако считается, что удостоверение таких доказательств нотариусом тоже не всегда является беспроблемным. Так, в соответствии со ст. 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, нотариус должен известить стороны и заинтересованных лиц о времени и месте обеспечения доказательств. Не соблюсти данный порядок нотариус может лишь в случаях, не терпящих отлагательства, а также в том случае, если на момент обеспечения таких доказательств еще неизвестно, кто в дальнейшем будет участвовать в деле. Подобная ситуация считается в корне не верной, когда речь идет об удостоверении содержания интернет-страниц или сайтов ввиду того, что при уведомлении о таких действиях другой стороны, все соответствующие материалы могут быть удалены еще до того момента, как начнется процедура обеспечения таких доказательств. Объективно, это помешает истцу привлечь к ответственности лиц, нарушивших или создавших угрозу нарушения его интеллектуальных прав.

Факт неправомерного распространения контрафактных материальных носителей в рамках договора розничной купли-продажи может быть установлен не только путем представления кассового или товарного чека или иного документа, подтверждающего оплату товара, а также заслушивания свидетельских показаний, но и на основании иных доказательств, например аудио- или видеозаписи.

Для признания аудио- или видеозаписи допустимым доказательством согласия на проведение аудиозаписи или видео-

съемки того лица, в отношении которого они производятся, не требуется [5].

Кроме всего вышесказанного, в первую очередь лицу, чье интеллектуальное право было нарушено или создана угроза его нарушения, должно доказать наличие у него такого права. Доказательствами в данном случае будут являться любые обстоятельства, которые будут подтверждать наличие у истца таких прав.

В спорах о защите интеллектуальных прав основная роль отведена письменным и вещественным доказательствам, несмотря на устность судебного процесса. Очень часто используются такие письменные доказательства как объяснения участников процесса, которые могут иметь форму пояснений, отзывов и т.д. Письменными доказательствами могут явиться лицензионные договоры, договоры об отчуждении прав, платежные поручения и проч. Вещественными доказательствами могут выступать оригиналы рукописей, закупаемый контрафактный товар, записи фонограмм и т.д.

По общему правилу подлежат доказыванию следующие обстоятельства. Истцом: факт охраноспособности объекта интеллектуальной собственности, факт принадлежности ему исключительных прав, факт нарушения права ответчиком. Ответчику же необходимо доказать использование объекта интеллектуальной собственности в соответствии с законом, либо использование другого объекта, не сходного до степени смешения с объектом истца.

Важным видом доказательства в силу специфики споров о защите интеллектуальных прав и их технической сложности являются показания специалистов и заключения экспертов. Сложный характер интеллектуальных споров обуславливает тот факт, что экспертиза используется при рассмотрении дел довольно часто ввиду того, что знаний суда в некоторых случаях бывает недостаточно для оценки обстоятельств дела наиболее полным образом. В некоторых случаях заключение эксперта становится важнейшим средством доказывания по делу. Несмотря на то, что институт судебных экспертиз достаточно важен при рассмотрении интеллектуальных споров, единые методологии проведения таких экспертиз на настоящее время отсутствуют. Данный институт основывается на соответствующих положениях процессуального законодательства, а также на методических рекомендациях Роспатента. Отсутствие единых подходов к назначению и проведению экспертиз становится причиной массы вопросов, к примеру, у сторон возникают проблемы с выбором эксперта, определением круга вопросов, на которые должен ответить эксперт, а также с оценкой результатов экспертного исследования.

Анализируя Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237, можно сделать вывод о том, что при рассмотрении данных споров применимы следующие виды экспертиз: почерковедческая, автороведческая, техническая, фототехническая, психологическая, лингвистическая [6]. Однако это не исчерпывающий перечень возможных экспертиз, поскольку большая часть фактически проводимых экспертиз не имеет законодательно установленного названия, например, патентно-технические экспертизы.

Экспертизы могут назначаться для решения вопросов, например, об оригинальности произведения, о наличии заим-

ствования частей произведения, о сходстве подаваемых на регистрацию товарных знаков, о применимости и полезности патентуемого изобретения и т.д. [7]. Для ответа на поставленные вопросы необходимы соответствующие эксперты в областях искусства, литературы, техники и науки.

Основная цель экспертизы заключается в установлении точных сведений о запрашиваемых фактах. Общие вопросы назначения экспертизы содержатся в ст. 79 ГПК РФ. Чаще всего экспертиза назначается по ходатайству участвующих в деле лиц, либо по собственной инициативе суда, что на практике происходит довольно редко, потому что предусмотренных законом обязательных случаев назначения экспертизы в делах о защите интеллектуальных прав на данный момент нет. После заявления ходатайства суд спрашивает у других лиц о наличии возражений против такого ходатайства. Обычно противоположная сторона возражает против удовлетворения ходатайства, особенно когда ходатайствующая сторона также просит о проведении экспертизы в конкретном экспертном учреждении.

Как можно было заметить, вся часть 4 ГК РФ изобилует сложными техническими терминами, например, изобретательский уровень, уровень техники и т.д. Для обычного читателя данные понятия сложны для понимания, однако описание сложных технических вещей невозможно без использования особой терминологии. К тому же, эта терминология является правовой, но отражает техническую сторону вопроса. Именно поэтому при выборе эксперта необходимо ориентироваться и на его знания в праве. Поймет ли эксперт, что продукт, а что есть способ технического решения?

Таким образом, зачастую в роли экспертов выступают патентные поверенные, однако этого статуса недостаточно для возможности быть экспертом. Компетентность эксперта должна подтверждаться специальными документами, ибо любую слабую сторону выбранного эксперта противная сторона может использовать для дискредитации показаний.

При этом не разрешается привлекать специалистов и экспертов, связанными с правообладателями трудовыми или иными договорными отношениями во избежание конфликта интересов. Такие лица в случае необходимости могут быть привлечены только в качестве свидетелей по делу [8].

Достаточно часто при рассмотрении споров о защите интеллектуальных прав приходится прибегать к помощи комплексных экспертиз. К примеру, для оценки сходства товарных знаков возможно привлечение эксперта-искусствоведа, лингвиста и психолога. Первый проведет оценку графической составляющей, определит, какой цвет является доминирующим или насколько сильно оттенки одного цвета выглядят идентичными в глазах потребителей. Второй эксперт проведет анализ смысловой нагрузки (семантическое толкование), а психолог оценит то, какое впечатление в общем производят исследуемые товарные знаки и сходны ли они до степени смешения.

Важным является и определение круга вопросов, на которые должен ответить эксперт в своем экспертном заключении. Финальный список вопросов определяется судом. При этом эксперт не может отвечать на вопросы права. Однако место, где проходит граница между вопросами права и вопросами факта пока нечеткая. Она создается судебной практикой.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2002. № 46. — Ст. 4532;
2. Решение Ленинского районного суда (город Севастополь) № 2-1833/2020-1833/2020-М-1599/2020 М 159/2020 от 23.07.2020 г. по делу № 2-1833/2020 // Архив Ленинского районного суда г. Севастополь;
3. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ред. от 30.04.2021) // Российская газета. — 1993. № 49;
4. Шалькова О. А. Обеспечение нотариусом доказательств, размещенных в сети Интернет // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 1(12). С. 45–51;
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2019. № 96;
6. Приказ Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 (ред. от 13.09.2018) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // Российская газета. — 2013. № 24;
7. Пфейфер Е. Г. Некоторые организационные аспекты назначения судебных экспертиз по делам, связанным с защитой интеллектуальных прав // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 2. С. 15–20;
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2006 г. № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» // Российская газета. — 2006. № 137.

Подсудность дел, связанных с защитой интеллектуальных прав

Киселев Вадим Владимирович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Ключевые слова: интеллектуальное право, гражданское право, гражданское процессуальное право, интеллектуальные права, подсудность

Интеллектуальное право — признаваемое законом субъективное право на владение продуктами интеллектуальной деятельности и способами индивидуализации. Согласно ст. 1226 ГК РФ интеллектуальные права подразделяются на: имущественные интеллектуальные права, личные неимущественные права, иные права.

В соответствии с положениями ст. 1248 ГК РФ, споры по защите нарушенных или оспоренных интеллектуальных прав, рассматривает суд. Однако в соответствии с положениями Гражданского кодекса РФ защита интеллектуальных прав может осуществляться не только в судебном, но и в административном порядке. Так, согласно ч. 2 ст. 1248 ГК РФ, в некоторых случаях, указанных в данной норме, защита интеллектуальных прав осуществляется федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности, федеральным органом исполнительной власти по селекционным достижениям. В случаях, предусмотренных ст. 1401–1405 ГК РФ, такая защита осуществляется федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством Российской Федерации.

Порядок рассмотрения и разрешения споров в порядке, указанном в п. 2 ст. 1248 ГК РФ, федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности, а также

федеральным органом исполнительной власти по селекционным достижениям устанавливаются соответственно федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим нормативно-правовое регулирование в сфере сельского хозяйства. Правила рассмотрения и разрешения указанной в этой норме категории споров, связанных с секретными изобретениями, устанавливаются уполномоченным органом [1].

Следует отметить, что несмотря на то, что защита отдельных категорий интеллектуальных прав по общему правилу осуществляется в административном порядке, заявитель всё равно имеет право обратиться в суд. Положения ГК РФ позволяют обжаловать решения органов, компетентных рассматривать споры по защите интеллектуальных прав в административном порядке, в органы судебной системы.

Судебный порядок защиты может быть осуществлен в суде общей юрисдикции, в арбитражном суде, в Суде по интеллектуальным правам, в третейском суде в соответствии с их компетенцией.

Споры, состоящие в определении истинного автора результата интеллектуальной деятельности, относятся к компетенции судов общей юрисдикции, как не связанные с осуществлением предпринимательской либо иной экономической деятельности.

Относительно споров, связанных с нарушениями интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, об установлении патентообладателя, о праве преждепользования и послепользования, споров, касающихся договоров отчуждения исключительного права и лицензионных договоров, подсудность определяется в соответствии с субъектным составом таких споров, когда они связаны с осуществлением предпринимательской, либо иной экономической деятельности.

В соответствии с положениями ст. ст. 24, 28 Гражданского процессуального кодекса РФ, исковые заявления по общему правилу направляются в районные суды, расположенные по месту жительства ответчика — физического лица, либо по месту нахождения ответчика — юридического лица. В соответствии с положениями ст. 35 АПК, иск предъявляется в арбитражный суд того субъекта РФ, на территории которого находится либо проживает ответчик.

В том случае, если исковое заявление связано с авторским договором либо с договором о передаче смежных прав, и такой договор содержит в себе информацию о месте его исполнения, то оно может быть подано в суд по определенному в договоре месту исполнения.

В соответствии со ст. 26 ГПК РФ, Московский городской суд в качестве суда первой инстанции компетентен рассматривать те гражданские дела, которые связаны с защитой авторских и (или) смежных прав, за исключением прав на фотографические произведения и произведения полученные аналогичными способами и средствами, в информационно-телекоммуникационных сетях, а также в сети Интернет и по которым им принимались ранее предварительные обеспечительные меры [2].

На рассмотрение споров, связанных с защитой интеллектуальных прав компетентен также и высший судебный орган страны — Верховный суд Российской Федерации. В качестве суда первой инстанции ВС РФ рассматривает административные дела, касающиеся оспаривания нормативных и ненормативных актов Президента РФ, Правительства РФ, Государственной думы РФ, Федерального собрания РФ, федеральных органов исполнительной власти РФ, иных федеральных государственных органов, затрагивающих авторские либо смежные права [3].

Рассматривать споры по интеллектуальным правам компетентны также и Арбитражные суды. Они рассматривают дела о защите интеллектуальных прав с участием организаций, ко-

торые осуществляют коллективное управление авторскими и смежными правами. Более того, указанные споры не могут рассматриваться в третейский судах [4].

Рассматривать споры, связанные с защитой интеллектуальных прав, компетентен и Суд по интеллектуальным правам, являющийся специализированным арбитражным судом. Данный судебный орган начал свою работу с 3 июля 2013 года.

В качестве суда первой инстанции Суд по интеллектуальным правам рассматривает отдельные дела об оспаривании нормативных правовых актов в сфере правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации а также дела по спорам о предоставлении или прекращении правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (за исключением объектов авторских и смежных прав, топологий интегральных микросхем) [5]. В качестве суда кассационной инстанции Суд по интеллектуальным правам рассматривает дела, которые уже были рассмотрены им как судом первой инстанции, а также дела о защите интеллектуальных прав, рассмотренные ранее арбитражными судами субъектов Российской Федерации по первой инстанции, арбитражными апелляционными судами [6].

Что касается территориальной подсудности споров, связанных с защитой интеллектуальных прав, то ее правила определены ст.ст. 24,28 Гражданского процессуального кодекса РФ. В соответствии с указанными нормами, исковое заявление должно быть предъявлено по месту жительства ответчика, если ответчик является физическим лицом, либо по месту нахождения ответчика, если ответчиком выступает юридическое лицо. Если спор будет рассматриваться в арбитражном суде, то иск должен быть предъявлен в арбитражный суд того субъекта РФ, на территории которого проживает или находится ответчик.

Подводя итог, защита интеллектуальных прав может осуществляться как в судебном, так и во внесудебном порядке. При защите интеллектуальных прав в судебном порядке, такие споры могут рассматриваться судами общей юрисдикции, арбитражными судами, а также Судом по интеллектуальным правам и Верховным судом Российской Федерации.

Исковые заявления по общему правилу подаются в судебную инстанцию по месту нахождения ответчика — юридического лица, либо по месту жительства ответчика — физического лица.

Литература:

1. Нахова Е. А., Волков Д. В. Подведомственность и подсудность дел, касающихся защиты нарушенных или оспоренных интеллектуальных прав, и дел, связанных с авторскими и смежными правоотношениями // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1(55). С. 14–30;
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ.— 2002. № 46.— Ст. 4532;
3. Федеральный конституционный закон от 05 февраля 2014 № 3-ФКЗ «О Верховном суде Российской Федерации» (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ.— 2014. № 6.— Ст. 550;
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ.— 2002. № 30.— Ст. 3012;

5. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного суда РФ) // Официальный сайт Верховного суда РФ <https://www.vsrfr.ru/documents/thematics/15153/>;
6. Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. — 1995. № 18. — Ст. 1589.

Правовые аспекты клонирования человека

Киселева Алиса Константиновна, студент

Научный руководитель: Плюснин Андрей Мелетиевич, кандидат юридических наук, доцент
Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В статье представлены правовые аспекты клонирования человека, которое заключается в процессе создания генетически идентичных копий уже существующих индивидуумов в лаборатории. Проанализировано действующее российское законодательство в этой сфере, а также проанализирована международно-правовая база.

Ключевые слова: клонирование, право, аспекты, проблемы, процесс, генетика, создание, копия, человек, законодательство, запрет, защита человеческой жизни, уважение, ценности, личность.

На данный момент существует множество дискуссий по поводу клонирования человека, которое заключается в процессе создания генетически идентичных копий ранее существовавших особей в лаборатории [1]. Клонирование — это процесс или технология производства клонов. Клоном принято называть организм, генетически идентичный или почти идентичный другому [2]. Как известно, при зачатии и отец, и мать передают своему ребенку только половину своих генов (то есть по одному набору каждого). В таком случае, какой из дублированных генов отца и матери передается потомству, определяется конкретным случаем. Потомство отличается от родителей, так как версии генов, доступные родителям, немного отличаются друг от друга. Но с точки зрения биологии и эволюции это хорошо, потому что генетическое разнообразие увеличивается. Чем разнообразнее популяция, тем больше вероятность того, что при изменении условий окружающей среды носители определенных комбинаций генов выживут и оставят потомство. Организация ООН в 2005 году призвала страны-участницы принять акты, которые бы запрещали существующие и не созданные формы клонирования. Обоснованием послужила следующая формулировка: «защита человеческой жизни» и «противоречие достоинству человека». Проще говоря, ограничение на клонирование людей ООН рекомендовала в той степени, в которой оно несовместимо с понятиями о человеческом достоинстве и если противоречит сохранению жизни человека [3].

В Российской Федерации, как и в других странах, действует запрет на клонирование человека. Поводом к запретительной политике в мире в отношении обозначенной биотехнологии стало опасение, что клонирование может повлечь за собой непредвиденные последствия. Так, был принят ФЗ от 20 мая 2002 г. «О временном запрете на клонирование человека», которым введен временный, сроком на пять лет, запрет на клонирование человека. Законодатель подчеркнул, что еще недо-

статочно изучены биологические и социальные последствия клонирования. Впервые нормативно определены такие понятия, как клонирование человека — создание человека, генетически идентичного другому живому или умершему человеку, путем переноса в лишенную ядра женскую половую клетку ядра соматической клетки человека [4]. Настоящий Федеральный закон вводит временный запрет на клонирование человека, исходя из принципов уважения человека, признания ценности личности, необходимости защиты прав и свобод человека и учитывая недостаточно изученные биологические и социальные последствия клонирования человека. Клонирование включает в себя работу женских репродуктивных клеток и фактический рост эмбрионов. Вероятные результаты, которые могут быть получены в будущем, имеют большое влияние на оценку самой технологии. Операции с репродуктивными клетками — это искусственное создание эмбриона, который может стать человеком. В конце концов, судьба такого потенциально человека находится в руках учёного, который им манипулирует. В отношении искусственного оплодотворения и суррогатного материнства следует отметить, что российское законодательство в этой части — одно из самых либеральных. Не предусмотрено каких-либо разрешительных процедур при выборе суррогатной матери [5]. Клонирование, заменяющее половое размножение, будет способствовать разрушению традиционных форм супружеских семейных отношений. Клонирование человека как проблема правового регулирования имеет определенную специфику, поскольку данная технология выявляет необходимость пересмотра принципиального подхода законодателя к регулированию биотехнологий и научных достижений [1]. Связано это, прежде всего, с тем, что клонирование вместе с другими достижениями в медицине и биологии может поставить под сомнение ценность определенных фундаментальных категорий, таких как жизнь, индивидуальность, личность, справедливость, истина, родство, семья, мо-

раль и т.д. Проблема клонирования человека заставляет по-новому взглянуть на институт нравственности как на ценность, защищаемую государством, как на принцип осуществления политики реализации всех ветвей власти и субъективных прав человека и гражданина [6].

Статус клона также не выглядит таким однозначным, как кажется на первый взгляд. Непонятно, как установить связь между клоном и его прародителем. Будет ли иметь родившая женщина какие-либо права на рожденного клона, как будут складываться отношения между родителями донора и клона, а также отношения между клоном и самим донором? Было высказано предположение, что родители клона являются родителями его «прототипа». Генетический материал формируется благодаря матери и отцу человека, который впоследствии клонируется, соответственно, в первом и втором случаях они должны выступать в роли генетических родителей. Так как объектом эксперимента является человек, более того, еще не родившийся человек, который не может выразить свое согласие или несогласие на медицинский эксперимент. Если предположить, что результатом эксперимента будет не биологическая масса, а личность, то, соответственно, он имеет весь объем прав, закрепленных в законодательных актах. Статья 54 Семейного кодекса РФ устанавливает: каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько

это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам [7]. Ребенок имеет права на воспитание своими родителями, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства [7]. Как и некоторых других биотехнологий, правовое регулирование клонирования человека является идеологической и аксиологической проблемой. От позиции, которая будет закреплена в законодательстве, зависит дальнейшее эволюционное развитие человеческого общества. Этико-правовое осмысление нового этически противоречивого явления общественной жизни должно стать первым этапом правового регулирования. Эта задача решается путем анализа сущности, назначения данного явления, а также механизма его технической и правовой реализации с точки зрения существующей системы ценностей, признаваемой и защищаемой обществом [6].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что временный запрет клонирования не решает поставленную проблему, а лишь откладывает ее. Продление моратория на клонирование человека объективно обусловлено. Клонирование противоречит естественному творению человека. В связи с этим предлагается законодательно ввести полный и всеобъемлющий запрет на клонирование по аналогии с эвтаназией [1].

Литература:

1. Махалова К. Ш., Екатерина С. И. Правовые аспекты клонирования человека / К. Ш. Махалова, С. И. Екатерина. — Текст: непосредственный // Вести научных достижений 2019.
2. Клонирование человека возможно? Чем копия отличается от оригинала? В чем вообще смысл? Стыдные вопросы про самую обсуждаемую тему в современной биологии. — Текст: электронный // meduza: [сайт]. — URL: <https://meduza.io/feature/2018/02/06/klonirovanie-cheloveka-vozmozhno-chem-kopiya-otlichaetsya-ot-originala-v-chem-voobsche-smysl> (дата обращения: 15.11.2021).
3. Файзуллина, А. И. Правовые аспекты клонирования в Российской Федерации / А. И. Файзуллина, [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://school-science.ru/5/9/35544> // (Дата обращения: 09.11.2021).
4. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 20.05.2002 N54-ФЗ (ред. от 29.03.2010) «О временном запрете на клонирование человека»: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 19.06.2002: [принят Государственной Думой 19 апреля 2002 года] — Москва, 2021. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
5. Романовский Г., Клонирование: правовые аспекты / Романовский Г. — Текст: непосредственный // Законность. — 2006, N1.
6. Сальников В. П., Старовойтова О. Э. Клонирование человека как правовая категория / В. П. Сальников, О. Э. Старовойтова. — Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России 2006, с. 33.
7. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N223-ФЗ: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 01.03.1996: [принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года] — Москва, 2021. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.

Врачебная ошибка: подход к определению понятия и меры правовой превенции

Классина Анжелика Вячеславовна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автор на основе анализа существующих исследований формулирует свой подход к определению врачебной ошибки. Сделан вывод о регламентации врачебной ошибки как идентификации условий её порождающих в рамках риск-ориентированного

подхода. Определены задачи, которые решает право в рамках превенции врачебной ошибки, выявлены правовые инструменты решения этих задач.

Ключевые слова: медицинская ошибка, ятрогения, здоровье, вред,

Актуальность темы врачебной ошибки определяется таким обстоятельством как значимость человеческой жизни и здоровья. Право, действующее как социальный регулятор отношений, связанных со здравоохранением, предполагает использование ряда методов воздействия на такие отношения, в том числе, связанных с установлением ответственности за совершение ошибочных действий в процессе профессиональной деятельности врачей. В настоящее время в общественном сознании сложился противоречивый образ врача: с одной стороны, этой профессии придаётся ореол святости и героизма (это особенно проявилось в связи с пандемией COVID-19), с другой стороны, врачей часто обвиняют в том, что они равнодушны, пренебрегают своими обязанностями, в результате чего ставят под угрозу жизнь и здоровье граждан. Задача права здесь заключается в поиске оптимального баланса интересов врачей и пациентов.

Целью исследования является выработка авторского подхода к статусу врачебной ошибки в современном российском праве.

Задачи исследования заключаются в следующем:

- на основе анализа подходов к врачебной ошибке в различных исследованиях сформулировать авторское определение врачебной ошибки
- путем анализа действующих нормативно-правовых актов в сфере здравоохранения в Российской Федерации определить, каким образом правовые нормы способствуют снижению риска возникновения врачебной ошибки.

Материалы исследования. Понятие врачебной ошибки в настоящее время не зафиксировано в российском законодательстве, что определяет широту теоретической дискуссии и обращение к проблеме ошибки самых различных специалистов. В то же время, как представляется, современное российское законодательство о здравоохранении достаточно развито, чтобы учитывать различные факторы, приводящие к совершению врачебных ошибок. Эти обстоятельства обусловили подбор материалов исследования: научные труды как правоведов, так и специалистов, изучающих явление ошибки в целом, а также российского законодательства об основах охраны здоровья граждан: Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1] (далее также Закон № 323-ФЗ) и подзаконных актов, развивающих положения федерального законодательства.

Результаты и обсуждение. Понятие ошибки встречается как в обыденной жизни, так и в различных сферах научного знания. попытку сформулировать некую общую концепцию ошибочности, «теорию ошибки» предпринял философ Ф. А. Селиванов. Ученый назвал свою междисциплинарную теорию «эррологией» (от лат. *error* — промах, ошибка, погрешность и *logos* — слово, разум, учение). Ошибка определяется философом как «непреднамеренная неправильность, которую система с обратной связью в состоянии заметить и устранить

(если существует возможность)» [8, с. 27]. Применительно к человеку и совершаемым им ошибкам можно говорить о существенном значении волевого компонента и производной от него деятельности, вследствие которого ошибка может быть, во-первых, совершена, во-вторых, идентифицирована, в-третьих, по возможности устранена. Понятие врачебной ошибки находит своё отражение в диссертационных исследованиях различных научных направлений. Как можно предположить, значительная их часть связана с анализом причин и следствий ошибок во врачебной практике применительно к лечению различных болезней и их групп, при оказании определенных видов медицинской помощи — к этому относится широкий спектр исследований в области медицины. Вместе с тем, понятие врачебных ошибок осмысливается в рамках наук об обществе в силу междисциплинарного характера явления медицинской ошибки.

Врачебные ошибки в контексте социального, нормативного статуса врача рассматривает Г. Ю. Бударин. Исследователь приходит к выводу, что главным последствием врачебной ошибки становится причинение вреда здоровью или жизни лица [2], что, на наш взгляд, образует юридическое последствие и потому позволяет оценивать ошибку в контексте не только моральных, этических норм, но и права ввиду наличия именно правовых средств охраны жизни и здоровья. В контексте конституционного права на доступную и безопасную медицинскую помощь рассматривает явление врачебной ошибки А. А. Понкина [7]. Автор приводит довольно сложную конструкцию, суть которой заключается в выделении связи: «негативный исход медицинской помощи — дефект медицинской помощи — врачебная ошибка». Примечательным в определении можно назвать конструкцию «событие, случившееся или возможное» — то есть, существенно неблагоприятное для жизни и здоровья пациента событие произошло объективно определено, однако событие ошибки при этом может быть как реально произошедшим, так и возможным при определенных условиях. В контексте оказания некачественной врачебной услуги рассматривает врачебную ошибку Н. А. Иванова, которая полагает ошибку как действие, вызванное результатом заблуждения, при этом определяя закрытый перечень возможных причин возникновения таких заблуждений, что отличает от подхода в определении ошибки как вида дефекта медицинской помощи в работе А. А. Понкиной. Примечательно, что нанесенный вред в данном подходе также не является обязательным признаком и последствием ошибки, важна сама потенциальная возможность наступления такого последствия, понятие вины причинителя вреда рассматривается исследователем только в аспекте его (вреда) компенсации [3]. В уголовно-правовых исследованиях дискутируется возможность криминализации деяний, которые непосредственно не влекут причинение вреда здоровью и жизни, но создают такую угрозу, что говорит об осознании рисков, которые несет в себе профессиональная деятельность медиков

и необходимость осознания ответственности лиц, оказывающих медицинскую помощь или поставляющих медицинские услуги [5]. Именно вопросы обоснованности риска при характеристике врачебных ошибок и уголовно-правовой ответственности врачей довольно подробно рассматриваются в учебном пособии «Медицинское право» под редакцией Н.В. Косолаповой [4].

Можно сказать, что в настоящее время сложилось широкое и узкое понимание медицинской ошибки. В широком понимании медицинская ошибка представляет собой совокупность решений медицинского персонала, связанных с выбором методов и средств лечения, приводящих к опасным для жизни и здоровья пациента последствиям при наличии и возможности применения известных альтернатив решения, к таким последствиям не приводящим. В узком понимании медицинская ошибка представляет собой разновидность дефекта оказания медицинской помощи; произошедшее или возможное событие, которое влечет за собой существенно неблагоприятный для жизни и здоровья пациента исход медицинской помощи, вызванный действиями или бездействием медицинского персонала, который не предвидел и не мог предвидеть и предотвратить это событие, добросовестно заблуждался относительно диагностики, комплекса медицинских вмешательств, информирования пациента о состоянии его здоровья. В связи с особенностями широкого и узкого понимания врачебной ошибки мы полагаем, что ключевым выступает представление об ошибке как последствии неверного решения, принятого специалистом. Для минимизации возникновения таких последствий важно строить системы принятия решений в сфере здравоохранения таким образом, чтобы избежать принятия неверного решения (формировать «архитектуру выбора» в терминах К. Санстейна и Р. Талера [9]). Мы полагаем, что правовые нормы в сфере медицины должны способствовать формированию такой архитектуры выбора в рамках организации системы здравоохранения, которая снижает как риск совершения медицинских ошибок, так и их последствий.

На основе анализа норм федерального законодательства об охране здоровья, а также подзаконных актов мы пришли к выводу, что правовые нормы Российской Федерации об охране здоровья выступают в качестве основы предотвращения совершения врачебных ошибок в профессиональной деятельности врача, устранения условий совершения таких ошибок, и компенсации последствий таковых. Представляется, что это свойство правовых норм в отношении врачебных ошибок проявляется в решении следующих задач:

- установление качественного характера медицинской помощи как конституционной ценности. Этот подход определяет развитие прочих законов и подзаконных актов в этом ключе, в частности, Законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определяется необходимость обеспечения таких свойств медицинской помощи как её безопасность и эффективность;
- профессионализация медицинской деятельности, что достигается, в частности, за счет государственного лицензирования медицинской деятельности, аккредитации специалистов, установления квалификационных требований к лицам, ока-

зывающим медицинскую помощь и обязанность повышения уровня их квалификации;

- правовая регламентация процесса оказания медицинской помощи, что реализуется установлением правил, порядков, стандартов и рекомендаций при оказании медицинской помощи, обладающих статусом подзаконных нормативных актов, а также правил разработки таких актов на уровне государственных органов и обязанности регулярной актуализации клинических рекомендаций;

- компенсация негативных последствий для жизни и (или) здоровья пациента и (или) его родных и близких, наступивших вследствие допущения медицинской ошибки. На решение этой задачи направлено распространение на медицинские услуги общеправовых положений о безопасности услуг для потребителя, а также компенсационные механизмы гражданского права, предполагающие компенсацию вреда при отсутствии вины причинителя такого вреда. Сюда также можно отнести положения о праве медицинских работников на страхование рисков профессиональной деятельности;

- создание правовых условий для идентификации совершения врачебной ошибки и обстоятельств, приводящих к совершению ошибок в будущем. Такие условия создаются путем введения правового института экспертизы качества медицинской деятельности. Эта задача решается как со стороны государства путем реализации полномочий по контролю и надзору в сфере здравоохранения, так и в рамках наделения соответствующими полномочиями отдельных медицинских работников и подразделений лечебно-профилактических учреждений по анализу оказания медицинской помощи на предмет её безопасности, эффективности и наличие ошибочных действий медицинского персонала;

- развитие коллегиального начала в принятии решений, касающихся стратегии и тактики лечения, что выражается в возможности создания таких правовых институтов как врачебные комиссии, консилиумы, научно-практический совет, некоммерческие организации специалистов, наделенных полномочиями по принятию юридически значимых решений;

- установление иных, кроме гражданско-правовой, видов ответственности врача и медицинской организации за совершение врачебной ошибки: дисциплинарной, административной и уголовной. Как представляется, ответственность в отношении врачебных ошибок в значительной степени несет более превентивную и штрафную, нежели чем компенсационную функцию.

Выводы. Полученные результаты отражают специфику понимания врачебной ошибки как явления, подлежащего правовому регулированию с точки зрения использования риск-ориентированного подхода к профессиональной врачебной деятельности, что является перспективной задачей российского трудового права [6]. В свою очередь, показано, что российское медицинское право само по себе уже содержит специфические инструменты, направленные на снижение риска совершения медицинской ошибки (стандартизация качества, профессионализация, компенсация, установление ответственности, распространение коллегиального начала при принятии решений, экспертиза качества медицинской помощи).

Литература:

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ.— 2011.— № 48.— Ст. 6724.
2. Бударин Г. Ю. Социальные принципы нормативного регулирования медицинской деятельности: автореферат дис... доктора социологических наук: 14.02.05 / Бударин Глеб Юрьевич; [Место защиты: Волгогр. гос. мед. ун-т].— Волгоград, 2013.— 47 с.
3. Иванова Н. А. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина: автореферат дис... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Иванова Наталия Александровна; [Место защиты: Волгогр. акад. МВД России].— Волгоград, 2007.— 25 с.
4. Косолапова Н. В. Медицинское право России: учебник / Н. В. Косолапова.— Москва: ЮСТИЦИЯ, 2021.— 244 с.
5. Кудаков А. В. Врачебная ошибка и ее уголовно-правовая оценка: автореферат дис... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Кудаков Александр Владимирович; [Место защиты: Саратов. гос. акад. права].— Саратов, 2011.— 22 с.
6. Курсова О. А. Риск-ориентированный подход в трудовом регулировании как новый тип правового воздействия // Государство и право.— 2019.— № 5.— С. 112–122.
7. Понкина А. А. Право на безопасную медицинскую помощь: конституционно-правовое исследование: автореферат дис... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Понкина Александра Александровна; [Место защиты: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ].— Москва, 2013.— 27 с.
8. Селиванов Ф. А. Поиск ошибочного и правильного / Ф. А. Селиванов; М-во образования Рос. Федерации. Тюм. гос. ин-т искусств и культуры, Тюм. отд-ние Рос. филос. о-ва.— Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. у-та, 2003.— 195 с.
9. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / Ричард Талер, Касс Санстейн; пер. с англ. Е. Петровой [науч. ред. С. Щербаков].— М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.— 240 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 47 (389) / 2021

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 01.12.2021. Дата выхода в свет: 08.12.2021.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.